

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 Г. А. Д. ИВИНСКИЙ

ПИСЬМА М.Н. МУРАВЬЕВА К Н.А. И Ф.Н. МУРАВЬЕВЫМ 1776 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИ ГИМ)

Аннотация: Статья посвящена публикации и комментированию части эпистолярного наследия известного русского писателя последней трети XVIII в. М.Н. Муравьева. В данной работе в научный оборот введено 71 письмо поэта к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой, которые были отправлены в 1776 г. и которые хранились в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва). Данные материалы позволяют реконструировать многие подробности биографии Муравьева. Так, например, по ним восстанавливается история его вступления в Вольное российское собрание, литературное и научное общество при Московском университете; выявлены связи начинающего поэта в академической среде, он был близко знаком с директором Академии наук С.Г. Домашневым, известными учеными В.Е. Адодуровым, А.А. Барсовым и др. Кроме того, данные письма позволяют описать отношения Муравьева с крупнейшими писателями эпохи — с В.И. Майковым, М.М. Херасковым и др. Помимо этого эти материалы помогают понять специфику службы Муравьева в Измайловском полку. Наконец, письма 1776 г. — важнейший источник наших знаний о круге чтения Муравьева и о его художественных замыслах.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, история русской литературы XVIII в., эпистолярный.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Инсти-

тут мировой литературы Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

© 2024. ALEXANDER D. IVINSKIY

MIKHAIL MURAVYEV IN LETTERS TO HIS FATHER AND SISTER FROM 1776

Abstract: The article is devoted to the publication and commenting of a part of the epistolary legacy left by Mikhail Muravyev, the famous Russian writer of the last third of the 18th century. In this work, the poet's letters to his father Nikita Muravyev and sister Fedosiya Muravyeva, which were sent in 1776 and which were stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow), are published and introduced into academic circulation. These materials allow us to reconstruct many details of Muravyev's biography. For example, they reconstruct the history of his entry into the Free Russian Assembly, the literary and academic society at Moscow University; the connections of the young poet in academia were revealed, he was closely acquainted with the director of the Academy of Sciences S.G. Domashnev, famous scholars V.E. Adodurov, A.A. Barsov, etc. In addition, these letters allow us to describe Muravyev's relations with the major writers of the era — with V.I. Maikov, M.M. Kheraskov, etc. Moreover, these materials help to understand the specifics of Muravyev's service in the Izmailovo regiment. Finally, the letters of 1776 are the most important source of our knowledge about Muravyev's reading circle and his artistic intentions.

Keywords: Mikhail Muravyev, History of Russian Literature of 18th Century, Epistolary.

Information about the author: Alexander D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

Письма М.Н. Муравьева 1776 г. к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой посвящены ключевому этапу в жизни писателя¹. Он впервые был предоставлен самому себе, начал полноценную взрослую жизнь, почувствовал себя писателем. При этом данные материалы позволяют восполнить значимые лакуны, которые существуют в исследовательской литературе и которые не позволяют ответить на вопрос о том, как человек, не попавший «в случай» и не сделавший, казалось бы, блестящей карьеры, смог стать воспитателем наследника престола, а затем и прямо влиять на развитие просвещения и культуры в стране?

Письма, которые мы публикуем ниже, позволяют приблизиться к ответу на этот вопрос: дело в том, что биография Муравьева неотделима от истории семьи или клана Муравьевых и пока не написана; как творческое наследие, так и эпистолярный в значительной своей части просто не собраны, так как сотни листов его рукописей рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга. При этом, когда ученые обращаются к жизни сына Муравьева, известного декабриста Н.М. Муравьева, для них само собой разумеющимся является факт его принадлежности к выдающейся семье. Но ведь и Михаил Никитич, хоть и не был сыном большого сановника, был, тем не менее, далеко не случайным гостем в Петербурге. Широкая сеть знакомств позволяла ему чувствовать себя «своим» там, где иной человек навсегда остался бы «чужаком». Один из парадоксов его жизни заклю-

¹ Ситуация с письмами писателя во многом парадоксальна: с одной стороны, к ним неоднократно обращались исследователи [Кулакова, 1939; Лазарчук, 1972; Кулакова, 1976; Teteni; Фоменко, 1980; Фоменко, 1984; Росси; Топоров, 2007, 3; Пашкуров, Мясников; Зорин и др.]; важнейший вклад в их изучение — статья Л.И. Кулаковой и В.А. Западова [Муравьев, 1980], с другой — издана лишь малая их часть. Данная работа — часть большого проекта по публикации эпистолярного наследия Муравьева, которым мы занимаемся в ИМЛИ РАН. Ранее мы подготовили к печати десять писем поэта к близким 1778 г. [Ивинский, 2018], а также его письма к Луниным 1789 и 1791 гг. [Ивинский, 2018; Ивинский, 2022].

чается в том, что Муравьев, хотя много времени в детстве провел в сравнительно небольших городах (Смоленске, Оренбурге, Казани, Архангельске, Вологде), провинциалом не был — ни интеллектуально, ни социально. Тем более что, несмотря на частые разъезды, Муравьев успел поучиться и в университетской гимназии, и в Московском университете. Восхождение Муравьева по карьерной лестнице, однако, не было ни простым, ни быстрым: служба давалась тяжело, письма наполнены дежурными ламентациями на несправедливость фортуны, но это-то как раз показатель серьезных амбиций. Муравьев считал, что он достоин тех чинов и позиций, которые проплывали мимо; его возмущали незаслуженные, как ему казалось, успехи тех, кто, не имея нужных качеств, использовал связи и положение. Но такое отношение не было проявлением слабости или раздражительности, напротив, это было следствием осознания собственного особого места в столичном мире, своего «права», в результате чувство собственного достоинства и терпение позволили ему дожидаться и высоких должностей, и подлинного влияния на русскую культуру.

Таким образом, биография Муравьева, его успехи, как в литературе, так и на службе, неразрывно связаны с теми возможностями, которыми обладала его многочисленная семья. Новые материалы позволяют хотя бы до некоторой степени восстановить ту сеть знакомств, то сложно устроенное социальное поле, в котором существовал молодой поэт в 1776 г. Как мы покажем далее, те люди, с которыми он сблизился в это время, во многом предопределили всю его последующую жизнь.

Первичная задача — восстановить круг людей, с которыми общался Муравьев. Не менее важно проанализировать и те социальные институты, с которыми взаимодействовал Муравьев. Ключевые из них — это семья, полк, *Academia* и литературные круги. В каждом из этих «миров» он играл разные роли: сына и брата (позднее мужа и отца); сержанта Измайловского полка (позднее офицера); бывшего студента Московского университета и вольнослушателя академических лекций (позднее това-

рища министра народного просвещения, а также самобытного филолога и историка); частого гостя Хераскова (позднее уважаемого светского человека и большого писателя). Восстановив эти связи, мы, кажется, поймем, каким далеко не случайным стал выбор именно Муравьева на роль воспитателя великого князя Александра; постепенно он превратился из стороннего наблюдателя придворных интриг в человека, имеющего прямой выход на будущего императора. Муравьев известен своим пессимизмом, скепсисом, часто исследователи отмечали, что он был категорически собой недоволен, но парадоксальным образом каждую роль он отыграл блестяще, везде добился заметного успеха.

В данной публикации мы вводим в научный оборот 71 письмо писателя 1776 г. к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой (к части этих материалов мы уже обращались [Ивинский, 2023]). Публикуемые материалы объединены в два конволюта² объемом более 100 рукописных листов; вот их хронологический перечень: 5.1.1776; 12.1.1776; 14.1.1776; 15.1.1776; 18.1.1776 (этой датой помечены два письма); 21.1.1776; 28.1.1776; 25.2.1776; 29.2.1776; 3.3.1776; 7.3.1776; 10.3.1776; 21.3.1776; 28.3.1776; 4.4.1776; 7.4.1776; 11.4.1776; 18.4.1776; 21.4.1776; 25.4.1776; 28.4.1776; 5.5.1776; 8.5.1776; 9.5.1776; 16.5.1776; 19.5.1776; 23.5.1776; 26.5.1776; 6.6.1776; 7.6.1776; 8.6.1776; 20.6.1776; 27.6.1776; 30.6.1776; 2.7.1776; 11.7.1776; 14.7.1776; 21.7.1776; 4.8.1776; 8.8.1776; 11.8.1776; 16.8.1776; 18.8.1776; 22.8.1776; 27.8.1776; 31.8.1776; 5.9.1776; 8.9.1776; 13.9.1776; 15.9.1776; 18.9.1776; 20.9.1776; 22.11.1776; 24.11.1776; 28.11.1776; 1.12.1776; 2.12.1776; 4.12.1776; 8.12.1776; 12.12.1776; 18.12.1776. Несколько писем датируются по содержанию.

² Письма М.Н. Муравьева к отцу М.А. Муравьеву 1776 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 1–121; Письма М.Н. Муравьева к отцу Н.А. с приписками к сестре Ф.Н. 1776. Ноябрь–декабрь // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 1–22.

Семья

Муравьев писал письма отцу Никите Артамоновичу и сестре Федосье Никитичне, жившим в Твери. Н.А. Муравьев (1721–1799) — чиновник, позднее сенатор, в 1776 г. — председатель Казенной палаты Твери, эта должность явно его не устраивала, он надеялся на продвижение по службе (в этом должны были помочь передачи писем, встречи с людьми, которые могли бы принять соответствующие решения)³. Семья жила небогато, одна из сквозных тем писем Муравьева — деньги, которых всегда не хватало⁴, приходилось занимать и самим давать в долг⁵, поэтому неудивительно, что один из постоянных сюжетов этого

³ См., напр.: «Вчера присылала за мной Прасковья Глебовна <Головцына>, и я там обедал. Она еще все больна: нынешний день по просьбе ее ездил я с сыном ее Дмитрием Ивановичем <Головцыным> к Григорью Александровичу Потемкину: чтоб только ввести в покой и найти случай доложить об нем; а он бы подал письмецо. Но мы прождали за 12 часов, и сколько ни просили доложить, никто не смел; затем, что Граф пролежал на постеле и не выходил в уборную» (Письмо <1>); ср.: «Письма к Наместнику <Сиверсу> и прочим я уже, тому неделя, все разнес, так как прежде о том писал. Я думаю, что письма мои доходят, так вы уже изволите знать ответ его. А имянно, что теперь скоро нельзя, а разве со временем» (Письмо <38>); ср. также: «Прошедшее воскресенье был я у Наместника <Сиверса>, он спрашивал о вашем здоровье» (Письмо <39>) и мн. др.

⁴ См., напр.: «Разход мой довольно велик, и на одно сено издержали мы 13 рублей с лишком. Ето пуще всего здесь раззорительно и сено очень дорого. Как вы изволите разсудить не лучше ли уж мне не держать лошади» (Письмо <14>).

⁵ См., напр.: «Александр Федорович <Муравьев> третьяго дня поехал в отпуск на шесть месяцев. Я ему говорил о 20 рублях и он отозвался, что он не помнит, каким образом они за него зашли, что помнится, едучи в армию, он не занимал; для того просил меня, чтобы я осведомился, какие денги вы изволили считать» (Письмо <16>); и далее: «Вчера по утру был у меня Красильников, которой на кануне приехал. Он говорил, что будто поздно получил письмо ваше, в котором вы его просите заплатить все денги, и что будто надеялся, что вы еще переписите; собрал он только 200 рублей и просит вас, чтобы вы ему в том подождали. Я старался его уговорить, но он выпросил у меня, чтобы написать ему самому к вам, и так при сем письмо его к вам посылаю на другой странице. И о том, как изволите приказать: хорошо бы

периода — затянувшийся денежный конфликт с родственником М.П. Яковлевым, который едва не отразился на служебном положении самого Муравьева⁶. Ф.Н. Муравьева (1760–1792) — сестра М.Н., впоследствии жена С.М. Лунина, мать декабриста М.С. Лунина. Муравьев писал домой регулярно, минимум раз в неделю, иногда и чаще, поэтому перед нами уникальный источник, который позволяет восстановить детали его жизни иногда по часам⁷. В это время он сержант Измайловского полка, службой тяготился, только начал взрослую жизнь, погружался в сложный мир столицы и знакомился с новыми людьми, грезил литературной славой; общение с родными — глубокая психологическая потребность. С одной стороны, он нуждался в советах или, по крайней мере, в молчаливом одобрении своих действий⁸, с другой — он, будучи представителем семьи в столице, выполнял целый ряд поручений отца. При этом можно говорить о целом клане Муравьевых в Петербурге: близкие и дальние родственники, братья, сестры, дядюшки и тетушки — все по-разному пытались найти свое место если не при дворе, то

если бы ответ ваш на это не опоздал. Однако если я не буду иметь вашего повеления, так я 200 рубл.<ей> приму, а вексель протестую» (там же).

⁶ О т. н. «деле Яковлева» см.: [Письма, с. 364; Топоров, 2007, 3, с. 131].

⁷ Ср.: «Батюшко, милостивой Государь, сестрица матушка, сделайте милость, сжальтесь на мое состояние. Чем горестнее ваше состояние, тем в тысячу крат пуще мое. Боже милостивой! я четыре письма, в четвертой раз пятое письмо пишу. Ни одного не получаете. Что мне делать? Ну ежели вы все печалитесь. Ну ежели вы занеможете, я всему вина, и как мне помочь? Бог меня наказал. Что ни напишу, все пропадает. Чтобы чорт меня взял! Моя жизнь мне в скуку, в досаду, в проклятие» (Письмо <5>).

⁸ См., напр.: «Я мало по малу к одиночеству моему привыкаю <...> Когда я при вас был, я мог вас видеть, с вами разговаривать, и сего уж было довольно для моего удовольствия; теперь я не могу вас видеть, я лишен ваших разговоров, я не могу поцеловать руки вашей, так пусть хотя слова мои, сии отсутственные речи, будут несколько плодоноснее» (Письмо <1>); ср.: «Могу ль я теперь попросить вас, батюшка, об учащении ваших писем? я их не очень часто получаю» (Письмо <19>); см. также: «Я живу очень тихо; етому свидетель Петербург, которой меня не знает» (Письмо <21>) и др.

хотя бы рядом с ним. Со всеми из них Муравьеву нужно было выстроить отношения. Чаще других в письмах упоминался З.М. Муравьев, ровесник Муравьева; тогда они снимали квартиру вместе и были очень дружны. Полный список родственников, друзей, приятелей и знакомых Муравьева см. ниже.

Полк

Главное занятие Муравьева в Петербурге — это служба; она тяготила молодого человека, который предпочел бы литературные и академические занятия дежурствам, однако он понимал ее необходимость для будущей карьеры и примирялся с неизбежным. Отношения с начальством у Муравьева складывались удачно, отнюдь не последнюю роль в этом сыграли связи отца. Так, Н.А. Муравьев хорошо знаком и с секунд-майором Измайловского полка Ф.Я. Олсуфьевым⁹, и с капитан-поручиком Измайловского полка С.А. Хотяинцевым¹⁰. Очевидно, что это предопределило, пусть и не молниеносное, но последовательное продвижение Муравьева по службе¹¹. Отметим также, что среди родственников Муравьева находим людей, сделавших неплохие военные карьеры: например, П.А. Костливцев, в ту пору капитан таганрогского порта, а позднее вице-адмирала, П.С. Муравьев — генерал-майор, который жил в Москве, или М.А. Муравьев ст. — генерал-майор. Насколько они повлияли на судьбу

⁹ «По приказанию вашему письма все разнесены, на первых днях праздника и впервых к Федору Яковлевичу Олсуфьеву, которой приказал вам засвидетельствовать свое почтение и хотел к вам писать особливо» (Письмо <24>).

¹⁰ «Сергей Александрович <Хотяинцев>, которому я сказывал от вас почтение, просил засвидетельствовать оное же вам и от себя» (Письмо <25>).

¹¹ При этом это не означает, что Муравьев был всем доволен: молодой человек был готов к изменению карьеры; см.: «Вы изволили писать ко мне в прошедшем письме о вояжированье; не позволите ли мне попроситься в курьеры иностранной коллегии» (Письмо <32>). По-видимому, чтобы добиться перевода, требовались более серьезные связи, чем те, что были у Н.А. Муравьева, поэтому молодой поэт остался служить в Измайловском полку.

Муравьева, судить сложно, но как минимум это та среда, в которой он чувствовал себя вполне естественно.

Кроме того, относительно близкие отношения со старшими офицерами позволили Муравьеву свободное время употребить на ученые и литературные занятия¹². Более того, не нужно думать, что Муравьев был затворником, напротив, он увлеченный театрал, не чуждался и юношеских шалостей:

В воскресенье, то есть вчера наши жильцы сказали нам, будто комедия во дворце. Мы приехали, ан ничего не было. Однако мы не уныли, взобрались на верх театра и по узенькой лестнице вокруг столба вошли в театр. Разматривали, представляли на нем, прыгали антраша, покуда разбудили часового, которой, протянувшись в оркестре, дрых во всю свою силу. С ним поговоря, походили еще взад и вперед и пошли было вниз, чтоб рассмотреть машины, двигающие кулисами и пр: когда бы на наше нешастие проснувшийся тогда, как видно, рьяной страж театральной, не попал нам навстречу и масленичными балясами не заболтал нас кругом. Ему чрезмерно хотелось пяти копеек: уж как мы ни клепали иной актером, другой знакомцом <И.А.> Дмитриевского, третий, что он представлял благородными *Заиру*: нет, говорил нам старой пьянчуга, ни вам, государи, ни моему глупому уму не подобает исповедать все глубины: дай бог, вам быть нашими командерами, а там ни зги невидно. Таким образом, болтали, болтали, и не могли перемочь старого враля, принуждены возвратиться и прямо на горы, а оттуда домой (Письмо <4>).

Также служба не мешала и светским развлечениям, например, Муравьев не раз упоминал об участиях в маскарадах; см., напр.:

¹² Ср.: «Принуждения, что касается до службы, нет никакого. Ниже караула; разве бы сам захотел» (письмо <18>).

Все скучно: это я без хвастовства скажу, вчера я был в Маскераде: какое веселье, бродить до усталости между тысячами не знакомых лиц, и тех с харями, затем только, чтоб кто-нибудь сказал мимоходом: здравствуй? Еще кто любит танцевать: Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> в своем венециане заслуженном и которой ему по колено, так то, выфантавал, что лучше не лъзя (письмо <11>)¹³.

Таким образом, служба позволяла Муравьеву завязывать новые знакомства, прочнее встраиваться в столичный мир и мечтать о большой карьере. Однако даже просто по количеству имен людей, связанных с полковой жизнью, можно судить о ее сравнительно низкой значимости для Муравьева: несмотря на то, что он упоминает какие-то реалии службы в каждом письме, очевидно, она для него глубоко второстепенна, особенно на фоне научных и литературных интересов.

Academia

Интерес к изучению наук у Муравьева проснулся в раннем возрасте, особенно в университетской гимназии и Московском университете. Роль проводника в этом мире сыграл еще один его родственник — знаменитый куратор Московского университета В.Е. Адодуров. Отношения с ним были близкими, Муравьев упомянул в одном из писем о совместном отмечании праздников: «В Новый год с братом Захаром Матвеевичем <Муравьевым> выезжали мы к Василию Евдокимовичу <Адодурову>, и он нас принял очень хорошо» (письмо <1>). Другой известный ученый, профессор Московского университета А.А. Барсов «обласкал» Муравьева и помог вступить в Вольное российское собрание (об этом см. ниже).

¹³ Ср.: «Третьего дня был у нас маскерад, и я с Никитой Романовичем <Рожешниковым> по милости Матрены Дмитриевны <Бастидон> в ее карете ездил» (письмо <59>).

Муравьев живо интересовался естественными науками и посещал открытые лекции в академии наук, о чем неоднократно писал отцу. Так, например, он выделял занятия по физике: «В среду по утру ходили мы с Заворотковым и еще другим Сержантом в Академию на лекцию адьюнкта Иноходцова; затем, что новым директором определено говорить профессорам для публики, так что кто бы ни вошел туда, слушать может по изволению. Теперь Иноходцов проходит курс математики, а Крафт зачнет также показывать Экспериментальную физику» (письмо <10>); ср.:

Здесь у нас учреждено в Академии, что по средам и по субботам адьюнкт Иноходцов читает для охотников Математический курс по утру, а по вторникам и четвергам после обеда Профессор Крафт проходит Экспериментальную физику. В сию последнюю лекцию съезжаются очень многия. Директор <С.Г.> Домашнев сам всегда бывает: Василий Евдокимович <Адогуров> с сыном и племянником, Пав<ел> Алекс<андрович> Бибиков, очень много офицеров и несколько сухопутных кадет. Крафт читает ее на французском языке. Нынче там будет собрание, и я туда еду (письмо <17>)¹⁴.

¹⁴ См. также: «А теперь, то есть отобедав, думаю, ехать на физическую Лекцию. В последний раз я не был за дежурством, и для того наградить это надобно, а Крафт наш говорит там о тяжести и упругости воздуха: теперь уж дошел он может быть и до гидростатики» (письмо <19>); ср.: «...был в то время на дежурство, и отпросился у порутчика, на физическую лекцию, куда мы с Никитой Романовичем <Рожешниковым> ходили» (письмо <21>); ср. также: «Паралаксис солнца был моим предметом; одно слово Паралаксис довольно, чтобы дать себе ученый вид. Только то беда, что я сам чувствую, что он мне очень и очень не принадлежит. Все мои воображаемые труды терпят беспрестанной прилив и отлив: минуту метафизик, другую конечно алгебраист, а на верно прежде наступлений третьей, рифмы заступят место сравнений» (письмо <45>).

Публичные лекции — это место встречи не только с кабинетными учеными, но и с офицерами и сановниками. И отдельно отметим упоминание Адодурова. После одной из таких лекций Муравьев встретился с директором академии наук С.Г. Домашневым:

Я ходил нынче в физическую лекцию; однако ей не было, для того что наш Крафт, как сказывают, повредил себе руку и лице. Так я посидел у С.И. Антонова, которой и с женой вам кланяется. Крафт также в прошедший раз приказал вам кланяться. Он говорил тогда об огне, и тут делали термометр: Сергей Герасимович Домашнев подарил мне Таблицу сравнения главнейших термометров; я к нему хожу, и он довольно ласков (письмо <30>).

Итак, видимо, благодаря Адодурову Муравьев познакомился с крупнейшими учеными своего времени, в частности, с Барсовым, и чиновниками от науки, в первую очередь, с Домашневым, которые определили во многом дальнейшую траекторию жизни Муравьева: увлекающийся исследованиями молодой человек через несколько десятилетий станет товарищем министра народного просвещения. Но это будет потом, а сейчас Муравьев впервые выдвинулся на первый план и вступил в Москве в авторитетное ученое общество. Это один из главных сюжетов этого года, поэтому мы остановимся на нем подробнее.

Вольное российское собрание

3 декабря 1776 г. Муравьев был избран в члены Вольного российского собрания при Московском университете. Вот как описывает этот эпизод Н. Жинкин:

В первый раз он <Муравьев. — А.И.> совершил поездку в Тверь, а затем и в Москву в сентябре 1776 года и вернулся

в Петербург только через 10 месяцев — 30 июля 1777 года. Первое посещение Москвы — после поступления в Измайловский полк — осталось навсегда памятным Михаилу Никитичу: 3 декабря 1776 года он был избран членом Вольного Собрания Любителей Российского Слова, которое ценило в нем начинающего поэта и хотело поощрить его к дальнейшим трудам на литературном поприще. <...> Затем, в Москве он возобновил старые знакомства и завел новые <...> [Жинкин, с. 10].

Этот набор фактов («отпуск — приезд в Москву — избрание в члены общества»), с небольшими вариациями, мы найдем во всех известных исследованиях, посвященных жизни и творчеству Муравьева. Так, например, Л.И. Кулакова ограничилась буквально двумя фразами для характеристики этого периода: «Не порывает он связи и с Москвой. В 1776 г. его принимают в члены Вольного российского собрания при Московском университете» [Муравьев, 1967, с. 6]. Ср.:

В сент. 1776, получив отпуск, М. поехал сначала в Тверь, а затем в Москву. Здесь 3 дек. он был принят в члены Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те, где читал свои переводы из Горация, «Эпистолу к Н.Р.Р***» и др. [Западов, с. 308]¹⁵.

Наконец, см. недавнюю работу Е.В. Кунца:

...Михаил Никитич в сентябре 1776 г., получив отпуск, поехал в Тверь, куда еще 29 декабря 1775 г. получил назначение его отец, а затем в Москву. В Петербург Муравьев вернулся только 30 июля, спустя более чем 10 месяцев. 3 декабря 1776 г. он был принят в члены Вольного Российского

¹⁵ При этом отметим, что В.А. Западов сослался на письмо Муравьева к отцу от 12 декабря 1776 г. [Западов, с. 308].

собрания при Императорском Московском университете [Кунц, с. 34].

Современный исследователь указал на факт встреч Муравьева с И.И. Мелиссино, В.И. Майковым и А.А. Барсовым, однако не остановился подробно на этом вопросе и процитировал опубликованное Кулаковой письмо поэта к отцу от 8 мая 1777 г. [Кунц, с. 34–35].

С нашей точки зрения, события ноября-декабря 1776 г. — один из ключевых эпизодов в творческой биографии Муравьева. Речь тогда шла не просто о вступлении в то или иное ученое общество, хотя этот факт сам по себе достоин пристального внимания, ведь Муравьев, как известно, сторонился публичной деятельности, а о формировании сети интеллектуальных связей, которые во многом определили всю последующую жизнь писателя. Детально реконструировать ход событий и восстановить эту систему контактов мы можем по публикуемым ниже письмам.

22 ноября 1776 г. Муравьев — после долгого перерыва — побывал в Московском университете. Заблудившись, он не сразу нашел нужное здание, навестил старого учителя Ф. Гельтергофа, послушал лекцию профессора И.А. Роста «об архитектуре» и — что особенно важно для нашего изложения — зашел к профессору А.А. Барсову; см. письмо <63>:

Убрался и пошел в Университет. Нашел его, кое-как. Какие это переулки! самая большая улица Никитская, такими кривулинами: однако все что-то придает величественной и Руской, больно русской вид, или уж потому то что Москва. Вошел в Университет, и как то мы с Ванькой попали не туда. Через большую Аудиторию, где бываю собрания, да на верх: тут какой-то Профессор читал. Вошел в классы. Мне показалось хлевы. Вот что зделал Петербург: прежде мне казался Университет примером великолепных зданий, а теперь не множок, но меньше.

Учители все незнакомые: дошел до Гелтергофа; старик меня не узнал, сказался ему, он чуть, чуть помнит, говорит, что старится и забывается, сажал меня и говорил очень с великим удовольствием, хвалил, что будто я хорошо говорю по немецки. Каково ж это от древняго учителя. Оттуда пробрался к профессору Росту в Аудиторию и слушал его лекцию до звонка. Он просил меня, естли хочу продолжать ходить к себе. Он говорил об архитектуре. От него прошел я к Барсову. Тот было меня не узнал, а прочетши письмо, очень ласково принял и говорил очень хорошо. Я им доволен.

Итак, Муравьев установил первый контакт с Барсовым. Одновременно с этим Муравьев выстраивал отношения с другими профессорами Московского университета и, главное, с куратором московского университета В.Е. Адодуровым. В этом ему помог В.И. Майков, ставший своего рода проводником молодого поэта в сложном мире московской интеллектуальной элиты (как Муравьев познакомился с Майковым, обсудим ниже). Автора «Елисея» Муравьев упомянул уже в первом своем письме из Москвы: «А теперь думаю ехать к Василию Ивановичу Майкову. Не знаю, застану ли» (письмо <63>). Из письма <64> мы узнаем, что он застал Майкова и провел у него вечер:

Делать, еще ничего не делал, а все разъезжаю. Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василию Ивановичу Майкову, которой приказывает вам свое почтение. Он меня принял по прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич Волков, которые собирались тогда в Клоб, котораго Василий Иванович Майков директором. Он же заводит Концерт.

На следующий день Муравьев опять у Майкова, причем у него он познакомился с видными профессорами Московского университета С.Е. Десницким и М.И. Афониним:

От него к Василью Ивановичу <Майкову> обедать: у него застал Десницкого и Афонина, профессоров, которых он заставил, одного живущего с ним офицера, читать перевод своих превращений. Весь вчерашний день провели мы в чтении, и я читал после Василью Ивановичу несколько из своей Трагедии и он просил меня еще приехать с нею (письмо <64>).

Этот обед стал своего рода экзаменом для молодого поэта: на суд Майкова и его гостей Муравьев представил отрывки из своей трагедии «Болеслав», которую писал годами, но так и не закончил.

Тем временем, Муравьев еще расширил сеть знакомств, заручившись симпатией, а возможно, и поддержкой М.М. Хераскова. Схема как всегда одна и та же: визит — чтение стихов — приглашение на обед; см. письмо <64>:

...поехал я к Хераскову, которого приемом я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стишки к нему, которые у меня видал, расспрашивал у меня, что я делаю, разговаривал и рассуждал со мною, с такою ласкою и кажется откровенностью, что я довольно благодарить не могу. Просил меня к себе отобедать <...>.

И далее см. письмо от 28 ноября <65>:

Нынешний день обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьяго дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего Болеслава и переводных Елегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович, о стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Елегии мои ему очень нравятся и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, которого он не любит.

Завтре ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою Руссиаду <так!>, Епическую поему, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенатцать. Он ее четыре года уже делает.

И в том же письме <65> мы находим важнейшее упоминание о Барсове; но теперь его тональность изменилась: скромный проситель и податель рекомендательного письма превратился в человека, который чувствует свою творческую силу и способность самому определять свою повестку: «Я уже говорил Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение, и он говорит, что с охотою примут». При этом Муравьев прямо писал о той роли, которую в его творческой жизни играли Майков и Херасков:

Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем <...> уже и воспользоваться силою Майкова и Хераскова (письмо <65>).

Конец ноября – начало декабря — время наиболее частых встреч Муравьева с Херасковым. Вот несколько примеров из письма от 1 декабря (<66>):

Третьягодня в вечеру был у Хераскова и прочел четыре песни его *Руссиады* <...> Я взял у Михайла Матвеевича одну новую епическую поему *La Louiseide* какого-то Ле Жено. Да какой вздор! Хераск<ов> говорит, что он ее для смеху читает и второй песни прочесть не мог. Я несколько стихов тебе из ней напишу, чтоб ты посмеялась.

Теперь, кратко описав круг общения Муравьева в ноябре-декабре 1776 г., перейдем к интересующему нас событию — вступлению в Вольное собрание. Поэт в письме к отцу от 4 декабря (<68>) специально подчеркнул, что главную роль в этом событии сыграл именно Барсов:

Вчерашний день, паче чаяния моего, по представлению единственно Антона Алексеевича <Барсов>, которым я так доволен как больше быть нельзя, принят я членом вольного российского собрания, где я и заседаю. Тут читали некоторые манускрипты и после изъясняли слова, в набираемом лексиконе. Профессор Чеботарев, так как секретарь, читал список слов, а прочие их толковали. Между тем Барсов, как безменный секретарь, делал журнал заседания о моем определении, о прочем бывшем в присутствии.

В следующем письме от 8 декабря (<69>) Муравьев снова вернулся к этому сюжету и опять отметил заслугу Барсова в его вступлении в Собрание:

На прошедшей почте послал я к вам письмо от Антона Алексеевича Барсова. Я должен признаться, что я им столько обязан и обласкан, что довольно изъяснить не могу. Его единственно представительство я и в общество принят, и кроме того, всегда меня и книгами ссужает и нынешний самый день подарил для вас слово, которое он говорил на бракосочетание.

Итак, мы видим, что несколько визитов и рекомендательных писем сделали возможным невероятно быстрое приобщение Муравьева к миру московских писателей и ученых.

Вступление в это общество, а также те связи, которые Муравьев смог завязать в Москве, в первую очередь с Херасковым, открыли для него двери в кабинеты куратора и директора Московского университета; см. письмо <69>:

По утру сегодня, был я у куратора Ивана Ивановича Меллисино и у директора Михаила Васильевича Придонского, которыми я очень доволен. Последний еще при первом случае отзывался, что вас довольно знает. Все наши профессора вам кланяются.

Познакомился Муравьев и с протоиерем московского Архангельского собора П.А. Алексеевым, который ему «подарил свой церковной словарь, Дополнение к оному и изданный с его примечаниями Катихисис» (письмо <69>). Рассказывая о работе Вольного собрания, Муравьев не без гордости отметил, что стал его членом незначительно позже самого А.П. Сумарокова (письмо <69>):

Сумароков в наше собрание только за две недели до меня принят: он при первом заведении его, вон выгнан, и долго бранился, а ныне опять просил, и в первое заседание всех переругал. Не случится ль мне его увидеть, в прошедшую субботу не был; у нас собрания по субботам. Теперь мараю кое что, для прочтения в нынешнюю субботу.

Здесь бросается в глаза желание молодого поэта подчеркнуть свою сопричастность миру большой литературы, свою «соразмерность» Сумарокову. Но в то же самое время это описание не лишено иронического отстранения от «живого классика». Муравьев и в дальнейшем занимал сложную, подчас двусмысленную позицию по отношению к автору «Хорева» [Ивинский, 2018, с. 198–210].

В том же письме (<69>) Муравьев просил отца позволить ему еще ненадолго задержаться в Москве, чтобы «еще в двух заседаниях побывать». Таким образом, мы видим, что для молодого автора вступление в Вольное собрание стало по-настоящему значительным фактом, ведь он, возможно, впервые столкнулся с глубоким интересом к своему творчеству и получил «кредит доверия» для дальнейшей работы.

Не дожидаясь ответа отца, Муравьев снова посетил заседание общества, на котором слушал Барсова и представил свои сочинения; см. письмо <70>:

Третьягодня был я в нашем собрании, и читал кое-что: Антон Алексеевич расписывал Материю, которая вместить

должно в четвертом томе Трудов общества. Моего тут будет напечатано: переводы и изтолкование несколько Од из Горация, Епистола о счастье, перевод из Прозаических Клейстовых записок. А может быть еще маленькой Трактат о различиях слога высокаго, великолепнаго, величественнаго, громкаго и надутаго, которой я читал в собрании, и которой, ежели печатать, так еще пересмотреть надобно. Вот о каких важностях пишу я к вам, батюшко, что может быть вам и читать скучно.

Здесь же мы узнаем о встрече Муравьева с профессором Х.А. Чеботаревым, общение с которым сразу выстраивается как нельзя лучше; см. письмо <70>:

Я был в Университетской библиотеке, откуда и взял Гомерову греческую с Латинским переводом Иллиаду, Гезиода и Феокрита. Суббиблиотекарь, мой бывший учитель и нынешний профессор Чеботарев и Секретарь общества, до меня очень ласков и подарил мне Российскую Географию.

Почему же Чеботарев был так «ласков»? С одной стороны, он был одним из преподавателей Муравьева, с другой — это общение могло быть организовано Херасковым. Дело в том, что как раз в 1776 г. Чеботарев стал членом-основателем ложи «Озири-са», и, возможно, не только по университетским, но и по масонским «каналам» контактировали автор «Россияды» и известный историк. Херасков же, если основываться на письмах Муравьева, мог чувствовать отеческую симпатию к начинающему поэту и поэтому мог решить помочь ему завязать нужные знакомства. Отдельно заметим, что Чеботарев — как и ранее упомянутый Барсов — участвовал в работе по составлению «Записок касательно российской истории» (1783–1784). Московские профессора собирали материал, систематизировали его и отправляли Екатерине II. Нам уже доводилось писать о том, что муравьевские исторические сочинения, созданные для нужд преподавания великим князьям Александру и Константину Павловичам,

во многом зависели от работы императрицы, а значит, косвенным образом были связаны и с наработками Чеботарева-Барсова. Не будем забывать также, что в 1803 г. Муравьев станет попечителем Московского университета, пройдя за 27 лет путь от безвестного просителя в кабинете Барсова до вельможи, которому симпатизировал император.

Таким образом, мы видим, что всего за несколько дней в конце 1776 г. Муравьев стал частью большой и сложной интеллектуальной среды, которую составляли и поэты, и ученые, и высокопоставленные масоны, причем эти роли часто пересекались, а в некоторых случаях совпадали. При этом Муравьев почувствовал, может быть впервые, собственную уместность в этом мире. Его сочинения читались, были хорошо приняты и напечатаны. Возможно, именно «москвичи» выдвинули Муравьева на роль воспитателя великих князей и тем самым помогли ему «перезапустить» карьеру, что в итоге привело к резкому его возвышению в начале александровской эпохи, оборванному внезапной смертью в 1807 г. Вместе с тем, Муравьев никогда полностью не растворялся в этом круге, искал свой путь (см., напр.: [Ивинский, 2018]); позволим себе высказать осторожное предположение, что именно этим можно объяснить практически полный отказ от публикаций в 1780–1790 гг.: не желая довольствоваться ролью ученика, Муравьев предпочел писать «в стол».

Литературные круги

Мир литературы не был отделен от академической среды: писатели увлекались науками (в первую очередь, филологией и историей), а ученые нередко были литераторами. Более того, часто это один социальный круг, представители обоих «миров» встречались не только на лекциях, но и в салонах. О функционировании последних в 1770-е гг. мы знаем сравнительно немного, и письма Муравьева приоткрывают дверь в дом Хераскова, крупнейшего писателя 1770-х гг.

Первый вопрос, который возникает при знакомстве с биографией Муравьева: как он смог познакомиться с лучшими авторами эпохи? Ключевую роль опять сыграли родственные связи, и особенно Анна Андреевна Муравьева (урожденная Волкова), вдова Н.Е. Муравьева (1724–1770). Вернее, даже не столько она, сколько ее брат — Александр Андреевич Волков (1736–1783), известный переводчик и драматург. Так, он переводил Мольера и Ж.-Ж. Руссо; сочинил несколько удачных комедий, которые не без успеха шли при дворе (например, «Неудачное упрямство» и «Чадолюбие»). По-видимому, именно через Волковых Муравьев познакомился с В.И. Майковым¹⁶. Подтверждение этому находим в ОР РНБ; так, на форзаце одной из тетрадей Муравьев записал основные «вехи» своей биографии, среди которых находим указание на встречу с автором «Елисея» 24 ноября 1772 г.: «1772 ноября 24. Капр<ал>. Обед с Вас.Ив. Майковым у Анны Андреевны <Муравьевой>» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. I). Таким образом, к 1776 г., когда Муравьев переехал в Петербург, он был уже четыре года знаком с Майковым. Это знакомство произвело сильное впечатление на молодого человека: «Мне очень хочется увидеть Василия Ивановича <Майкова>, и будто уж вы знаете мое желание, вы сами изволите писать, чтоб я туда ехал» (письмо <39>); отметим, кстати, совет отца развивать отношения с маститым автором; ср. также уже цитировавшееся выше письмо <64>, в котором упоминается, что А.А. Волков «стоял» у Майкова и что Муравьев заезжал к ним.

Знакомство с Майковым открыло двери в дом М.М. Хераскова, Муравьев часто упоминал эти два имени вместе, это «классики», на которых он сперва смотрит снизу вверх. В упомянутой выше рукописи из ОР РНБ находим, кажется, самое раннее упоминание имени Хераскова — 1 января 1773 г.:

¹⁶ Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов и Адодурова, который также мог ввести Муравьева в мир большой литературы; в любом случае, роль Волковых трудно переоценить.

1773 января 1. Фуриер... В это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас.Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М<ихаила> Матв<еевича> Хераскова, коему читал перевод «Федры» <...> Мы ужинали. Майков, Фонвизин, Храпов<ицкий> Васил<ий> <...>.

(ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. I).

Отметим, что общение с Херасковым уже совершенно неформальное, вряд ли ошибемся, если предположим, что знакомство произошло раньше, возможно, тоже в 1772 г. Кроме того, подчеркнем и стремление Муравьева к творческой независимости, проявившееся в нежелании советоваться с известными авторами, эта черта характера станет во многом определяющей в жизни писателя.

В 1776 г. «старые» отношения укреплялись. При этом, конечно, «работали» и академические связи; см. показательный отрывок из письма <64>, из которого следует, что Херасков обсуждал Муравьева с Барсовым и Афониным: «Просил меня к себе отобедать: уж в приезд мой, в самой тот же день, как я приехал, знал через Афонина, которому, видно, сказывал Антон Алексеевич <Барсов>». Муравьев несколько раз рассказывал в своих письмах о Хераскове, мнением которого он дорожил. Выше мы уже приводили отрывки из писем, в которых Муравьев описывал отцу и сестре чтение «Россиады» и обсуждение литературных вопросов.

Однако литературная жизнь Муравьева не исчерпывалась общением с Майковым и Херасковым. Не менее важным, а возможно, и гораздо более значимым стало знакомство с Н.А. Львовым, который направлял учебу начинающего писателя, давал книги, вдохновлял на изучение нового; см., напр.: «Ник.<олай> Александрович <Львов> много принимает участия во мне <...>» (письмо <24>; также см. письмо <21>). Увлечение итальянскими языком и культурой, конечно, прямое следствие этих отношений.

Еще одно знаковое знакомство — И.А. Дмитриевский. Муравьев мечтал о славе драматурга, долго и мучительно писал свою

Играй брат! а не то... так будь уж без Заиры.
 А без Заиры друг, вить что и говорить?..
 Но что за странный блеск я зрю из-под забора?
 Силанс Мессью! вить я меж чистых Муз собора,
 И вижу целое явление, из Азора¹⁷,
 За Клавикордами, о! чудо! Терпсихора,
 (А Терпсихора кто? тебе сестрица быть)
 Да где же Аполлон? <нрзб> бачка,
 Негг Handke, антанде, василий-остров мачка,
 Ну! ну! коль ето так Заире быть твоей;
 Три речь сей,
 Уж то-то братцы, вся орда захлопотала,
 И Муз собор ревел: калинушку ломала.

См. также следующее письмо <27>:

— чтоб бурные чада Еоловы разогнали скоряе,
 хладные льды Бальгийския,
 чтоб принесли скоряй Зефировы дыхания,
 От Англии к Неве летающая знания,
 Потом, чтоб прежде всех приплывши корабли,
 Бумаги воза два, к Вейтбрехту привезли.

И здесь же далее:

Хотели здесь играть Армиду и Алцесту;
 Да кашель у певиц,
 Тимоша; говорят, вспрыгнул да брякнул ниц,
 А мы, сударыня, горюй се, как по песту.

¹⁷ Муравьев имел в виду комическую оперу-балет «Земира и Азор» (1771); музыка — А. Гретри, либретто — Ж.-Ф. Мармонтель. 15 августа 1777 г. он писал сестре Ф.Н.: «Я к вам посылаю “Луцилию”, “Гулона”, “Силвана” и “Земиру и Азора”, 11 pour que vous puissiez vous souvenir d’un frere qui vous aime tendrement» [Письма, с. 274].

Всякий раз стихотворный текст встраивался в прозаический, литературная игра неразрывно связана с содержанием письма, развивает его, обыгрывает, как, например, в письме <39>:

Я еду в воксгалл <так!>... <нрзб>. Это все равно что на Парнас.

Тверской воксгалл далек, а лондонской подавно,

А на Парнас не взлезть.

Вот то-то славно.

Не лучше ль дома сесть?

Сестрица, каково? А! Право вить не худо?

Когда не на стихи, на рифму хоть взгляни,

Затем вить и стихи, что с рифмами они,

Пусть так или не так, пожалуй не дразни

вить весь и дни...

Ба! что ж, здесь рифмы нет. Вот это чудо! Все рифмы, да рифмы! Зачем, братец, не пишешь без рифм? *Mademoiselle!* eh pourquoi s'il vous plait, voulez-vous, qu'étant sans raison, je joue aussi sans rime?

Еще один характерный пример из письма <40>:

Матушка сестрица! Прости мне, что я тебе солгал. Однако не вздумай, что я всегда лгу. Я бы и теперь послал к тебе *Хорева* и все что хочешь, да совесть удержала, понеже на немецкой почте:

Нельзя его послать без особой силы,

Которой все и вся подвластно на земли,

А под землей ее, вещают, полны жилы.

да только не мой

Так погоди теперь поколь из этих краев,

Вить должно бы сказать, поколь из сих краев,

Но ежели б ломать не можно было слов,

Так где взяла ты Рифмачев?

* * *

Письма наполнены десятками имен, некоторые из них атрибутируются легко, другие — с трудом, третьи пока остались непрокомментированными; отдельная проблема — имена родственников упоминаются десятки раз, возможна путаница, например, подчас сложно понять, о каком из М.А. Муравьевых — старшем или младшем — идет речь; поэтому при публикации писем для упрощения восприятия мы не будем каждый раз давать сноски, а укажем в угловых скобках их имена и отчества и/или фамилии. А здесь дадим список лиц в алфавитном порядке (для наиболее часто встречающихся людей — с указанием имен и фамилий), а также в угловых скобках номера писем, в которых они упоминались:

Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — русский ученый и писатель, с 1762 г. куратор Московского университета; дальний родственник М.Н. Муравьева <1; 7; 10; 12–13; 15; 17; 24; 47>.

Афонин М.И. (1739–1810) — профессор натуральной истории и земледелия Московского университета; в 1777 г. вынужден был из-за слабого здоровья оставить преподавание и поступить на службу секретарем Зорича <73> (подробнее см.: [Письма, с. 372]).

Барсов Антон Алексеевич (1730–1792) — ученый, лингвист, переводчик, профессор Московского университета <64; 72; 74; 77–78>.

Вольтер (1694–1778) — французский писатель, поэт, драматург, философ, историк <4; 10; 25–26; 68>.

Бастидон Катерина Яковлевна (ум. 1794) — первая жена Г.Р. Державина <20; 46; 47; 63>.

Бастидон Матрена Дмитриевна (1734–1805) — мать К.Я. Бастидон, первой жены Г.Р. Державина <3; 5; 46; 47; 49; 59; 62; 63; 68> (см.: [Письма, с. 370]).

Батюшков Лев Андреевич — муж тети М.Н. Муравьева (сестры С.П. Ижориной), дед поэта К.Н. Батюшкова <3; 7; 45; 47> (см. также: [Топоров, 2007, 3, с. 131–132, 237]).

Батюшков Николай Львович (1755–1817) — помещик, чиновник, коллежский советник, сын Л.А. Батюшкова, отец поэта К.Н. Батюшкова <7; 45>.

Брянчанинов Афанасий Матвеевич (ум. 1786) — вологодский помещик, родственник Муравьева <25>.

Бецкой И.И. (1704–1795) — русский государственный деятель, личный секретарь Екатерины II (1762–1779), президент Императорской Академии художеств (1763–1794), один из создателей Смольного института и Воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге <27>.

Волков Александр Андреевич (1736–1783) — брат Анны Андреевны Муравьевой, известный переводчик и драматург; в 1762 г. — член комиссии по коронации Екатерины II, в 1767 г. — депутат Комиссии нового Уложения, с 1773 г. — статский советник, директор Императорского фарфорового завода <24>.

Вульф Анна Федоровна (в девичестве — Муравьева; ум. 1810) — дочь Федора Артамоновича Муравьева, двоюродная сестра М.Н. Муравьева, жена Ивана Петровича Вульфа <15>.

Вульф Иван Петрович (1741–1814) — родственник М.Н. Муравьева, был женат на Анны Федоровны Муравьевой (ум. 1793), владелец имения Берново в Тверской губернии, в котором часто жили Муравьевы и их друзья и знакомые, позднее Орловский губернатор (1798–1800) <2>.

Вяземский А.А. (1727–1793) — князь, государственный деятель, генерал-прокурор Сената <20; 59>.

Ганнибал Е.А. (в замужестве Пушкина, 1737–1815) — дочь А. Ганнибалы, жена А.П. Пушкина (1728–1800) <4>.

Гельтергоф Ф. (1711–1805) — профессор немецкого языка и словесности в Московском университете, автор известных трудов по лингвистике: «Лексикон, или Целляриус, немецкий, с российским переводом» (М., 1765), «Немецкая грамматика, в которой не токмо все части речи, или произведение слова, но и синтаксис, или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены» (М., 1770).

Головин А. — поручик лейб-гвардии Измайловского полка <8>.

Головин М.Е. (1756–1790) — русский физик и математик, с 1776 г. — адъюнкт Академии наук <17; 20>.

Голицын Петр Алексеевич (1731–1810) — князь, генерал-поручик, секунд-майор Измайловского полка <24; 56–57>.

Головцына Прасковья Глебовна — жена И.А. Головцына, знакомая Муравьевых <1; 19; 46; 59–60> (см. также: [Письма, с. 366; Топоров, 2007, 3, с. 243]).

Десницкий С.Е. (1740–1789) — профессор Московского университета, юрист <64>.

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821) — актер, переводчик, драматург <4; 9; 17; 24; 42; 47; 50; 54>.

Домашнев Сергей Герасимович (1743–1795) — писатель, поэт, директор Петербургской Академии наук (1775–1783) <17; 30>.

Дьяков А.А. (1721–1791) — обер-прокурор Сената <10> (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 244–245]).

Екатерина II (1729–1796) — императрица <18; 26; 27; 32; 41; 43; 48; 63; 66–68; 74; 76>.

Иноходцев П.Б. (1742–1806) — русский ученый, академик <10; 17>.

Казначеев А.В. — во второй половине 1770-х гг. капитан-поручик л.-гв. Измайловского полка <36>.

Князев И.И. (1754–1829) — русский государственный деятель, статский советник, Рязанский губернатор (1815) <44>.

Кречетников М.Н. (1723–1793) — русский военный и государственный деятель, в 1778 г. — генерал-губернатор Калужского, Тульского и Рязанского наместничеств <76> (см. также: [Топоров, 2007, 3, с. 251–252]).

Колокольников Федор Михайлович (1732–1818) — прокурор Адмиралтейской коллегии. Отец Екатерины Федоровны Колокольцевой, будущей жены М.Н. Муравьева <1–3; 5; 6; 8; 10; 17; 24; 29; 33; 41; 42; 43; 47; 55; 60; 62> (см.: [Письма, с. 365]).

Костливец Петр Антонович (1724–1786) — капитан таганрогского порта, позднее — вице-адмирал, родственник М.Н. Муравьева <11; 19; 29; 33; 43; 44> (см.: [Письма, с. 376]).

Крафт В.Л. (Логин Юрьевич, 1743–1814) — известный математик, академик, преподавал в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Артиллерийском корпусе <3; 10; 17; 19; 30; 41> (см.: [Письма, с. 371]).

Кудрявцев Е.Ф. — капитан лейб-гвардии Измайловского полка <8; 9; 71>.

Львов Николай Александрович (1751–1803) — поэт <3; 4; 7; 13; 15–17; 21; 23–25; 32; 62>.

Львова Авдотья Александровна (в замужестве Рудакова) — сестра Н.А. Львова <2; 3; 7; 10; 14; 15; 21> (см.: [Письма, с. 375; Топоров, 2007, 3, с. 252¹⁸]).

¹⁸ Ср.: «В Авдотью Александровну Львову, сестру Н.А. Львова, Муравьев был влюблен в 1776 г. В 1777 г. она вышла замуж за тверского землемера Н.И. Рудакова» [Письма, с. 375].

Великая княгиня Мария Федоровна (1759–1828) — жена Павла Петровича (1776–1801) <56; 67>.

Майков Василий Иванович (1728–1778) — поэт, писатель, драматург <30; 63–65>.

Мелиссино И.И. (1718–1795) — с 1771 по 1795 гг. куратор Московского университета <69>.

Мордвинов М.И. (1730–1782) — государственный деятель, генерал-майор <43>.

Муравьев Александр Федорович (ум. около 1792) — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева <5–8; 11; 13; 16; 17; 69>.

Муравьев Алексей Минич (ум. 1807) — дальний родственник Муравьева <20; 70; 71>.

Муравьев Захар Матвеевич (1759–1832) — артиллерийский офицер, сын М.А. Муравьева мл., двоюродный брат М.Н. Муравьева <1–3; 7; 11–14; 18; 20–23; 35; 37; 39; 42; 43; 45–48; 51; 52; 53; 54; 64; 65>.

Муравьев Иван Матвеевич (1762–1851) — писатель и дипломат, принял фамилию «Муравьев-Апостол», сын М.А. Муравьева ст., двоюродный брат М.Н. Муравьева, отец известных декабристов <1; 7; 9–11; 21; 22; 42>.

Муравьев Матвей Артамонович ст. — генерал-майор, брат Никиты Артамоновича Муравьева <2> (см. также: [Письма, с. 365]).

Муравьев Матвей Артамонович мл. — дядя М.Н. Муравьева, в 1777 г. — полковник, суздальский воевода <2> (см. подробнее: [Топоров, 2007, 3, с. 123–124]).

Муравьев Николай Николаевич (1768–1840) — сын Николая Ефремовича и Анны Андреевны Муравьевых (см. также: [Письма, с. 370]).

Муравьев Николай Федорович — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева <7; 20; 21>.

Муравьев Петр Семенович — генерал-майор, дальний родственник Муравьевых, который жил в Москве <72> (см. также: [Письма, с. 363]).

Муравьев Семен Савич (1736/1737 – 1790-е гг.) — подпоручик, родственник М.Н. Муравьева <1; 10; 39>.

Муравьева Анна Андреевна (урожденная Волкова; ум. 1804) — родственница Муравьевых, вдова Н.Е. Муравьева (1724–1770); с 1778 г. — жена князя А.В. Урусова <1; 24; 61; 56; 57> (см. также: [Топоров, 2007, 3, с. 128–129]).

Муравьева Варвара Николаевна — дочь Николая Ефремовича и Анны Андреевны Муравьевых, сестра Николая Николаевича Муравьева <61; 65> (см. подробнее: [Письма, с. 371]).

Муравьева Настасья Федоровна — двоюродная сестра М.Н. Муравьева, сестра Анны Федоровны Вульф (Муравьевой) <10; 32; 33> (см.: [Письма, с. 376]).

Великая княгиня Наталья Алексеевна (1755–1776) — первая жена великого князя Павла Петровича; 26 апреля 1776 г. скончалась при родах <26>.

Нарышкин С.В. (1731–1800) — русский государственный деятель и литератор, в 1776 г. — вице-президент Берг-коллегии и директор Петербургского горного училища <42>.

Олсуфьев Федор Яковлевич (ум. 1783) — секунд-майор Измайловского полка <14; 16–18; 24–26; 35; 39; 42; 43>.

Орлов Г.Г. (1734–1783) — фаворит Екатерины II, с 1765 г. — генерал-фельдцейхмейстер Российской империи <14; 18; 27; 42; 55; 59>.

Великий князь Павел Петрович (1754–1801) — наследник престола, в 1796–1801 гг. — император <41; 42; 48; 51; 52; 56; 58; 62>.

Панин Н.И. (1718–1783) — русский государственный деятель, президент Коллегии иностранных дел Российской империи <66>.

Полторацкая А.А. (1737–1822) — жена М.Ф. Полторацкого, мать Е.М. Полторацкой (в замужестве Олениной) <2> (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 462]).

Полторацкий М.Ф. (1727 или 1729–1795) — управляющий придворной капеллой <35; 44; 66; 70; 71> (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 232–234]).

Потемкин Г.А. (1739–1791) — князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит и, по-видимому, муж Екатерины II <3; 22; 24; 27; 45; 57>.

Приклонский М.В. (1728–1794) — директор Московского университета в 1771–1784 гг. <69>.

Репнин Н.В. (1734–1801) — князь, русский военный и государственный деятель, фактический руководитель Измайловского полка <48; 54; 57; 60; 62>.

Рождешников Никита Романович (1754–?) — друг М.Н. Муравьева по Московскому университету <1; 7; 18; 21–23; 33; 42; 45–47; 52–54; 57; 59; 62> (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 188; РБС 16, с. 334–335]).

Рост И.А. (1726–1791) — профессор Московского университета, специалист по математике и физике <63>.

Рубан В.Г. (1742–1795) — поэт, писатель, журналист <65>.

Салтыков М.М. (1706 – не ранее 1785) — русский государственный деятель, в 1776 г. — президент Вотчинной коллегии, с 1777 г. — сенатор <63>.

Свечин А.Г. (1727–1797) — надворный советник <7; 10; 11>.

Сиверс Я.Е. (1731–1808) — русский государственный деятель; с 1764 г. — генерал-губернатор Новгородского наместничества <1; 2; 4; 36; 39; 42; 43; 65; 68; 69>.

Соймонов М.Ф. (1730–1804) — сенатор, директор Берг-коллегии, старший сын Ф.И. Соймонова, сенатора и известного гидрографа <4; 24> (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 259–260]).

Соймонов Ю.Ф. (1733 – после 1800) — статский советник, второй сын Ф.И. Соймонова, сенатора и известного гидрографа <4>.

Сумароков А.П. (1717–1777) — поэт, писатель, драматург <26; 40; 64; 69>.

Ханыков Василий Васильевич (1759–1839) — друг Муравьева, поэт <45> (см. о нем подробнее: [Топоров, 2007, 3, с. 140–145]).

Талызин А.Ф. (1734–1787) — тайный советник, сенатор, участник переворота 1762 г. <7>.

Тейлс И.А. (1744–1815) — поэт, переводчик, государственный деятель, президент камер-коллегии. В 1770-е гг. — секретарь Совета при Сухопутном кадетском корпусе; член ложи «Девяти муз» <27>.

Хемницер И.И. (1745–1784) — русский поэт и переводчик, дипломат <16>.

Херасков М.М. (1733–1807) — поэт, писатель, драматург <64–66; 70>.

Хотяинцев Сергей Александрович — капитан-поручик Измайловского полка <1; 2; 8; 9; 13; 14; 18–19; 23–26; 29; 32; 39; 41; 43; 63; 71>.

Чаадаев Иван Петрович (1732 или 1733–1786) — тверской помещик, сослуживец Н.А. Муравьева, переводчик <4; 11; 14; 15; 23; 75> (см.: [Кулакова, Западов 1980, с. 370]).

Чеботарев Х.А. (1745 или 1746 – 1815) — ученый, профессор и ректор Московского университета, первый председатель Московского общества истории и древностей российских <68; 70>.

Чернышев И.Г. (1717 (1726?) – 1797) — генерал-фельдмаршал, в 1769–1797 гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии <68>.

Чичагов В.Я. (1726–1809) — флотоводец эпохи Екатерины II, адмирал (1782) <1; 3>.

Шумаков Е.С. — капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка <8>.

Щербатов И. — князь, офицер, позднее капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка <8>.

Яковлев М.П. — дальний родственник М.Н. Муравьева <2; 42>.

* * *

Археографические принципы, которым мы следовали, таковы. Мы ориентировались на «Правила издания исторических документов в СССР»: «При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии» [Правила, с. 24]. Так, отказавшись от передачи некоторых букв (ерь, ерь, фита и др.), мы сохранили основные особенности орфографии XVIII в.: формы множественного числа на -ья, -ия; устаревшие написания вроде: «естьли», «есть ли», «сево дни», «щастье» и т. п.; приставки, оканчивающиеся на «з» в позиции перед глухим согласным и др.; ср.: «Текст рукописных книг и документов от начала XVI в. до конца XVIII в. передается буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук <...>» [Правила, с. 24]. Однако при этом в целях упрощения восприятия текста мы ставим пробелы между словами и частицами «ли» или «ж»; «е» заменили на «э» (например, вместо «ето» печатаем «это»); «не» с глаголами пишем раздельно. Кроме того, мы сочли необходимым упростить и привести к современным принципам пунктуацию Муравьева, которая подчас настолько непоследовательна, что чрезвычайно затрудняет чтение: так, мы выделяем запятыми обращения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, а также ставим запятые в сложных предложениях; убираем лишние запятые, особенно те, которые отделяют подлежащее и сказуемое; прямую речь выделяем курсивом. В угловые скобки заключены

предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма М.Н. Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым

<1>

<5.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

За все ваши ко мне отменные милости проношу мою низайшую благодарность. Я, слава богу, жив и здоров. С нетерпеливостью желаю знать, доехали ль вы до места и все ль благополучно; здоровы ль вы, батюшка, и какова сестрица? Я мало по малу к одиночеству моему привыкаю. Вас низайше прошу, не оставьте меня в памяти вашей; это мне всего дороже. Не знаю, чем вас утешить, что бы такое написать, чем бы и я был доволен и что бы вам было угодно; воображения мои смутны, и все что ни скажу, остается ниже того, что хотел бы сказать. Все что я ни есмь, чем вперед быть могу, всем обязан я вам: воспитание, мысли, состояние, все сие имею я от вас; какую ж услугую могу я заплатить все сие? никакою. Одно чистосердечное признание ваших отеческих благодеяний, низайшая покорность и сыновняя любовь; вот все то, что состоит в возможности моей и что я стараюсь оказывать в совершеннейшей степени. Простите, батюшка, сии несколько излишние подробности: я к ним увлекаюсь каким-то внутренним побуждением. Когда я при вас был, я мог вас видеть, с вами разговаривать, и сего уж было довольно для моего удовольствия; теперь я не могу вас видеть, я лишен ваших разговоров, я не могу поцеловать руки вашей, так пусть хотя слова мои, сии отсутственные речи, будут несколько плодотворнее. Они свидетели моих чувств; они истекают из души; и волнение ее с собою увлекают. На другой день после вашего отъезда по утру был я у капитана <С.А. Хотьянцева>, который

и дал мне в компанию приехавшего унтер-офицера Сновидова¹⁹ из отпуска. Итак, он и с меньшим братом²⁰, с 31 дек<абря> и стал жить в маленьких двух покойцах, где сестрица жила. День спустя прибавился мне еще другой стоялец, также унтер-офицер Хитров. Он расположился в угловой горнице, что еще двумя окошками на улицу. Как кажется, так оба люди добрые. В Новый год с братом Захаром Матвеевичем <Муравьевым> выезжали мы к Василью Евдокимовичу <Адодурову>, и он нас принял очень хорошо; Анны Андреевны <Муравьевой> не застали дома. После обеда заходил к нам капитан <С.А. Хотяинцев>: он также мне советует взять к себе детей Семена Сергеевича <Муравьева>. Вчера присылала за мной Прасковья Глебовна <Головцына>, и я там обедал. Она еще все больна: нынешний день по просьбе ее ездил я с сыном ее Дмитрием Ивановичем <Головцыным> к Григорью Александровичу Потемкину: чтоб только ввести в покой и найти случай доложить об нем, а он бы подал письмецо. Но мы прождали за 12 часов, и, сколько ни просили доложить, никто не смел; затем, что Граф пролежал на постеле и не выходил в уборную. Вчера был я также у Федора Михайловича <Колокольцева>: я его милостью чрезмерно обязан; он просит, чтоб я всегда к нему ходил, и запросто. Тут я ужинал. Он приказывал извинить себя перед вами, что не пишет к вам, затем что у них в Коллегии и до обеда, и после обеда присутствие; хотя и в праздники приказал вас уведомить, что Вас<илий> Яковл<евич> Чичагов подал челобитну в отставку. Также сказывал, что он говорил об вас во дворце с <Я.Е.> Сиверсом, что вы в угодность его уже отправились и что определение свое приписываете его милости, на что <Я.Е.> Сиверс весьма хорошо о вас отзывался и проговаривал, что он с охотою вам бы лучше сего место хотел дать, однако и это де на первой случай уж пускай так будет, а вперед, может быть, и переменится. У него же

¹⁹ Возможно, Г.А. Сновидов — подпоручик Семеновского полка.

²⁰ Возможно, с Т. Сновидовым.

сидючи, видел я и Аполлона Андреевича²¹, которой приезжал к ним вечером. Также приказал отписать Федор Михайлович <Колокольцев>, что книжка новых уставов еще здесь не вышла, а как скоро выйдет, так к вам перешлет. За сим не имею, что более писать, как пожелав вам здравия и благополучия, препоручить себя в вашу родительскую милость и испросить вашего благословения,

ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Милостивая Государыня моя Сестрица Федосья Никитична, каково вы приехали, или приедете, да нет уж вы приехали. Скажите нам или отпишите весточку. Eh! bien, Voltaire, est-il déjà cytoyen de Twer? Я не знаю, что писать: да, Прасковья Глебовна <Головцына>, Марья Ивановна²² приказали кланяться. Всю географию Твери должны вы к нам прислать, а Захар Матвеевич <Муравьев> хотел вам всю историю нашу сообщить. Прощайте; я и сам похож на географию, вкупе же и на Историю. Никита Романович <Рожешников> приказывает свой покорнейший поклон.

1776 года

Генваря 5 дня.

С<анкт->Петербург

При сем и я милостивой Государь дядюшка засвидетельствую мое почтение. Впрочем, остаюсь и навсегда ваш покорный слуга

Захар Муравьев.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 4–5 об.).

²¹ Возможно, ошибка, и речь идет об А.А. Волкове (1739–1806), брате А.А. Волкова и А.А. Муравьевой.

²² Неустановленное лицо; упоминается также: [Письма, с. 290].

<2>
<12.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Приношу мою искреннюю благодарность за приятнейшее письмо, которым я обрадован в моей скуке: оно писано из Новгорода, а других я по сие время еще не получал. Вот уж тому третья неделя, как уж вы поехали; я давно вас считаю в Твери. Сделайте мне эту милость, отпишите к оставленному здесь, а я уж на прошедшей почте к вам писал, не знаю, дошло ль мое письмо. Я только что сменился с дежурства. Признаюсь вам, не много я наделал без вас. Ваше дражайшее присутствие, ваши полезнейшие наставления учреждали мою волю и старания: всего этого лишен я теперь. Однако всею моею силою потщусь не оскорбить вашей надежды обо мне. Вас нижайше прошу, сохраните мне ваши милости: не забудьте меня. Из Устреки²³ на сих днях приходил Данило Дмитриев и принес оброку тридцать семь рублей десять копеек. Я их по приказанию вашему принял: за что свидетельствую мою нижайшую благодарность. У меня теперь около 98 рубл<ей> за всеми расходами, из которых те и наибольшие что заплатил в казну за принятые вещи, да за переворотку Мундира. На караул я еще не ходил и Сергей Александрович <Хотяинцев> не очень здоров, а сколько льщу себе, так думаю, что с ним вместе в первой раз пойду. Вы это изволите знать, что в нашей пристройке стоят сомной двое кадетских унтер офицеров Хитров и Сनावидов. На одной Почте с вашим письмом получил я также писанное еще к вам письмо от Ивана Петровича Вульфа, в котором он просит, заехать к себе по дороге. Прежде того, пришло еще письмо от Агафоклеи Александровны <Полторацкой>. Но я разсудил за благо не пересылать сих писем к вам, как такая которые уже тщетны. Записная книшка Авдотьи Александровны <Львовой> скоро поспеет: как изволите приказать ее к вам или в Торжок? От мужиков, которые работают в Кронштакте, приходил третьева дни один для принятия куля муки; но как

²³ Деревня в Новгородской губернии.

мы не знали, каким образом его свезть туда и как ямщики очень дорого просили, то уж положили, чтоб им в Кронштате муку покупать. Как впредь изволите приказать? Я ныне думаю обедать у Федора Михайловича <Колокольцева>: милостью его я весьма доволен и очень видно усердие, которое он к вам имеет. Я к вам писал на прошедшей почте, о том что он говорил с <Я.Е.> Сиверсом. Меня уж то беспокоит, получили ли вы мое письмо или нет. Василий Евдокимович <Адодуров> приказывает вам кланяться. Вы изволили здесь позабыть письмо, которое писал Мозовской²⁴ к <Я.Е.> Сиверсу. Устрекские мужики пишут, что от них не принимают подушного, закупленных от <М.П.> Яковлева рекрут, прежде нежели Яковлев подаст о том доношение, что они уж не его. Также Данило Дмитриев просит еще, чтобы приказано было выдать дочь свою за его брата. Он о том вас прежде просил и вы изволили писать отдавая то на разсуждение Матвея Артемоновича <Муравьева>²⁵; но Иван Игнатьев почел сие письмо будто за подложное и разодрал его, так как Данило Дмитриев показывал мне его. Староста пишет, что некоторые мужики продавали рожь и овес в земле, так как те, которые пошли сюда работать да еще Иван Степанов продал всю свою пашню под Яровину Давыду Игнатьеву. Я не знаю: мне хотелось бы более писать, но не нахожу что такое и боюсь вас затрудить пустотою материи. Одно чего я желаю есть то, чтоб вы совершенно были уверены, с каким глубочайшим почтением, с какою благодарностью, воспоминаю о ваших милостях. Признаю себя недостойным оных; но по вашему великодушию, прошу вас покорнейше, чтобы непрерывным их продолжением мог я наслаждаться. Я весь ваш, молитвами вашими живу здоров и весел и вашим отеческим благословением хочу навсегда утешаться.

Ваш покорнейший и послушнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

²⁴ Видимо, имеется в виду Н.Н. Мозовский (1756–1807) — генерал-майор, шеф Павловского гренадерского полка, в 1776 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку.

²⁵ Возможно, М.А. Муравьев ст.

Любезная сестрица Федосья Никитична! с каким полным удовольствием, читал я те милые строки, которыми ты удостоиваешь отсутственного брата! Верь, что я тебя люблю; но мне ль тебя уверять? Жизнь твоя будет моим свидетелем. Твои приказания исполнены: Фешинька самым <нрзб> почтение тебе приказывает. А корова, сударыня, как корова, молока дает, сколько прикажете. А продаем мы вот как: унтер-офицеры которые у нас стоят берут всякий божий день, аще что от бога не зайдет и сливки и снимки и все что угодно, и того на полтину. А Елегия, сударыня, между нами будь сказано, она и пр. <так!>. Захара Матвеевича <Муравьева> теперь нет, а одно бы он наврал; четвертого дня примчал ко мне Ноты французских Опера Комик переписывать для вас, да чтобы к завтраму; а тетради такие большие, что и ужесть. Ну мы переписывать; марали целой вечер: по странице написали. Хотели реку выпить, слава богу, не выпили. Татьяне Петровне²⁶ свидетельствую мое почтение. Жагон приписывает чувствительнейшую благодарность. Прощайте. Нынче никак Театр загнетса. Adieu ma chere. Будь здорова и отпиши что здорова.

1776 года

Генв<аря> 12 дня

С<анкт->Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 6–7).

<3>

<14.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Сколько я несчастлив, что мои письма, которые я давно считал у вас, не дошли к вам и что я, может быть, чрез то всякую минуту, которой это письмо медлит вас уведомить, огорчаю вас

²⁶ Неустановленное лицо; ср.: «Татьяна Петровна — родственница Муравьевых, жившая в их семье в качестве “компаньонки” Федосьи Никитишны» [Письма, с. 364].

не возвратно. Вот это уж третье письмо, которое я к вам пишу: ну! ежели и это не дойдет, я не знаю что и думать. Сделайте милость, батюшко, не печальтесь отнюдь обо мне: я здоров, спокоен, весел, и как мне быть иначе, когда вашими милостями, неусыпным обо мне попечением я выведен уж из того, чтобы чего-нибудь желать, кроме вашего присутствия. К несчастью моему, писал я к вам все по вторникам, на Ямской почте, и, спокоен будучи, полагался, что они непременно дойдут. Одно писано в сочельник Крещения, в котором и Захар Матвеевич <Муравьев> множество написал и целую Историю всedневную сообщил. Другое писано третьяго дня, где я вам обстоятельно описывал кое што довольной важности; так как то, что я принял Устрецкой оброк, тридцать семь рублей десять копеек, с которым приходил сюда Данило Дмитриев. Некоторые надобности крестьянские, которые упоминаются в Устрецком письме, были также там включены. Да того всего мне отнюдь не жаль, что можно в другой раз переписать; но беспокойство, которое вам чрез то всечасно приключается, поверьте, что меня в ужас приводит, когда я об нем подумаю. Возможно ли, чтоб я так был неблагодарен, так чужд всякой жалости и честности, чтобы едва лишь вы оставили меня, ниже единою строкою не хотел бы вас утешить? Да и мое собственное сердце, потеряло ли оно все свои чувства, даже до той крайности, чтобы позабыть того, кому оно посвятило первыя свои ощущения? Убей меня бог после того! Никогда на ямской почте писать не стану. А на теперешний случай, прошу низжайше прощения, естли приключил вам оскорбление без всякаго моего ведения и умыслу. Я из письма вашего вижу, сколько ваша квартира мала и беспокойна: это меня весьма трогает. Притом же труд и тряска дорогою претерпенная, когда соединится с худобою жилища, думаю, приносит великую скуку. Разделен пятьюстами верст, зачем я не могу ее разделить с вами. Теперь весь дом ваш на легке; ваша милость ко мне хотела лучше лишить себя нужнаго, нежели мне не оставить чего-нибудь надобнаго. Вместо того чтобы мне терпеть нужду, вы сами ее несть захотели. Это меня чрез мерно сокрушает. А особливо бедной Фешинки; дай бог! чтобы она нашла какое ни-

будь сообщество, которое бы разгоняло несколько скуку ее. К повару ходил нынче по утру Ванька, но он нейдет уже жить; приводя причиною свое семейство, что жена его много набрала платья мыть и пр. однако он обещается прислать к нам какого нибудь места ищущаго повара. Матрене Дмитриевне <Бастидон> письмо отослано, и ответ на оное при сем посылается; и она обещала также приискивать его. Повары Федора Михайловича <Колокольцева> сказывают, что случается ходят какие повара и спрашивают места; как скоро де нам попадетсэ эдакой, так мы пришлем. Уж не лучше ли, батюшко, Ульяну взять изволите; а корову бы можно продать. Вот и в лошадях вы терпите недостаток; отпишите ко мне батюшка, каким образом пробавляетесь вы во всем этом. Здоровы ль вы? Здорова ль Фешинка? Я нынче отдал Войцехову переписывать ноты некоторых арий из французских Опер, которые достал Захар Матвеевич <Муравьев> и которые было мы уже зачали переписывать. Может быть, к воскресенью они и поспеют. Третьяго дни вышла из переплету книшка записная Авдотьи Александровны <Львовой>, куда ее прикажете переслать? Полтавской заходил ко мне нынче и сказывает, будто приехал Николай Александрович Львов. На сих днях дано Графу Гр<игорию> Алекс<андровичу> Потемкину 16000 душ в Белоруссии. По моему щету должно притти письмо сие около 20 числа. Сколько это меня беспокоит, что прежде того никаким образом не могу вас уведомить. Нынче отправил я человека Льва Андреевича <Батюшкова>, вступили ли уже вы в правление и каким образом. Кто ваши товарищи, уведомьте, батюшко, меня. А со мной стоят двое унтер-офицеров Кадетских — Сновидов и Хитров; я уж много раз к вам это писал. На караул я еще не ходил, а с дежурства как сменился тому третий день. У Федора Михайловича <Колокольцева> раза два обедал: Прасковьи Глебовны <Головцыной> сына возил к Гр<афу> Потемкину, чтобы от ней подать письмо; но Графа не дождались. Вчера сидел я у Крафта, и он мне дал Вольфов Дифференциальной счет²⁷ и просил, чтобы я по нем у него

²⁷ Видимо, Муравьев имел в виду следующее издание: [Волф].

спрашивался. Будьте только вы веселы и здоровы, а я уж вашими молитвами и стараниями, и милостями и здоров и весел. Что поделает бедная Фешинька? Дай бог, чтобы хотя она вас утешала, чтобы была здорова, это пуще всего. Какая у вас веселья? а здесь зачались комедии, только я еще не был. Письмо, вами писанное из Нова города, я в свое время получил и отвечал на оное. Федор Михайлович <Колокольцев> говорил о вас во дворце с Губернатором²⁸, которой отзывался всегда в вашу пользу, и, как мне пересказывано, так из речей Губернаторских надеяться вам можно и лучшего места. Впрочем, не имею что писать, как просить бога о вашем здравии и благополучии. С искреннейшею моею благодарностию, ревностию и усердием к вам ожидаю вашего благословения, ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года генв<аря> 14 дня

С<анкт->Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 8–9).

<4>

<15.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Простите меня, что я пропустил почту: в то самое время получил я письмо ваше через Ивана Петровича Чаадаева, ездил к нему и имел в памяти писать вам тогда же и, по несчастью, пропустил время. Так уж я пишу нынче, то есть в чистой понедельник. А у нас масляница была довольно хорошо препровождена: Иван Петрович <Чаадаев> вам о том расскажет подробно. Во-первых, был у нас в воскресенье на масляницу Маскерад, где я присутствовал со всеми братьями, у коих я и ночевал. После того в пятницу был также Маскерад, куда я особо приехал с Ник. Романовичем <Рожешниковым>, которой свидетельствует вам низжайшее почтение, и одевались в караульне. Мы

²⁸ Видимо, с Я.Е. Сиверсом.

сии дни, и дома сидючи, и выезжаючи кое куда, повеселились. В воскресенье, то есть вчера наши жильцы сказали нам, будто комедия во дворце. Мы приехали, ан ничего не бывало. Однако мы не уныли, взобрались на верх театра и по узенькой лестнице вокруг столба вошли в театр. Разсматривали, представляли на нем, прыгали антраша, покуда разбудили часового, которой протянувшись в оркестре дрых во всю свою силу. С ним поговорю, походили еще в зад и вперед и пошли было вниз, чтоб разсмотреть машины, двигающия кулисами и пр., когда бы, на наше несчастие, проснувшийся тогда, как видно, рьяной страж театральной, не попал нам навстречу и масленичными балясами, не заболтал нас кругом. Ему чрезмерно хотелось пяти копеек: уж как мы ни клепали иной актером, другой знакомцом <И.А.> Дмитриевского, третий, что он представлял благородными *Заиру*²⁹: нет, говорил нам старой пьянчуга, ни вам, государи, ни моему глупому уму, не подобает исповедать все глубины: дай бог, вам быть нашими командерами, а там низги не видно. Таким образом болтали, болтали и, не могши перемочь старого враля, принуждены возвратиться и прямо на горы, а оттуда домой. Нынешний же день ездил я к нотариусу, которого наконец застал в железном ряду, и отдал протестовать вексель Елис<аветы> Абрамовны Пушкиной, что он и обещал сделать к завтраму. Оттуда заехал я к Николаю Александровичу <Львову>, а он живет в доме Юрия Федоровича Соймонова. Тут я застал Михаила Федоровича <Соймонова>, которой вскоре и пошлет к Ник<олаю> Александровичу <Львову>, чтоб он меня звал обедать, и, таким образом, хотя и не был хорошо одет, однако не смел отказаться и там обедал. Он изволил спрашивать про вас, про сестрицу. И я довольно не могу изъяснить, сколько он милостив был ко мне и просил, чтоб я вперед к нему ходил. Об вас, батюшко, я не знаю; в пути ли вы или в Твери; дай только бог, чтоб путешествие ваше благополучно окончилось и не нанесло бы вам никакого беспокойства. Впрочем, я, может быть,

²⁹ «Заира» (1732) — трагедия Вольтера.

завтра буду писать и с Петром Ивановичем надеюсь еще и более доношу вам о себе, так как изволили видеть из предыдущаго, что я здоров и весел. Желаю только того, чтоб и от вас иметь подобное уверение. Я нынче читаю италиянскаго стихотворца Тасса³⁰ и точно так разумею, как мой Гараска³¹ — Ломоносова. Поздравляю вас, заговевшись: щастливо желаю доехать до разговенья. Впрочем, препоручая себя в ваши дражайшие ко мне милости, свидетельствую мое нижайшее благодарение за полученные и прошу их навсегда ко мне иметь.

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! где ты? Я, вить, право, не знаю. Здравствуй же, где ты ни есть. Желаю тебе здоровья пуще всего, а после — веселья, что с здоровьем всегда не худо. У нас, сударыня, были веселья какия? Маскерады. Потом? в последний Маскерад съезжались в Театр в <нрзб> и сарафанах, а представляли французские актеры *Трех султани*³². Сказывают, что прежде благородные господа представляли ее же у Великаго Князя <Павла Петровича>, а вчерась никак там же маленькие играли *Алзир*³³, чего я однако не утверждаю. Масляница на первых пяти днях была в смятку: так мокра, как больше быть нельзя, а последние два так хорошо подмерзло, что лучше желать не надо. Прощай, говей хорошенко, а меня не позабывай и за меня молись. Всем поклон. Да слышь по поклону <нрзб>.

1776 года генв<аря> 15 дня

С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 10–11).

³⁰ Т. Тассо (1544–1595) — итальянский поэт позднего Возрождения.

³¹ Гараска — возница М.Н. Муравьева.

³² «Солиман II, или Три султани» (1761) — пьеса Ш.С. Фавара (1710–1792), французского драматурга, либреттиста, композитора.

³³ «Альзира, или Американцы» (1736) — трагедия Вольтера.

<5>

<18.1.1776>

Батюшко Милостивой Государь Никита Артемонович!

Вот четвертое письмо которое я пишу. Я богом наказан за все мои грехи, когда письма мои к вам не доходят. Что я зачну делать? Чем я заплачу то сокрушение, которое вам приятнее. Я плачу, да воротить не могу. Сделайте милость, уверьтесь, что я здоров, не сокрушайтесь; мое несчастие, того хотело, чтоб все мои письма остались тщетны. На Ямской Почте от 5 Января писал я к вам первое письмо, от 12 числа писал другое, от 14 числа писал третье, нынче после обеда прислано ко мне от Федора Михайловича <Колокольцева> ваше письмо, в котором я вижу судьбу свою написану. Фешинька плачет. Боже милостивой! Каким образом я помогу. Нынче 18 число. Ето письмо: дай бог чтоб вы получили. Я вот теперь же на етой же почте пишу к вам и другое. Испытайте мое щастье: дойдет ли оно, так как ето? Я пишу беспорядочно: для того, что моя душа погружена в глубочайшую печаль. Алекс<андр> Федорович <Муравьев> поехал третьяго дня. Прощайте. Я прошу на коленях прощения и благословения. Покорнейший и нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 18 ген<варя>

С<анкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 16).

<6>

<18.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Что мне писать? Я несчастной плачу, а может быть, мне и больше слез будет. Какую вам нанес печаль? Вот теперь только присылал ко мне Федор Михайлович <Колокольцев> с вашим письмом: вот теперь же я написал маленькое письмо, чтоб Федор Михай-

лович <Колокольцев> к вам его переслал. А между тем, пробую еще свое счастье: дойдет ли мое? Ну! ежели не дойдет. Так что мне делать? Батюшко, милостивой Государь, сестрица матушка, сделайте милость, сжальтесь на мое состояние. Чем горестнее ваше состояние, тем в тысячу крат пуще мое. Боже милостивой! я четыре письма, в четвертой раз пятое письмо пишу. Ни одного не получаете. Что мне делать? Ну ежели вы все печалитесь. Ну, ежели вы занеможете, я всему вина и как мне помочь? Бог меня наказал. Что ни напишу, все пропадает. Чтобы чорт меня взял! Моя жизнь мне в скуку, в досаду, в проклятие. Я беден да так, что и вам того изъяснить не могу. Что в том, что я думаю будто с вами говорю? Неправда. Я пишу понапрасну и думаю твердо, что и это письмо не дойдет. Как я вас могу утешить? вам не об чем печалиться. Я здоров, да и того, что здоров сказать вам не могу. Вы хотели писать ко мне, и более да вы не знаете, к кому вы пишете. Каково мне это? Вы просите Матвея Артемоновича <Муравьева>, чтобы он вас уведомил об сыне вашем. Что я после этого скажу? Пятое, пятое письмо пишу. Во всех отчаявшись, отчаяваясь найти какой нибудь способ доставить свои уведомления вам. Я сам приеду, ежели послезавтре получу от вас еще мне горестнейшее известие, что вы ни одного от меня письма не получали. Утешитесь, батюшко, ежели я это с вами говорю, утешитесь ради Христа и, ежели получите хоть это письмо, хоть то маленькое, что чрез Федора Михайловича <Колокольцева> послано, сделайте милость отпишите, что вы его получили. Обрадуйте меня бедного. Я тот несчастной, котораго бог сам наказывает; какое могу иметь обрадование, когда вы всякого лишены и когда я это знаю; бедная сестра, не плачь матушка, ежели хочешь, чтоб я не плакал, отпиши мне, что ты не печалишься. В эдаком ужасном состоянии, каково мое, что мне пойдет в голову? Брат Александр Федорович <Муравьев>, которой третьягодня приехал сюда и нынче только до обеда от меня на квартиру перебрался, звал меня завтре обедать к себе, чтоб вместе ехать в Комедию, в которой я еще не бывал; но в горестях я только нынче вечером это отвезу письмо на почту и до середины запрусь и стану сидеть дома. Не понимаю, каким об-

разом доставить вам мои письма и слезно молю бога, чтоб хоть это дошло. Генваря 5 числа, то есть в сочельник Крещения, писал я первое письмо на Ямской почте. Второе также на Ямской Почте писал я 12 числа. 13 в вечеру получил я ваше письмо из Твери, в котором я увидел, что вы моих не получали: для того на другой день, т. е 14, в четверг писал я на Немецкой Почте, на которой и Матрионы Дмитриевны <Бастидон> письмо вместе с своим послал. Это все не доходило! боже мой, я столько перед тобою винен, что я это заслуживаю. Ежели только это письмо дойдет, я вас через него прошу на коленях, сделайте милость, пишите письма на мое имя. Ваши письма все дошли до меня. Первое из Новгорода получил в вечеру в Крещение, второе из Твери в прошедшую среду 13 число. Нынче, т. е. 18 числа в понедельник уж через Федора Михайловича <Колокольцева> получил. Сделайте милость, удостойте меня самого этим. Я заклинаю вас вашею любовью и милостью ко мне, любите меня, но не сокрушайте самих себя. А ты, матушка сестрица, утешай батюшку вместо того, чтобы самой предаваться печали. Какая причина думать, чтобы я был нездоров? Не уж то как скоро вы приехали, так уж и можно бояться здоров ли я. Мое несчастье только то, что письма мои не дошли до вас. Я так здоров, что даже не угорел ни разу. Батюшко! каким образом я могу вам благодарить? Естли бы не такие смутныя обстоятельства, так бы вы могли чувствовать изо всякой строки моей, что я милостей ваших не могу довольно изъяснить; а ежели вы и теперь сокрушаетесь, так вы хотите отнять у меня все то, чем вы меня пожаловали. Хоть у вас нет ли каких ездаков, с которыми бы я мог писать верные, нежели через почту. Я принял Устрецкой оброк 37 рубл. и 10 копеек, за что мое нижайшее благодарение приношу. Я хотел бы сам лучше прилететь и при ваших ногах изъяснить мою нижайшую преданность, с которою на всегда пребуду прося вашего отеческаго благословения. Покорнейший и нижайший сын ваш и слуга

Михайло Муравьев.

1776 год. Ген<варя> 18 д<ня>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 12–13).

<7>

<21.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

С истинным восторгом получаю я ваше драгоценное письмо: я нижайше прошу прощения, естли моими последними письмами, не умев умягчить несколько дерзских моих движений. Молю бога, чтоб он укрепил ваше сердце против сих мелких оскорблений. Уверьтесь, батюшко, что я щастлив буду вашим спокойствием и удовольствием. Для меня, для сестры, сделайте милость и отдаляйте от себя всякия печали. Увеселяйте себя по возможности: я тем ласкаю себя, естли вам не скучно. Какое чувство буду я иметь, когда вы безпокоитесь? Я здоров, изобилен, спокоен и вы печалитесь! Какову же надлежалоб по сему мне быть, когда я знаю, что для меня вы терпите всякую нужду? Марья Ивановна³⁴ уверяет, что сестре найдутся сообщества: жена Г. Тутолмина³⁵, Свечина³⁶ и пр., рассказывает она, барыни молодые и веселыя. Г. Чадаев также никак отправился в Тверь: сколько можно надеяться, так в числе знакомств недостатка не будет; только б можно было найти людей добрых и по своему нраву. Одно затруднение в худобе квартиры. Повеление ваше, чтоб поговорить с Федором Михайловичем <Колокольцевым> о Сердюковом доме³⁷ я уповаю скоро исполнить. Это письмо ваше, получил я уж нынешний день, т. е, в четверг после обеда, чего ради

³⁴ Неустановленное лицо; упоминается в: Письма, с. 290.

³⁵ В.А. Вердеревская (ум. 1808) — вторая жена Т.И. Тутолмина (1740–1809), русского военного и государственного деятеля; в 1776 г. — тверской вице-губернатор, с 1777 г. — правитель Тверского наместничества.

³⁶ Возможно, жена А.Г. Свечина (1727–1797), надворного советника.

³⁷ Вероятно, речь идет о доме М.И. Сердюкова (1678–1754), купца и гидротехника, с которым был знаком М.А. Муравьев ст., так как в 1749 г. он входил в состав комиссии, назначенной для ревизии его работ на Боровицких порогах; см. подробнее: [Муравьев, 1994]; [Виргинский, Либерман]. Скорее всего, в 1776 г. дом (как и другое имущество) принадлежал одному из потомков М.И. Сердюкова: сын И.М. Сердюков (1721–1761) утонул, у него остались

и не успел этого исправить; а на будущей почте, конечно ответ сообщу. На прошедшей неделе в субботу, т. е. 17 числа Александр и Николай Федоровичи <Муравьевы> приехали из деревни: они заезжали к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву>, которой с ними прислал сюда учителя для пересрочки паспорта Ивану Матвеевичу <Муравьеву> и стараться о его пожаловании. Сам будет уж разве к осени на барке. Братья переночевали две ночи у меня и приискали квартиру себе на Сергиевской, куда вместе, и Ивана Матвеевича <Муравьева> приговорили жить. Итак, они все трое по 10 рублей на месяц платят. Николай Федорович <Муравьев> пожалован подпорутчиком и переведен в Канонерской второй. А Алекс<андр> Федорович <Муравьев> остался первым порутчиком и хочет в годовой отпуск ехать. Они оба уж по две почты собираются к вам писать, да я уж с тех пор, как уехали на Литейную, и не видал их. У меня теперь живет крестьянин с Полос и две лошади, на которых приехал учитель. Дядюшка <М.А. Муравьев> пишет чтоб я его отсюда прогнал поскорее, и мужик просится в деревню, да только он все с день на день отлагает. Третьяго дня ездил я к майору <Ф.Я. Олсуфьеву> с письмом от дядюшки <М.А. Муравьева>. Майор <Ф.Я. Олсуфьев> был болен, однако по прочтении письма призвал меня и приказал отписать к дядюшке <М.А. Муравьеву>, что паспорт он отсрочивает еще на год, а переменить его не может для того, что он переведен из Артиллерии, и что в действительной службе еще никогда не был. От него поехал я к Талызину: дома его не застал и для того поехал во дворец, где ему доложили обо мне, и он взял от меня письмо, спросив наперед: не от батюшки ль? После этого просил, чтоб я ходил к нему. О человеке Льва Андреевича <Батюшкова> я уж к вам прежде писал; Николаю Львовичу <Батюшкову> отсрочка дана, и чай наш с человеком отправлен. Впрочем, я о себе объявляю, что я, слава богу, здоров и нахожу приятное упражнение, в чтении Горация особливо:

дети М.И., П.И. и Е.И. Сердюковы; дочь М.И. — Е.М. Сердюкова вышла замуж за генерала-майора В.И. Храповицкого.

так что и Гараска применился, когда я спрошу маленькую белую книшку. Василий Евдокимович <Адодуров> приказывает кланяться: он комне присылал осведомляться, и хотел к вам писать, не знаю, что его удержало. На сих днях виделся я с Никол<аем> Алекс<андровичем> Львовым: он живет у Михаила Федоровича <Соймонова>. Захар Матвеевич <Муравьев> и Никита Романович <Рожешников> приносят свое нижайшее почтение. Они весьма сожалеют, что не могут писать, затем, что в почтовые дни, они в Корпусах своих. Книшку Авдотьи Александровны <Львовой> на будущей почте перешлю. За всем сим препоручаю себя в вашу отеческую милость и прошу нижайше вашего благословения

Покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Голубушка сестрица Фешинька! Eh bien! comment cela va? Vous Provinciale! Bon! Et mon cher Vieillard, ce nouveau Marquis, Mr. de Voltaire s'accoutume-t-il aux façons de Tver? Et son confrère Mr. Marmontel aussi? Je leur souhaiterai la barbe. Зделай милость матушка отпиши ты мне все сполна, что вы делали *presenti et futuro tempore*. Не обманись; вить ето по латыне. C'est un trait de ma Gentillesse.

А я тебе скажу, что сделалось со мной,
Заехал я в Театр, с Тараской за спиной³⁸,
Я вышел: мальчик мой подъехал близ другова,
И стал: вдруг скачет Паж: ты чей? я Муравьева,
Кто барин твой? Сержант. Котораго полку?
Измайловской — так, так я тотчас побегу.
Туда, сюда, назад, я был у господина,
Он был без места там, я ложу дал ему,
Он свесть меня велел к местечку вон тому,
Скок в сани, вожжи взял, ну! ступай, скотина.

³⁸ Сноска Муравьева: «Понеже Ванька покупал сено и прочие наши домашния <нрзб>: вить мы очень економы, а ножниц еще нет».

Вот, сударыня чтоб тебя повеселить! По крайней мере я того хотел, затем что стишки не очень веселы: однако ж кто на почту стихи делает; так... Прощай. Ульяна кланяется. У нас уж с Рубль накоплено. А сено очень дорого. Прощай. Татьяна Петровне кланяюсь. Письмо ее давно отдано, да нет ответу.

1776 года Генв<аря> 21 д<ня>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 14–15).

<8>

<28.1.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Ваше любезнейшее от 19 числа писание получил я 24 исправно, будучи в сутках во дворце. Сия самая причина сделала и то, что я к вам не успел писать последнюю почту. Здесь время стояло очень хорошее, даже что теперь и снег с кровель сошел и улицы черны, как в великой пост. А этот раз ходил Сергей Александрович <Хотяинцев> и для того с собой на весь фронт взял унтер-офицеров и капралов кадетских. Я был за пикетнаго³⁹ сержанта: за адьютанте <!> был наш фельд-фебель Львов. Из офицеров были следующие: капитан-порутчик Граф <А.> Головин, при гранодерах <Е.Ф.> Кудрявцов, за порутчика подпорутчик Князь <И.> Щербатов, подпорутчиком <Е.С.> Шумаков, прапорщиком Мажуров. На другой день нашего караула, то есть в понедельник, затем, что вышли в воскресенье, Сергей Александрович <Хотяинцев> приказал быть пикетным вместо меня сержанту Гордину, а мне вместо его в уборных, чтобы, таким образом, мы оба, будучи в первой раз на карауле, обе должности узнали и притом бы с облегчением. С караулу взял меня Сергей Александрович <Хотяинцев> в Карету и мы вместе приехали домой. Естли мои караулы всегда будут отходить так, как этот, то я весьма доволен, и вы, я думаю, изволите увидеть, что лучше быть нельзя. Я весьма радуюсь, естли вам будет весело и впрям в Твери: и более того

³⁹ Пикет — пост, караул.

желаю быть здоровым. Мое ожидание основано только на том. Нынешнюю среду я письма от вас не получил, так должно ждать в воскресенье. Не покиньте меня, батюшко, вашим уedomлением... в самую сию минуту получаю наряд в Школу. Видите, какой я нужной человек, батюшко сударь, будьте вы только веселы и здоровы и с сестрицей. Когда все это будет, так уж я, конечно, уверен, что милость ваша будет ко мне не исчерпаема. Дай бог! чтоб я мог сколько нибудь достойнее соответствовать вашим отеческим попечениям. Сколько приятств воображаю себе, естли заслужу то, чтоб вы не раскаялись никогда в ваших милостях ко мне; естли это отсутствие будет причиною лестного мне свидания; естли я наконец заставлю себя ждать. Дай бог, чтоб я в этом не обманулся! Федор Михайлович <Колокольцев> обещался говорить с Сердюковым⁴⁰; но как он всякой вечер ездит в Коллегию, то и в клоп не всегда заезжает. Марья Ивановна кланяется: она несколько слаба, да притом с недели полтары только девка ее Анна, подговорена Беклемишева человеком, убежала и снесла перстень лучший, подвязку к серьгам и 120 рублей. Это все такое, что служит умножать беспокойства, человека и так уж больного. Наша Лисавет Христофоровна советует, не лучше ли Ульяне к вам ехать, а здесь для меня нанять кухарку, рубли по 2 на месяц, для того, что очень трудно сыскать таких, которые бы поехали в города. И правда, что были повара, которые только затем не соглашались, что ехать из Петербурга. Она же говорит, что Ульяна вам выгоднее нежели и повар: так как в стряпанье бережливее мушины; так и для других мелких должностей поваренных и домашних, как то: мытья белья, чищенья посуды. Я с моей стороны отдаю справедливость, что я всеми моими людьми весьма доволен; во всех случаях, вот и в последний раз как шел на караул, Ульяна огнивник доставала, отдавала белить под-сумок портупею, покуда Ванька чистил ружье, так заржавленное, что должно было все разбирать. Одним словом, не только в чем пожаловаться, ниже лучше чего требовать от них не имею.

⁴⁰ С каким из Сердюковым, неясно; см. примечание № 29.

Я писал к вам что Алекс<андр> Федорович <Муравьев> с братцом здесь и живут вместе с Иваном Матвеевичем <Муравьевым> на Сергиевской улице. Здесь был учитель дядюшкин и уж уехал.

Впрочем, нижайше себя в вашу отеческую милость препоручая, остаюсь навсегда прося вашего благословения

Ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Татьяне Петровне мой поклон. Письмо ее отдано и обещан ответ.

Quel art est-ce que j'ai employé dans mes derniers lettres qu'elles vous ont si plû, ma chere sœur? Est-il bien vrai, que vous y trouvez de l'Éloquence? Eh! ma chere! me flatteriez vous, m'aimeriez vous à ce point? Oui, vous m'aimez. Prévenue en ma faveur, vous trouvez des beautés, où tout autre que vous n'en trouveroit pas. Quel charme pour moi? Trompez-vous toujours comme-ça, trompez moi toujours de même. Imaginez-vous ces soldats ronflans, imaginez vous moi, votre lettre à la main dans une pelisse, prodiguant de croquignoles au nez des Guerriers, et riez-en. Ce que je vous prie très humblement <нрзб> très obéissant.

Michel M.

1776 года

Генв<аря> 28 д<ня>

С<анкт->Петербур<ург>

Милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Чаадаеву> приношу мое нижайшее благодарение, и свидетельствую чистосердечное почтение.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 17–18).

<9>

<1.2.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Щастье мое несравненно, и естли бы оно продолжилось, то не осталось бы моим желаниям места. Я имею теперь в руках два

ваши письма, из коих одно вчера вечером, другое нынче, только что из школы пришедши, получаю. Что вы изволите писать в последнем, наполняет меня с ужасом смешанным почтением к нему. Я почитаю вашу нежность, я удивляюсь действиям оной и, воображая ее таковою, нахожу ее выше всего того, куда бы возвысилась душа моя: одно совершенное отчаяние заслужить ее, кажется мне, довольно изъяснит оную. Сделайте милость, отдайте справедливость моей искренности: она вам свидетелем моего смущения. Что лестные, как получать и от вас и такие чувствий изображения, которыми и собственное самолюбие побеждается? Однако ж не будут ли они ж самая служить мне безпрестанными упреками? Как я могу им отвечать? Одним чистосердечным признанием сильнейших ваших милостей, одними горячими мольбами о здравии вашем. Открылось бы тут сердце мое, открылись бы все его движения, когда бы не трудные было изъяснять чувства, нежели ощущать их, когда б не боялся я, чтоб, проходя устами, не потеряли они природной их безпритворности. Я заблуждаю. Напрасно бы учился я складно говорить: никогда, может быть, не представлялося более ощущений душе моей, как в самое сие время. Что ж это пользует? Я ощущаю и словами боюсь ослабить то, что чувствую. Малейшее искусство уже требует притворства, а я желаю, я стараюсь любить вас безпритворно, любить вас так, как вы меня. Что скажу я о поручении мне Устреки? Оно меня удивляет, приводит в смешение и я не знаю, что сказать. Неужели вы меня отлучаете от себя? Или вам показалось, что я того требовал? Удержите, батюшко, удержите это дарование: оно обременяет мою слабость. Мне совестно при вас располагать вашим. Вы господин вашего имения, вы мой господин: и мне ли прилично пользоваться вашим правом. Я письма ваши все получаю, почта может мне доставлять все ваши повеления, а я их могу посылать в Устреку. Сим способом и мужики привычные останутся в своих пределах, и я могу видеть внутренность их устройства. Впрочем, все предаю на ваше разсуждение. Письма завтра развезу куда должно: так как и присланое сюда с мужиком от дядюшки Матвея

Артемоновича <Муравьева> письмо подам Марье Павловне⁴¹. На сих днях получил я от Петрекаева⁴² письмо на ваше имя, упоминая, что он писал к вам о том прежде: о деньгах пишет, что готовы. Третьяго дня в 3 часа ночью, поехал Сергей Александрович <Хотяинцев>, на 29 дней в Псков, и перед отъездом так был весел, что и в Школе велел мне по рассмотрению отпускать самому, а напоследок я выпросил и классы разпустить. Теперь правит кадетской ротой Егор Федорович <Кудрявцев> и я им доволен. Нынче я последний день свой отднел. Что касается до книшки моей, так естли изволите и удержать можете. С Ганнибалами говорил Иван Матвеевич <Муравьев>, они к сестре писать обещались: и я завтра с ними увижусь. Впрочем, прося вашего родительскаго благословения, на веки заключаю себя в вашу драгоценную милость и прошу бога продолжить и сохранить ваше здравие.

Ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! и это не заунывно ль?... Право нет: кто *Евгению*⁴³ на Тверском публичном Театре видел, тот, по нас слово! аиа, еге и ха, ха и пр: Татьяна Петровна была ль тут? Кто у вас <И.А.> Дмитревской? бьют ли в ладоши? Сколько много вопросов! Ето конечно целой вопросительной: да так и должно вить. Это пети-пьес? У тебе Сестрица по пети-пьесам: а те ко мне, по граньесам. Мои вести только те: за молоко рубль и с лишком ста да этак накоплено... А за намерение шить рубахи, иначе сорошки, аршина три четыре поклонов самых новейших, и так свежих, как соленые алимоны, как барштапельския яблоки у Василья Кузмича, и т. д. Что бишь? Пора на почту. Ну! как

⁴¹ М.П. Балк-Полева (в замужестве Нарышкина, 1728–1793) — дочь П.Ф. Балка-Полева, жена С.К. Нарышкина.

⁴² Возможно, С. Патрикеев, заседатель Верх. расправы II департамента Петербургской губернии [Газета, с. 1292].

⁴³ «Евгения» (1767) — драма П.-О. Карона (Бомарше).

опоздают: что сделать — прощай. С Жагоном наш Харза, поклонов три десятка, Ульяна тако ж де... да Ванька: где печатка. Сложи письмо сперва, печатка не уйдет. И впрямь так вот конец. Ступай на почту вот. Прощай. Покорное брат и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Февр<аля> 1 дня

<Санкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 23–24).

<10>⁴⁴

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Вот еще письмо: я того только желаю, чтоб оно вас нашло и в здравии, и в удовольствии. Я думаю, что вы делаете теперь: но бесплодные мысли не могут того решить. Пусть мое желание будет мне вместо известности вашего состояния. Я слава богу! здоров. Во вторник был у Василья Евдокимовича <Адодунова> и там обедал: он хотел на ваши письма ответить и согласен с вашим мнением, чтоб лучше продать келью; для того и с Настасьей Федоровной <Муравьевой> переговорить хочет. В тот вечер был я в Театре, представляли *Альзир* французския актеры: после чего следовал балет и Опера-комик, имянуемая *Однominутная ошибка* (*L'erreur d'un moment*)⁴⁵. По утру подал я Марье Павловне Нарышкиной от дядюшки письмо, на которое ответствовала она и наперед, так как и бывший у ней Алекс. Федорович Талызин: дело сделано, он уж подпрапорщик и пашпорт послан к нему. А последний примолвил: отпиши дядюшке, чтоб овса присылал. Таким образом Иван Матвеевич <Муравьев> мо-

⁴⁴ Датируется приблизительно концом января — началом февраля 1776 г.: в приписке к сестре Муравьев писал, что «вот уж тому месяц с лишком, как я тебя не видал». Как указал В.А. Западов, Н.А. Муравьев получил назначение в Тверь 29 декабря 1775 г. и уехал туда с дочерью [Западов, с. 307].

⁴⁵ [*L'erreur*].

жет быть скоро будет и Сержантом: и она обещает стараться. Федор Михайлович <Колокольцев> говорил с Сердюковым о доме, и он отвечал, что, может быть, дом и продаст, только ему наперед иметь согласие брата своего на то; для того, что у них он общий. Фед<ор> Мих<айлович> <Колокольцев> продолжал спрашивать между тем, чего он стоит, на что тот отвечал, что их с Боровицких порогов, и для того тысяч около семи. Как этот ответ удивил Федора Михайловича <Колокольцева>, то Сердюков отозвался, что не смотря на это, цена его дому не так дорога и что он может о том к вам написать, так как они с своей стороны к Свечину, которой в нем стоит. За всем сим, как бы ни дешев дом сей был, кажется, что, зачиная, уменьшат от 7000, уж все дорого будет и вам несходно купить. В среду по утру ходили мы с Заворотковым⁴⁶ и еще другим сержантом в Академию на лекцию адъюнкта Иноходцова; затем, что новым директором определено говорить профессорам для публики, так, что кто бы ни вошел туда, слушать может по изволению. Теперь Иноходцов проходит курс математики, а Крафт начнет также показывать Экспериментальную физику. Тут был Алекс<андр> Афанас<ьевич> Дьяков и многие другие. От дядюшки живет здесь приехавший пиловальщик <?>; пил не могут найти. От Семена Савича <Муравьева> также приехал человек с письмом, к вам еще писанным, содержащим только то, что сын пожалован и отпущен до генв<аря>, так что Семен Савич <Муравьев> намерен только к осени быть сюда. Человек его поедет в воскресенье, и путь его лежит через Тверь: итак, я с ним и книшку Авдотьи Александровны <Львовой>, и ноты, которые давно у меня лежат, перешлю вместе. Впрочем, какие благодарения должен я воздать отменным и незаслуженным мною вашим милостям, на то вся жизнь не будет мне довольна. Я чувствую, сколько они велики, и ограничиваю все свои помышления одною униженнейшею, чистосердечнейшею моею вашим повелениям, преданностию.

⁴⁶ Возможно, Д.М. Заворотков — сержант Измайловского полка [Письма, с. 366].

Сколько бы раз ни засвидетельствовал я мою должность, никогда того не будет, чтоб не должен я был засвидетельствовать тож самое тысячу и тысячу раз непрестанно. Всепокорнейше прошу вашего отеческого благословения и желая вам невидимаго здравия навсегда остаюсь,

Ваш нижайший, покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! здравствуй! вот уж тому месяц с лишком, как я тебя не видал. Вспоминаешь ли ты меня или уж и позабыла? Нечем меня и вспоминать, только, чтоб не лихом! Твои слезы почтили нашу первую разлуку; так скоро меня не позабудешь. Да дай бог, чтоб и было чем забыть. Веселись, матушка, веселясь, вспомнишь меня, и вздохнешь, вспомяв меня. А я тебя не позабуду: напиши здорова ли ты. Прощай. Милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Чаадаеву> прошу объявить мое покорнейшее почтение, и также естли увидишь сестрицу Анну Федоровну и Любовь Федоровну <Муравьевых>. Татьяне Петровне поклон. Et si l'ose enfin, tachez de faire agréer mes respects à Mlle...

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 25–26).

<11>

<8.2.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Целую неделю не получаю от вас писем: здоровы ли вы или уж на меня прогневались? Я всякую пошту пишу и видел к своему удовольствию, что письма к вам доходят. Так что мне заключить теперь? Может быть, я своими письмами наскучил; но мое намерение было безвинно. Вот каково отсутствие: оно много дает и тщетных, может быть, безпокойств, и действительнаго смущения. Я тотчас буду весел попрежнему, естли строчку получу от вас. Я слышу, что из Твери приехал Г. Свечин: мне хотелось бы его увидеть, да, может быть, он и уехал. Я стара-

юсь, сколько возможно, отдалить от себя все неприятные во-
 ображения, чтобы пустым смущением не нанести вам скуки:
 однако признаюсь, что это меня трогает. Естли вы здоровы, ве-
 селы и милостивы ко мне, так этому хоть посмеетесь с сестрою.
 А естли что нибудь... я прошу бога, чтоб он отвратил всякое зло.
 Вы легко представите, что все мои веселья, слышать о вашем
 здоровье, не потерять к себе вашу милость и льститься когда ни-
 будь увидеться с вами. Все скучно: это я без хвастовства скажу,
 вчера я был в Маскераде: какое веселье, бродить до усталости
 между тысячами не знакомых лиц и тех с харями затем только,
 чтоб кто-нибудь сказал мимоходом: здравствуй? Еще кто любит
 танцовать: Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> в своем венециане
 заслуженом и которой ему по колено, так то выфантовал, что
 лучше нельзя. Братья Алекс<андр> и Ник<олай> Федоровичи
 <Муравьевы> и Иван Матвеевич <Муравьев> приписывают
 свое почтение: они сказывают, что писали к вам особливо. Вче-
 рась я обедал у отца маленького Щербинина⁴⁷: он, приехавши
 сюда, был у меня и нарочно звал обедать. Последнее мое письмо
 служит эпохою его приезда: для того, что я его не успел допи-
 сать и оставил, как помнится, не совершенным по причине его
 приезду. Нынешнее число — срок векселя Елисавет Абрамовны
 <Ганнибал (в замужестве Пушкиной)>: прежде Ганибалы хоте-
 ли к ней писать, а нынче они все и разъехались, большой к своей
 команде, а Осип Абр<амович>⁴⁸ — в отставку и теперь поехал
 в Суйду⁴⁹: я думаю завтра съездить к Десятникову. Вчера чрез
 Нарманских <?> получил я письмо от Петра Антоновича <Кост-
 ливцева> к вам, которое при сем и прилагаю; сделайте милость,
 отпишите, порадуйте меня, дай бог! чтоб вы в здоровье, удо-
 вольствии спокойные дни препровождали. Я в том мое благопо-

⁴⁷ Видимо, А.Е. Щербинин — офицер и помещик, с 1775 г. был женат на А.М. Щербининой (Дашковой), дочери Е.Р. Дашковой.

⁴⁸ О.А. Ганнибал (1744–1806) — русский военный деятель, дед А.С. Пушкина.

⁴⁹ Суйда — деревня в Санкт-Петербургской губернии, в 1759 г. ее купил А.П. Ганнибал.

лучие, мою утеху полагаю; не отвергните меня от себя и сделайте, чтоб я с вами разделял все, что вам случится. Я не знаю, что бы написать к вашему удовольствию, примите хоть намерение мое: оно только в том, чтоб изъявить мою преданность, я хотел бы от всего сердца, чтоб оно вас повеселило; но я в том отчаяваюсь. Напишу тысячу раз, сколько вам должен, сколько мил мне этот святой долг, и, забываясь, пишу еще тысячу раз то ж самое. Щастлив! Когда б я мог очистить довольно душу мою, чтобы сделать ее достойною сих ощущений. Пусть продолжу я до безконечности письмо мое, пускай я его в малых словах окончаю, все одно будет оно, все только в том, чтоб вообразить вам мою нижайшую благодарность и никогда не могу ее изчерпнуть. Целую ручку вашу и боюсь, чтоб вас не позабыть. Тронитесь моим чистосердечием: я это чувствую и хочу более чувствовать! Дай бог, чтоб вы были здоровы, чтоб мне это услышать и удостоиться вашего благословения.

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица, дай бог чтоб ты была здорова, весела и довольна. Когда я увижу свою Фешиньку? Увижу большую и дай бог увидеть такую. Какая веселость? Естли будущее не обманет, естли случимся вместе, чем более в возрасте, тем веселее, более, более.. и я заврался. Ето простительно. Нынче масленица очень грязна, так можно посклизнуться. Прощай. Марья Андреевна вчера в Маскераде мне поклонилась, затем что я было ее с ног сшиб. Прощай. Вить ето великая честь. Татьяне Петровне мой поклон, да чур! же мой. Милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Чаадаеву> мое покорнейшее почтение, также и от братьев. Можно ль? Алекс<андр> Федор<ович> <Муравьев> говорит: Ех! жаль что я не в Твери. Прощай, сударыня Феша.

1776 года

Февр<аля> 8 дня

С<анкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л 27–28).

<12>⁵⁰

<после 28 января 1776 г.>

Так-то моя матушка, моя голубушка сестрица, как ты поживаешь; мы живем потихоньку. Жагон очень-очень тебе благодарит, что ты его напомнила. Захар Матвеевич <Муравьев> приносит низкой поклон, да оба теперь во своих и для того ручки своей не могут показать проворства. Будь весела, матушка; мы тебе пришлем скоро Ноты. Как ты настроишь клавиры, у меня спроси, хорошо ли. Отпиши, сударыня, что делаешь, чем забавляешься. Волтер, я думаю, с одной доски до другой перефеллютирован. *Ma mere n'a point fort; je fais bien qu'en ce monde; il faut pour réussir une adresse profonde!* У Анны Андреевны <Муравьевой> я хотя и был, ни один раз лицезрения не удостоился. А Васил<ий> Евдок<имович> <Адодуров> весьма пренизкия поклоны приказывает, еще ниже тех, которые отвешивает Захар Матвеевич <Муравьев>, Анны Андреевны <Муравьевой>, как огня, боится; как собирались мы к ней, так целой день вохрил камзол, белил портупею и пр. Татьяне Петровне низкой поклон. Письмо ее я отослал; на то сказано: я после буду писать. Извини, душа моя сестрица, что я так к тебе пишу. Боюсь не опоздать на почту. Прощай. <нрзб> adieu. <нрзб>

Покорнейший слуга и брат

Михайло Муравьев.

Ma très chère sœur!

Que je plains l'état, dont vous avez sû me présentez une image si éloquente! Je l'ai maintenant sous mes yeux je lis votre lettre, je la relis et je frémis. Comment? ma chère sœur! vous n'avez pas à qui vous ouvrir! Dieu puissant! Eh! quel mystère si sacré, pèse à votre sein! Ces

⁵⁰ Датировка предположительна: скорее всего, после 28 января 1776 г.: во-первых, здесь упоминаются ноты для Ф.Н. Муравьевой, ср. также <2, 3>, что позволяет осторожно предположить, что и это письмо было написано в январе-феврале 1776 г.; во-вторых, Муравьев говорит о письме Татьяны Петровны, которое отправил, при этом оно же упоминается в <8>, что, видимо, свидетельствует о том, что данное письмо было написано после 28 января 1776 г.

arbres, qui sembloient sentir votre peine! permettez que je lise encore une fois cet endroit. *Bien des fois j'ai versé des larmes et je n'en savois pas la cause.* Quel style plus approchant de?... Mais; vous pourriez... non vous m'avez assuré, que Zachar Matveevitz se trompé. Pardonnez-moi ce langage; entre vous et moi, vous savez il faut, que la sincérité regne. Eh bien! si la parole pour <?> sa naissance, dans les sentiments du cœur, ne dois-je y reconnoître un peu de tendresse?... Pardonnez-moi vous dis-je encore une fois. Je vous aime; ma chere sœur, aimez-moi de même. Attirerais-je par la votre colère <?>. Eh! non. Consolez votre âme trop foible <?>, prenez des ferments à la soldatesque, et surtout faites, que notre cher pere ne soit pas affligé. Ah! je suis peut être très coupable, d'avoir mis ma confiance sur la poste des <нрзб> J'ai cru, que mes lettres viendront chez vous infaiblement <?>, et malheureusement, vous ne les recevez pas. Vois ce que c'est que cette maudite poste; on y paye très peu, et l'on-court risque de perdre la lettre. Écrivez-moi ma chere, comment est-ce que vous vous trouvez; la ville, vous plait-elle? et les habitants comment est-ce qu'ils sont faits? Покроем, рцы, каким, на бабах? Телогрея, и шапкаль Архерея, иль Римской сходен Шлем с Кокошником Тверским.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 29–29 об.).

<13>

<18.2.1776>

Милостивой Государь батюшко!

Никита Артемонович!

Любезное ваше милостивое ко мне писание от 10 февраля получил я с моей радостью вчерашний день, и письма к Александру Федоровичу <Муравьеву> отосланы. Вексель Елис<аветы> Абрамовны <Ганнибал> уже тому четвертой день, как у нотариуса, для того, что вчерась только вышел 10 дневной срок: а нынче, правду сказать, послать за ним или сам съездить не успел, потому что Ванька ходил в Ямскую и под Невской, для приискания сена и проведывания приезду Красильникова. Вчерась, сказывают, емщики его приехали с товарами, и его самого скоро ждут. Сена купили мы нынче два воза по 22 пуда в каждом, дали

5.70 коп. Дорого здесь держать лошадь, да и от дядюшки, случается, приезжают кое-кто, так что не чувствительно его много изходит. Корова еще не телилась; однако уж очень мало дает молока. Я думаю, что вы еще не изволили возвратиться из вашего путешествия. Дай бог! чтоб оно не приключило вам никакого беспокойствия и скуки, а послужило бы сколько-нибудь к увеселению. Мне это скучно, что я не знаю теперь, где определить ваше пребывание: разлучены, рассеянны, когда приведет нас бог собраться вместе. Естли я молюсь когда богу, мои молитвы наполнены только тем, чтоб я мог вас увидеть здоровых, чтоб вы могли меня увидеть, достойным еще вас. И дай бог! чтоб это все збылось! Чем я могу оправдать ваши милости? чем воздать вашим попечениям? Нет вышний справедлив, и он не может не наградить вашу добродетель.

Оставили ли где сестрицу? или она с вами? Я ничего не знаю. Живу здесь, как будто Мелхиседек⁵¹, и Фавушку унесла Ульяна мыть. А хожу часто к Николаю Александровичу <Львову> и беру у него читать италиянския книги. И теперь читаю Гольдони⁵² комедии. Я уже писал к вам, думаю, в прошедшем письме, что я обедал у Михаила Федоровича Соймонова. Полк наш около недели как пришел, и на сих днях ожидают Федора Яковлевича, и Сергей Александрович <Хотяинцев> скоро будет. Думаю, что в следующий понедельник достанется мне на дежурство. От Василья Евдокимовича <Адодурова> есть у меня к вам письмо; но я хочу его к вам переслать через Ивана Петровича Чадаева, которой воскресенье в ночь отсюда отправится. Как вы будете, батюшко, поститься? а мы своим домом положили говеть на последней недели. Мы здесь износились обувью, а люди и рубашками; как изволите приказать, здесь ли изкупить нам

⁵¹ Мельхиседек — библейский персонаж, царь Салимский; в переносном значении — «праведник»; несколько десятилетий спустя ему посвятит свое последнее стихотворение («Ты знаешь, что изрек») воспитанник Муравьева К.Н. Батюшков.

⁵² К. Гольдони (1707–1793) — венецианский драматург и либреттист.

или как вы прикажете: рассказывает Ванка, что между товарами привезенными Красильниковым и холсты также есть. Впрочем, прося вашего родительского благословения, с низжайшею моею преданностью цалую мысленно ваши ручки и на век остаюсь

Ваш покорнейший слуга и сын Мих<айло> Муравьев.

Матушка Сестрица! что к тебе напишу? Когда сажусь писать, кажется написал бы бог знает что; а как перо в руки, так и заврался. *Voglio spiegarvi il mio dolce contento e i tenerissimi sensi della mia anima*, <нрзб: commincio?>, e subito sento la mia gioia oppressa: taccio⁵³. *Ne suis-je pas un bon Italien? du moins, un passable: comme-ça, bon...* На! кстати, в голову впало. Зах<ар> Матв<еевич> готовится к выпуску. На сей неделе был он в числе несколько избранных кадет на смотре у своего Генерала, и он им сказал: «Ну! други, готовьтесь». Однако не мешайте его спокойствия: он говееет. *Monsieur Jagon* будет офицером к Петрову дню. А кулику, то есть мне грешному, до Петрова дня далеко. *Addio*; не иначе как по италиански. Веселись по Тверски, будь здорова по Руски. *Vi prego di portar le mie profondissime riverenzie alla mia chiarissima Donna Tatiana Petrovna. Resso pien d'una persetta affezione*⁵⁴ <?>.

Umilissimo Vottro servo e fratello

Mich. Muravieff

1775 года⁵⁵

Февр<аля> 18 дня

С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 30–31).

⁵³ «Я хочу объяснить тебе свое сладкое удовлетворение и нежные чувства моей души, <начинаю?>, и я тотчас чувствую, что радость моя угнетена: я молчу».

⁵⁴ «Передайте, пожалуйста, мое глубочайшее почтение моей светлейшей госпоже Татьяне Петровне. Я наполнен совершенной привязанностью».

⁵⁵ Очевидно, описка, письмо датируется 1776 г.

<14>

<20.2.1776>

Милостивой Государь батюшко!

Никита Артемонович!

Наконец дождался я до того, что могу через Ивана Петровича <Чаадаева> переслать вам кое-что, в чем я уже давно виноват. Ноты, которые я сестрице обещал, книшка записная Авдотьи Александровны <Львовой>, думаю, уж давно ожидаются и я отчаяваюсь в извинении. Тому около недели, как Василий Евдокимович <Адодуров> прислал ко мне письмо, которое мне показалось довольно толсто, чтобы его отложить для общей отсылки к Ивану Петровичу <Чаадаеву>. Захар Матвеевич <Муравьев>, по щастью, пришел ко мне нынче, и он с нетерпеливостью писать к вам хочет: он назначен к выпуску Артиллерийскому, но как скоро он будет, того еще неизвестно. Я, слава богу, жив и здоров: от вас уж давно не имею известия, дай бог! чтоб они были приятны; я того опасаюсь, чтоб ваше путешествие не было вам безпокойно. Кончили вы оное или нет, я совсем не знаю. Где сестрица, и осталась ли, или с вами, также не ведаю. А надеюсь на будущей недели получить что нибудь от вас. Мы ожидаем Сергея Александровича <Хотяинцева> также около этого времени, а Федора Яковлевича <Олсуфьева> ежели не нынче, то завтра. Мне послезавтра на дежурство и, может быть, при моем начальстве разпустят классы, вот наши новости: они очень сухи, но всякаго то трогает, что ближе. Я позабыл к вам писать на прошедших почтах, что Князь Григ<орий> Орлов недели с две назад сюда приехал, а теперь уж вы изволите, может быть, это знать. Естли правда, что иные говорят, будто он в Москву поехал; то ему надобно неотменно и в Твери быть, хотя мимоездом, так как здесь, будучи в Маскераде, говорил, что он Инкогнито. Разход мой довольно велик, и на одно сено издержали мы 13 рублей с лишком. Это пуще всего здесь раззорительно, и сено очень дорого. Как вы изволите разсудить, не лучше ли уж мне не держать лошади. Корова еще не телилась, и Ульяна сказывает, что она молока дает не более,

как по чайной чашке и то по однова. Вексель с протестом еще у нотариуса для того, что я не успел к нему съездить. Я много бы писал и ничего бы не пропустил по своему обыкновению; да гость теперь зашел из наших постояльцов и надобно оставить место Захару Матвеевичу <Муравьеву>. Итак, препоруча себя в ваши родительския милости, с преданнейшим моим почтением остаюсь навсегда

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Ну! матушка сестрица! Захар Матвеевич <Муравьев> до безконечности меня притесняет: одно пиши да пиши, а ему спать хочется. Что ж я напишу? тогда, как говорят, ну, да ну, так ничего в голову не дойдет. Прощай. Однако я бишь запнулся. Вот вам Ноты; а Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> говорит: «Напиши, что я уж офицер, сеledки шпашка». <нрзб>

1776 года

Февр<аля> 20 ч<исла>

С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 32–33 об.).

<15>

<25.2.1776>⁵⁶

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Я имел щастье нынешний день, получить от вас два письма вместе, из коих одно еще писано из Твери, в чистой понедельник, а другое из Вышняго Волочка; за что приношу мою искреннейшую благодарность. О себе докладываю, что я по сей час, для ваших молитв и милостей ко мне, жив, и здоров, и весел, можно будет, тогда прибавить, когда узнаю, что и вы нескучно, это время препроводить изволили. Я только что вчера отстоял свои три дни дежурства в школе. У нас ни капитан, ни майор еще не приехали, а и обоих ждут с часу на час. Вексель Елис<аветы> Абр<амовны>

⁵⁶ Опубликовано: Лазарчук, 1971, с. 58–59.

<Пушкиной (Ганнибал)> протестован и для всякого случая, кажется, обнадежен, а Красильников⁵⁷ еще не бывал по вчерашний день для того, что по утру Ванька ходил под Невской. В каретном ряду заказали, приходить к себе для смотру карет: однако еще никто не приходил. На нынешней недели, в понедельник поехал в Тверь Иван Петрович Чадаев, и с ним послал я Ноты, записную книжку Авдотьи Александровны <Львовой> и письмо от Василия Евдокимовича <Адодурова>. Дай бог! чтоб все это нашло уж вас в Твери, благополучно возвратившихся. Александр Федорович <Муравьев> приказал вам засвидетельствовать свою благодарность за присылку писем. Он просил меня послать в моем свое к Ивану Петровичу <Чаадаеву>. Я ему еще не говорил о деньгах и не знаю, как начать, а он хочет на сих днях ехать в деревню; затем что уж у него пашпорт на шесть месяцев в отпуск изготовлен. Николай Александрович Львов также в начале будущей недели в отпуск поедет, и близко вас. Впрочем препоручаю себя совершенно в вашу родительскую милость и прошу вашего благословения.

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! здорова ли ты! Отпиши, сударыня, а то я право не знаю. Радуюсь, что потанцовали, как я слышу, в Твери как надобно; и желаю танцевать еще и более, естли только вам это нравно. Поклонись от меня милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Чаадаеву> и милостивой Государыне сестрице Анне Федоровне <Вульф>. А я col uomo <?> rispetto a voi minchino <?>, et e resto, per un tempo infinito, affetuosissimo e umilissimo fratello et servidore⁵⁸

Mich Muravieff

1776 года

Февр<аля> 25 дня

С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 19–19 об.).

⁵⁷ С. Красильников — купец; см.: Письма, с. 369.

⁵⁸ «...и навечно остаюсь самым нежным и смиренным братом и слугой».

<16>

<29.2.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Я думаю, что теперь вы изволили окончать свое путешествие и надеюсь, что это письмо найдет вас с Фешинкой; дай бог! чтоб вы имели всякое удовольствие и увеселение, которое боле вам удобно. О себе доношу, что я, слава богу, здоров и весел. Вчерась по утру приехал из Москвы наш майор Федор Яковлевич <Олсуфьев>, и я был у него. Он узнал меня и спрашивал про вас и также, не поеду ли я к вам. Кажется, всех принимает очень ласково, и сколько было офицеров и унтер-офицеров, ко всякому подходил и спрашивал. Александр Федорович <Муравьев> третьего дня поехал в отпуск на шесть месяцев. Я ему говорил о 20 рублях, и он отозвался, что он не помнит, каким образом они за него зашли, что, помнится, едучи в армию, он не занимал; для того просил меня, чтобы я осведомился, какие деньги вы изволили щитать. А между тем, он увидится, и вы извольте ему поговорить, батюшко. Я уж неделю не получаю от вас писем, но теперь, когда приехать изволили в Тверь, покорно прошу меня не оставить воспоминанием. Вексель Елис<аветы> Абр<амовны> <Пушкиной (Ганнибал)> протестован и с протестом у меня. Вчерась по утру был у меня Красильников, которой накануне приехал. Он говорил, что будто поздно получил письмо ваше, в котором вы его просите заплатить все деньги, и что будто надеялся, что вы еще перепишете, собрал он только 200 рублей и просит вас, чтобы вы ему в том подождали. Я старался его уговорить, но он выпросил у меня, чтобы написать ему самому к вам, и так при сем письмо его к вам посылаю на другой странице. И о том, как изволите приказать: хорошо бы, естли бы ответ ваш на это не опоздал. Однако естли я не буду иметь вашего повеления, так я 200 рубл<ей> приму, а вексель протестую. Вчерась приходила сюда Офимья Ивановна, бабушка Татьяны Петровны, которая просила отписать, чтобы не печалилась об ней Татьяна Петровна, что она здорова и управляет ей поместье. Она обстоятельно рассказывала все дело;

но я всего упомянуть не могу. Простите батюшко, что я нынче так худо писал, перья негодные и меня ожидает <И.И.> Хемнитцер, так я и спешу и худо пишу. Вчера поехал Николай Александрович Львов на четыре недели в отпуск. Я думаю, что вы изволили получить мои письма через Ивана Петровича Чадаева. Впрочем, препоручив себя в вашу всегдашнюю родительскую милость, прошу вашего благословения и навсегда остаюсь

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! здорова ли ты: я и не запомню, когда ты ко мне писывала, прости мне, что я тебе мало пишу. Я нынче все хотел переделать, все зачал и нив чем не успел

1776 года

Февр<аля> 29 дня

С<анкт-> Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 21–21 об.).

<17>

<3.3.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы? я не имею давно от вас известия. Получили ли вы мои письма или нет? И как вы изволите теперь жить, с нетерпеливостью ведать желаю. Я к вам уже писал, что вексель Ел<изаветы> Абр<амовны> <Ганнибал (Пушкиной)> протестован: Красильников также приехал и был у меня. Он просит чтобы принять у него 200 рублей и подождать в остальных ста рублях. Сколько я ни говорил ему, однако он выпросил у меня, чтоб написать о том к вам. Письмо его вместе с моим последним послал я на прошедшей почте к вам. Хорошо бы, если бы вы изволили поспешить ответом на то. А впрочем, я напишу на векселе получение денег 200 руб. и протестую его сполна. Как вы изволите приказать, тому я и последую. У нас здесь, слава богу, все хорошо и тихо или потому так, что мне кажется. Майор наш Фед<ор> Яковл<евич> Олсуфьев приехал на нынешней неделе

в воскресенье, и я у него был тогда же со всем множеством, так как я уже и писал о том к вам. Капитан наш просрочил и еще не бывал. Федор Михайлович <Колокольцев> тому уж с две недели, как переехал с того двора, в дом княгини Юсуповой, напротив кормилицы, по Сенной. Марья Ивановна все больна; стало было ей полегче на масленице, и прогуливаться начинала, но нынче опять больна, и шпанская мухи прикладывают к спине. Она приказала извинить себя, что не пишет за своим нездоровьем. Я был также в воскресенье у Никиты Сергеевича Ярцова⁵⁹: он сказывал, что вас видел в Твери.

Здесь у нас учреждено в Академии, что по средам и по субботам адъюнкт Иноходцов читает для охотников Математический курс по утру, а по вторникам и четвергам после обеда профессор Крафт проходит Экспериментальную физику. В сию последнюю лекцию съезжаются очень многия. Директор <С.Г.> Домашнев сам всегда бывает: Василий Евдокимович <Адогуров> с сыном и племянником, Пав<ел> Алекс<андрович> Бибилов⁶⁰, очень много офицеров и несколько сухопутных кадет. Крафт читает ее на французском языке. Нынче там будет собрание, и я туда еду. Корова наша до сих пор уменьшала молоко, а нынче дни с три зачала прибавлять, и Ульяна подтверждает, так как и другие, которые видели, что она не стельна. Устрецкие мужики пришли вчера и внесли свой оброк из заработанных денег 18 рублей. Я было, по вашему приказанию, заставил их ломать барку, однако, как ни принимались и ни осматривали, ломать ее никак невозможно. Во время оттепели на масленице, которая была здесь очень велика, весь снег, которым была наполнена барка, превратился в воду, а как морозы опять возвратились и усилились, весь нутр барки сделался льдом, так что более половины ей в оном. Это сделало, что я вознамерился их завтра отпустить, а уж примемся, если бог даст, весною. Вот, батюшко, содержание нашего жития, у нас

⁵⁹ Н.С. Ярцев (1739–1819) — металлург и ученый.

⁶⁰ П.А. Бибилов (1764–1784) — сын А.И. Бибилова, русского государственно-го и военного деятеля.

день оттепели, день морозу. Я к вам пишу, почитая вас в Твери, а истинны не знаю. Сделайте милость, батюшка, и уведоьте меня в этом. Александр Федорович <Муравьев> уехал в отпуск, а о денгах говорит, что он не помнит, когда у вас занимал. Николай Алекс<андрович> Львов также поехал в отпуск в воскресенье. <М.Е.> Головин пожалован адъютантом <академии наук> и заседает в Академической конференции. Впрочем, писать к вам кажется более не имею, а прошу только с чистосердечнейшею преданностью и покорностью вашего отеческого благословения и с глубочайшим почтением остаюсь на век,

ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! *me voilà venu à vous. Quel chemin à faire?* Ну! все ли ты здорова, а не то худо. А Фавинка, не знаю от чего, дни три хромлет. Устинья Савельевна⁶¹ приказывает писать, зачем вы не держите своего слова: хотели писать, а не пишете! *Ne voudriez vous voir à présent?.. mais, bon. Vous n'avez peut-être que faire.* Прощайте. Да знаете ли вы это, что я с месяц другой беру дрова и свечи государевы? Каково вам то кажется? Семь свеч на месяц. Офимья Ивановна, бабушка Татьяны Петровны, просила меня отписать к ней, что она жива и здорова и что она ей поместье выправляет. Добро не хочу больше писать: сестрица ко мне не пишет, а я уж разум прописал, знай черкаю вместо *ко мне*, так написал *больше*. И на том просим не прогневаться... Да, да, вить вы сестрица видели Московских актеров, уведоьте, каково они играют? Какой это Иван Иванов? пришлите ему аттестат и сравнение с <И.А.> Дмитриевским. Да чур долгое письмо написать ко мне, о всех тверских веселостях и как и что и прощай.

М. Муравьев.

1776 года

Март 3 дня

С<анкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 34–35).

⁶¹ Неустановленное лицо.

<18>

<7.3.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Что это? целая две недели не имею счастья получать ваших писем. Не гневаетесь ли вы на меня? здоровы ли вы? Боже сохрани меня и от того, и от другаго. По моему счету, так кажется, чтобы уж надобно было вам возвратиться в Тверь. В понедельник на второй недели получил я от вас два письма вдруг, одно еще из Твери, в самый день отправления вашего, другое из Вышняго Волочка. И вот все то, что я имею. Я стараюсь утешиться причиной вашей отлучки, однако ето утешение слабо. Все от меня сокрыто, и я не могу вас представить прямо ни в путешествии, ни возвратившихся в Тверь. При всяком шаге должен я обманываться, не имеячи никакого известия ни от вас, ни от сестрицы. Что ж, естли я обманусь в догадках? Бог этого не попустит, естли не захочет меня погубить. Жалею, но уж без пользы, то время, которое я был при вас... в самое сие время, получаю я ваше письмо, которое вы изволили писать из Твери. Простите мне лишния строки. Я письма, которое изволите писать, что послали из Вышняго Волочка, о векселе Елис<аветы> Абр<амовны> <Ганнибал (Пушкиной)>, отнюдь не получал. Я будущую почту буду писать в Новгород: я бы писал и нынче, да только поздно, для того, что я на дежурстве и пишу вечером. У нас капитан <С.А. Хотяинцев> просрочил и долго уж тому времени. Мы с порутчиком ждали к себе в Школу майора Федора Яковлевича Олсуфьева, и для того такая строгости учреждали, однако майор не был. Впрочем, докладываю о себе, что я здоров и поделываю кое что. Захар Матвеевич <Муравьев> скоро будет офицер. У них около Христова дни выпуск, и он в шести человеках назначенных в Артиллерию. Никита Романович <Рожешников> также ожидает себе перемены к Петрову дню. А у нас сказывают лагерь будет. Я живу тихо: а веселье всяко бывает. Принуждения, что касается до службы, нет ни-

какого. Ниже караула; разве бы сам захотел. Каково-то будет в лагере? Я столько написал в намеренье мало писать, что и, остановиться где, не знаю. Не смыслю положить предел моему письму, а Ван<ь>ка <И.М. Муравьев?>, которой говорит, что на почту пора. Вы изволите мне оказывать свое удовольствие, что я по италиански марокую, а я того к вам не писал, что я купил Тасса и дал две монеты. Это не по безжалованью. Сказывают, что Государыня пожаловала 50000 рубл. Князю Григ<орию> Григорьевичу Орлову. Впрочем, препоручая себя в вашу родительскую милость, прошу вашего благословения и с сердцем наполненным, нежнейшим чувствием, остаюся навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! я было позабыл сказать здравствуй: письмо без *здравствуй*, все равно, что ученье ружейное без: *слушай*. Digression très utile, à ceux qui ne sont pas bien intentionés envers l'Italien. Mais écoutez, как легко провиниться! Une chimère après que un rien, vous sait si bien, mettre en colère! Ну! сударыня, plus d'italien avec vous: так боле рускаго, пусть будет с вашей стороны. А propos, вы знаете, что у нас какой-то Лолли⁶², славной музыкант, изобращающий на скрипке всякую всячину... Прощай, Ван<ь>ка не хочет прежде чаю дать, покуда письма не кончу, а с Г. Гандке <?> увижусь, поговорю и достану. Venit, vidit, vicit. Это не по италиански. Т<атьяне> Петр<овне> поклон: письма будут разосланы. Чаю-то хочется.

Пришедши же на гроб, где место заключения,
Живой его душе всевышний предписал
Весь бледен, хладен, нем, и будто без движенья,
Ко мрамору глаза смущенны приковал

⁶² А. Лолли (1725–1802) — итальянский музыкант и композитор; в 1774 г. был приглашен на русскую службу как камер-музыкант Екатерины II.

Вдруг ручей слез потек, и близ изнеможенья

В рыданиях едва, сии слова сказал.

и прочее. (Тасс. Пес<ня> XII. Ст<рофа> 96).

1776 года Март<а> 7 д<ня>

С<анкт->П<етер>бург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 36–37).

<19>

<10.3.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Имею честь, батюшко! поздравить вас с весною: это первой ея день, по крайней мере, что называется по истинному гражданскому изчислению. Вчерась был праздник у жаворонков, а нынче у астрономов. А у нас день прекрасной, и солнце прямо в окна. Около Пскова, сказывают, и реки разошлись, а наш капитан <С.А. Хотьинцев> еще не приехал: я вчера только с дежурства и для того-то видно зарепортовался. Вчерась майор <Ф.Я. Олсуфьев> был на вахтпараде: мы было его ждали и в Школу, однако дело и так прошло. Третьяго дня Красильников обещался на завтра, то есть вчера, как срок векселя, принести денег 200 рублей, однако не бывал, как думаю, для того, что я его просил, отдать денги ассигнациями: нынче по утру также не бывал. А теперь, то есть, отобедав, думаю, ехать на физическую Лекцию. В последний раз я не был за дежурством, и для того наградить это надобно, а Крафт наш говорит там о тяжести и упругости воздуха: теперь уж дошел он может быть, и до гидростатики. О каретах несколько раз мы возвещали: но все не впрок. Вчерась приходил некто, и, как мы попросили за карету Петра Антоновича <Костливцева> 80 рубл., так он отошел прочь, не зная, что и подать, как он говорит. Однако за дядюшкину карету подал он 8 рубл. Из этого видно, сколько трудно будет их и с рук сжить. Я отослал уж мужиков в Устреку, так как я уж об этом и к вам писал. Они мне принесли 18 рубл.

Простите, что я письмо свое прерываю. Часа два тому назад я это оставил и, теперь приехав из Академии, опять за него принимаюсь. Я нашел у себя Красильникова, которой принес 200 рублей ко мне ассигнациями, и я их принял, надписав оное на векселе во ожидании вашего ответа: для того, что назад тому, почты три, писал к вам, о прозье Красильникова и послал ее вместе с письмом моим. Пожалуйста, естли изволили получить, пришлите на то поскорее приказание: он просит именно, чтоб взять с него только 200 рублей, так как они и взяты уж мною; а впрочем бы подождать. С моей стороны, я не мог никак отговориться, чтобы, по крайней мере, не позволить ему попросить самому вас об этом. Как мне кажется, так отсрочить никак нельзя в разсуждении нашего долга. И я просил его, чтоб он, на всякой случай, собирал между тем и остальные деньги: так как он и обещал. Я думаю, завтра съездить к Кургановскому⁶³, дабы осведомиться и поговорить о условии платежа: дай бог! чтобы это мог я сделать порядочно. Могу ль я теперя попросить вас, батюшка, об учащении ваших писем? я их не очень часто получаю; хоть для того, чтоб я знал, доходят ли к вам мои письма. Я желаю чрезмерно знать, каково было ваше путешествие: когда вам недосуг в этом уведомить, так я прошу хоть сестрицу, чтоб она взяла на себя ему скуку. Я здоров, доволен и празден: дай бог! чтоб только вы были здоровы, чтобы сестрица простуд не знала и находила бы свои веселья и общество! Я позабыл было нечто: вчера по утру Прасковья Глебовна <Головцына> прислала ко мне проведать об вас: она была у Наумова⁶⁴, и слух разнесся там, будто бы вы, проехавши по уезду, где надлежало, прибыли наконец сюда с какими-то депутатами. Егор Александрович для того прислал записку о двух книшках, которые нам продал

⁶³ Видимо, А.Е. Кургановский (даты жизни неизвестны) — лейтенант флота, с 1785 г. — генерал-майор.

⁶⁴ Возможно, С.А. Наумов (ок. 1724 – не ранее 1779) — капитан, предводитель дворян Крымского уезда.

летом наш переплетчик, имянно *Молодой геодет*⁶⁵, и *Журнал Прусской войны*⁶⁶: они украдены с большей частью библиотеки Князя Петра Никитича Трубецкого⁶⁷. Вот какое вылилось чудо! я посылал к переплетчику: тот говорит, что он в том не отвечает, что он купил по незнанию: была де и у меня одна, из числа тех книг, и я был принужден отдать! Мы за их обеих отдали рубль; однако все жаль эдаких хлопот. Как вы изволите приказать, отдавать ли их или нет? воры этой библиотеки пойманы и с ними лавошник, которой их разпродавал.

Впрочем, все мое желание, чтоб бог сохранил ваше здоровье, чтобы я еще пользовался счастьем вас увидеть. Ваши милости со мной пойдут в гроб и может быть, еще останутся после меня. Я с глубочайшим моим почтением прошу вашего родительского благословения и на век мой остаюсь,

Милостивой Государь мой батюшко
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! ну! так ты меня помнишь, как же вспоминаешь? или нет, помнить брата, пусть помнить; а вспоминать на что? Вить ты уже велика, я думаю: по крайней мере, все ты мне покажешь более, естли даст бог свидеться с тобою. Слушай! естли хочешь ужиться в мире со мной, вот договор: будь здорова, не хворай никогда, ешь, пей, веселись для себя, а играй для меня на клавирах. Вить ноты то кто взгораздил? Посмотри начало в *Violino primo*, где рука, ан и узнаешь, что та ж самая, которая теперь же начеркает. Прощай.

1776 года

Март<a> 10 дня

С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 38–39).

⁶⁵ [Котельников].

⁶⁶ По-видимому, речь идет об издании: [Журнал о военных действиях].

⁶⁷ П.Н. Трубецкой (1724–1791) — русский сенатор и литератор.

<20>

<после 10 марта 1776>⁶⁸

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Простите мне: я опоздал и для того уж прямо пишу, как ни попало. Теперь только Сеньке отдал я 20 рублей: и тот час остальные четыре рубли. Мальчик чешет хорошо. Вы изволите писать об ассигнации: я ее получил в свое время исправно. Письма ваши розданы. Красильникову принужден я был отсрочить на полгода. А Коретников приходил ко мне также об переписке векселя. Я чрезмерно виноват, что не успел написать по вашему приказанию к Алекс<андру> Алекс<еевичу> Вяземскому: намерение мое было избрать время праздное и написать получше: но не знаю, как случилось, что до сих пор не написал. Письмо другое, как вы изволите знать, будет произведено в дело. Однако немножко подождать. Мы здесь все, слава богу, здоровы: лагерь будет, и я уже считаю, что через 4 месяца мне можно будет, если вам угодно будет, приехать в Тверь; но это только лестное воображение. А Николай Федорович <Муравьев>, может быть, и скоро хочет у вас побывать. Захар Матвеевич <Муравьев> пришел теперь из корпуса и приписал бы, но время отнюдь не позволяет. Я был нынче на физической лекции и зашел на часок к <М.Е.> Головину. В другой раз постараюсь быть пообстоятельнее. Сделайте милость, батюшко, и меня не оставьте своим отеческим напоминанием, я с низжайшею преданностью, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко

ваш покорнейший слуга

Михайло Муравьев.

Милостивой Государь мой!
Алексей Минич <Муравьев>!

⁶⁸ В предыдущем письме упоминается просьба Красильникова, это дает основание предположить, что данное письмо было написано после 10 марта 1776 г.

Покорнейше приношу благодарение за напоминовение, которое меня весьма польстило. С своей стороны уверяю вас, что не менее и мое к вам усердие и почтение. Очень я доволен, что вы сестрицу журите: и как вы мне, так я вам жалуясь. Возьмите мое место в Твери и в мое имя погоняйте ее всякой раз, когда клавиорды целой день простоят без игранья.

Я остаюсь навсегда ваш покорнейший брат и слуга

Мих. Муравьев.

Сестрица. Слушай: Захар Матв<еевич> <Муравьев> не дает к тебе писать. Ты, сударыня, к Кат<ерине> Яковл<евне> <Бастидон> не пишешь. Ты на клавиорд<ах> не играешь. Ага! vous me craignez: je suis donc ni plus, ni moins, qu'un Censeur Romain. Вот каково! Ей! большие братья учитесь у меня, учить меньших сестер.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 40–40 об.).

<21>

<21.3.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Нынешний день получил я ваше, от 14 ч<исла> нынешняго месяца, письмо. Из прежних моих писем изволите увидеть, что с Елис<аветы> Абрамовны <Ганнибал (Пушкиной)> деньги взяты: с ними нарочно присылал Семен Степанович Неелов⁶⁹. Я прежде было писал о том и к Дмитрию Васильеву⁷⁰, однако это теперь напрасно. Что ж касается до Красильникова, то я никак не мог отговориться, чтобы не позволить переписать еще на полгода ста рублей остальных. Он вычел шесть рублей,

⁶⁹ С.С. Неелов (1714–1781) — инженер-полковник, занимался починкой морских гаваней и крепостей в Кронштадте, с 1774 — генерал-майор в отставке, муж А.А. Ганнибал (1741–1788).

⁷⁰ Видимо, Д.В. Камынин (1740–1807) — чиновник верхнего земского суда [Письма, с. 370].

данных Лукашке, и еще какая-то пять рублей на нас считает, будто бы им извощику заплаченных. Я пропустил одну почту и вину свою признаваю: был в то время на дежурстве и отпросился у порутчика на физическую лекцию, куда мы с Никитой Романовичем <Рожешниковым> ходили. Сей последний просил вас отписать, у вас ли медаль его или здесь оставлена; мы ее не находим. Иван Матвеевич <Муравьев> поехал в отпуск на 29 дней в деревню. Теперь следуют наши известия: капитан <С.А. Хотяинцев> наш еще не бывал, и мы уж и ждать перестали. Извольте представить: генваря в последних числах поехал он в отпуск на 29 дней, и вот теперь 21 марта. Ни писем к кому, ни в полку об отсрочке, ниже известия: нет ничего. Порутчик хочет, естьли он не подъедет, зачать с фоминой ружьем учить. А у нас поговаривают о кампании: одиннадцать полков получили приказания собраться под Красное село. И наша гвардия, вышед наперед, в обыкновенные свои лагеря в половине мая к назначенному сроку эволюции поступит туда же, и вообразить можно шуму, шуму. Генриха⁷¹ ожидают; эта новизна уж очень стара; однако, должно думать, сбудется. У нас заряжены пушки для радости <?>, про то говорят те, которые знают; а которые ждут, тем кажутся всякой час залпы. Третьяго дня целая школа слышала пушечные выстрелы; а далее спросишь, кроме Школы, никто не слышал. Я живу очень тихо; этому свидетель Петербург, которой меня не знает. Мих<аил> Федорович Соймонов не здоров: вот, кажется, все, что знаю. А Тверь сказывают не по нашему: мне ж лучше, что приеду, туда, где и Петербурга получше. А правду сказать, Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> очень и очень собирается в Тверь; Николай Федорович <Муравьев> туда же хочет ехать. А я про себя молчу. Простите, батюшка, моему бреду, и естьли он вам не противен, так и бредом быть перестает. У меня ныне Ульяна говеет, а с остальной

⁷¹ Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726–1802) — принц и военачальник Прусского королевства, младший брат Фридриха II. В 1776 г. приезжал в Россию; см. подробнее: [Шарф].

семьей на страшной буду. Сенька теперь просит 24 рублей. Я вам прежде писал, что корова не стельна; нынче опять мы передумали, и быть ей стельной. Вот сколько начеркала моя кружная голова. Как ни пиши; письмо не речи. Я теперь щастием почитаю, дожждаться того времени, когда руки своей в разговоре мешать не буду, а теперь бы и хотел, да нельзя. Впрочем, с искреннею моею преданностию, прошу вашего отеческого благословения. Я буду тогда и собою доволен, когда вам не противен, и прошу бога, чтобы мне можно было, пользоваться вашими любезными наставлениями.

Ваш, милостивой Государь батюшко, нижайший слуга

Михайло Муравьев.

Ну! Сударыня! вить это к вам сестрица, а что? вы это увидите. Не удивитесь ли вы медоточному моему слогу? нет право и не к чему. Лучше ли писать? Ну! сударыня вить это к вам... <!/> Нежели à la Tverskoï Ямской; *так теперь смутна, сердита, и не знаю что такое*. Нет право! нет ничего, что это *нет право*; не больно к стати; Татьяна Петровна, еще не позабыла Петербурщину. Ее когда письмо, так и знаешь: лист кругом, Торты, мороженые и т. д. сиречь и так далее (не остроумно ли едакое играние?) в Арифметической прогрессии. Из всего этого, поняли вы чтонибудь? И! Сударыня, вить это не дар писать ясно. А propos, quelque chose de Nicolas Alexandrovitz <Львов>: Vous me conseillez de chercher son amitié! Voilà de quoi il s'agit! je le savais bien sans vous; mais de le prier, qu'il m'aimât, qu'il me confiderat, comme son ami; voilà ce qu'il vous falloit faire. Adieu. petite ingrate. Vous pourriez être mon Avocat; vous ne l'avez pas été. Добро. А между тем поклон Алексею Миничу <Муравьеву>, я к нему в четверг буду писать. Voilà ce qu'il falloit faire: добро; а Авдотья Александровна <Львова> была ль в Твери? добро. Voilà, comme quoi vous m'aimez: vous ne me recommandez pas. Добро. Il faut que je vous gronde. Добро. Се добро est ici d'une énergie toute admirable. Добро adieu. Добро, vous crai-

gnez, que je vous gronde, je vous ai grondé adieu. Faites, que N.A. m'aime. Adieu.

1776 года

Марта 21 дня

С<анкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 42–43).

<22>

<28.3.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Ваше любезное, от 21 нынешняго месяца пущенное письмо, получил я с радостью. Нынче, понедельник страшной недели, и я говею; так как и про вас думаю. У нас все слава богу хорошо, и после продолжавшейся стужи, как и у вас, около недели оттепель, а от ней великая грязь, пуще же в полку. Захар Матвеевич <Муравьев> у меня, а что изволили упоминать про него, о том будет он к вам сам писать. Никита Романович <Рожешников> приносит свое почтение: он около Петрова дни ожидает перемены. Иван Матвеевич <Муравьев> в отпуску на 29 дней. Наш капитан <Хотяинцев> еще не бывал. Вот какой порядок в новостях! Третьяго дня, пришел сюда Устрецкой староста Гавр<и-ил> Ульянов, и его думаю сегодня отправить. Вы изволите легко себе представить, какое ето упражнение, хотеть делать то, чего не знаешь; и в етом-то я теперь случае пишу приказания, счета долгов и все едакое. С Красильникова, так как я вам писал и прежде, взял я только 200 рублей: и в добавок 24 рубли, вычитая те шесть, которыя задержал Лукашка. Сенькину мастеру заплатил я 20 рублей; а за остальными <нрзб> хотел после притти. Простите мне, что я позабыл ваше приказание о деле Татьяны Петровны. Я его зделаю; и как скоро успею, к вам отпишу. Что ж касается, по нашему долгу, то я не премину в Апреле об нем стараться. Сделайте милость батюшко и не оставьте меня никогда. Я прошу бога, чтоб он дал вам совершенное здравие и удовольствие. Мое только в том чтоб быть сколько ни будь достойну,

не заслужимой в веки, вашей милости. Василий Евдокимович <Адодуров>, свидетельствует свою благодарность и почтение. У нас говорят будто Гр<аф> Григор<ий> Александр<ович> <Потемкин> пожалован Князем, я не знаю каким. Впрочем, прося вашего родительского благословения, по гроб мой остаюсь,

Нижайшим слугою и сыном

Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! желаю тебе говеть благополучно, удовольствий дожидаться праздника. Когда дождешься его, вспомнишь и меня. По крайней мере вот так я думаю. Я здесь говею: брат Захар Матвеевич <Муравьев> у меня читает житие мученицы Варвары⁷². Это очень intéressant; а вот что еще и более: Христос воскрес. Дай красненькое яичко. Вить это письмо уж конечно придет к светлому воскресенью; а кто знает может быть, и в самый праздник. Так кто <нрзб> а я нет; вить и моя копейка не щербата. Ну теперь с Татьяной Петровной; будто я не знаю где раки зимуют. Ну теперя прощай.

1776 года

Марта 28 дня

С<анкт->Петербур<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 44–44 об.).

<23>

<4.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Поздравляю вас с светлым Христовым воскресеньем и приношу мою истинную благодарность за драгоценные мне знаки вашей милости. Я получил вчера ваше по почте посланное письмо и для того нынче по утру был на Васильевском острову, у Ивана Петровича Чадаева, которой и вручил мне вашу посылку. Он занемог на дороге лихорадкою, которая и теперь продолжа-

⁷² Очевидно, речь о Житии и страдании святой великомученицы Варвары.

ется, и для того думаю, что приехал он позже, нежели намерялся, ибо самый день приезда его сюда, был страшной неделей суббота. Из сего изволите заключить, что писем разнести на страшной неделе было мне не можно; а разнесу я их завтра. Простите мне, что я пропустил прошедшую почту: это был страшной четверг, в которой я сподобился причаститься святых тайн. Я имею некоторое право догадываться, что и вы тогда с сестрицей причащались; по крайней мере, подумал я это тогда. Я слышу от Ивана Петровича <Чаадаева>, что вы, слава богу, здоровы; дай бог! чтоб и ни которое письмо мое не застало вас нездоровыми. Я отнюдь милостей ваших достоин быть не могу; однако я все тот же, котораго вы любили сердечно. Правда, что и ленив, и легкомыслен; однако чувствующий добродетель, хотя и не исполняющий. Робок, уединен; я таков был всегда. Резов, говорун; но только с такими, которых не стыжуся. Сколько таких, перед которыми молчу? Вот начертание моего жития; а в нем найдете вы много знакомого. Не обмануться в своем характере очень трудно, и сколько бы ни хотел его разсматривать чистосердечно; все останется такое, что скрывается, а ежели и откроется, так признаться не хочется. Но я вдвое согрешу, естли укрываться буду перед вами; ведая и милости ваши, и знание сердца человеческого. Я хочу лучше предстать перед вами со всеми моими слабостями, нежели оскорбить ваше отеческое низхождение. Нет, батюшка, разточение не мой порок; разве же недостает, что не умею располагать с бережливостию. Я знаю наше состояние: каково вам тяжело видеть изнеможение свое, это я очень знаю. Равнодушие, с которым вы смотрели, на ежечасное разорение наших бедных пожитников (позвольте ли сказать отсутственному) было мне всегда удивительно. Жалость, которую я от того чувствовал, должна меня научить довольно, каковыя следствия быть могут, мотовства и пышности. Я лучше бы захотел, лишиться чегонибудь нужного, нежели доуками моими оскорбить ваши попечения. Не извольте думать, что бы у меня чего не доставало. Письма ваши получаю я все исправно: нынче же виделся с Николаем Александровичем Львовым, которой не-

давно приехал. С Юдиных надеюсь я скоро взять деньги: также и с Г. Кургановским снестись о том обстоятельно. У нас на самой праздник такой шел снег и мятьель, потом мороз, наконец сушая зима. В прошедшую среду приехал наш капитан <С.А. Хотяинцев>. С фоминой зачем ружьем учиться. Зах<ар> Матвеев<ич> <Муравьев> и Никита Ром<анович> <Рожешников> приносят вам покорнейшее почтение и благодарность за напоминание об них. Оканчивая письмо сие, желаю вам всякаго благополучия и здравия: прошу вас милость свою отеческую, никогда не отнимать у меня. Я тем утешаюсь в своем уединении, что вы всегда мою сторону возьмете и что любовь ваша не раздражится какими нибудь слабостями моими или неумышленными неосторожностями. Родительское ваше благословение составляет всегда и надеяние и утешение мое: я по гроб мой буду

ваш покорнейший слуга и сын Михайло Муравьев.

Ну!. Матушка, не дивись моим начертаниям, они довольно под твои подходят. Я теперь спешу: а ты, видно, и всегда спешишь. Avec Ivan Petrovitz <Чаадаев>, je vous enverrai livre <?>, detachée. А я что нибудь и про себя знаю; а тебе что нужды. Никита Романович <Рожешников> любит такие письма, в которых бы были загадки, и теперь обещается ко мне загадками нагружать свои послания из Сибири. А загадки вот такая: он пришлет ко мне описание Сибири⁷³. Так это и загадки. J'étois aujourd'hui chez NB. et j'ai reçu votre baiser. Каково было у вас на сердце vous séparer de la fille de Lusignan⁷⁴! Никита Романович <Рожешников> смотрит теперь в письмо мое, и в <нрзб> хохочет, что то внеслось в мое письмо, что он теперь говорил... Михайло Никитич! пожалуй.. и пошел гулять по горнице. Прощай. Татьяна Петровне поклон в три сажени.

1776 года Апреля 4 дня

С<анкт->П<етер>б<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 46–47).

⁷³ Очевидно, [Миллер].

⁷⁴ Это отсылка к «Заире» Вольтера.

<24>

<7.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

По приказанию вашему письма все разнесены, на первых днях праздника и, во первых, к Федору Яковлевичу Олсуфьеву, которой приказал вам засвидетельствовать свое почтение и хотел к вам писать особливо. Меня же уверял, что он всегда и во всем помогать мне не отречется и чтобы *адресовался к нему на дружеской ноге*, как он говорит, во всем чтобы могло мне понадобится. Князь Петр Алексеевич <Голицын> приказал также отписать свою благодарность, а что по письму вашему отдан долг меня не оставлять. Князь Александр Алексеевич Вяземской приказал вас благодарить. Михайло Федорович Соймонов был во все это время болен, и так я отдал письмо ваше для вручения Николаю Александровичу <Львову>. На другой день взял меня к нему Ник<олай> Алекс<андрович> <Львов> и он чувствительнейшими мне словами просил всегда к себе ходить. Я довольно не могу изъяснить, сколько он поступал со мною милостиво: тут я ужинал. Ник<олай> Александрович <Львов> много принимает участия во мне, а Михайло Федорович <Соймонов> хочет, чтоб все его друзья и знакомые были и ему друзьями. Василий Евдокимович <Адодуров> приказал засвидетельствовать свое почтение и звал меня на другой день обедать: где я нынче и обедал. Тут были Алекс<андр> Иванович Нарышкин⁷⁵, Милославской⁷⁶, Ст<ефан> Фед<орович> Ушаков⁷⁷ и проч. Анна Андреевна <Муравьева>, Александр Андреевич <Волков> приказали кланяться: также и Александр Федорович Талызин. Федор Михайлович <Колокольцев> при-

⁷⁵ А.И. Нарышкин (1735–1782) — государственный деятель, тайный советник.

⁷⁶ Ф.С. Милославский (1709–1783) — вице-адмирал, сенатор.

⁷⁷ С.Ф. Ушаков (1705 – после 17870) — военный, чиновник, агроном, автор работ по экономическим вопросам, адресат стихотворения А.П. Сумарокова «Ко Степану Федоровичу Ушакову».

казал кланяться и благодарить за письмо. У нас первый день праздника была великая мять и снег, а нынче дни получше и улицы, а особливо к солнцу, высушиваются. У нас капитан <С.А. Хотяинцев> 28 числа приехал, и с фоминой зачнется ученье ружьем. Вы уж может быть знаете, что Генрих на другой день праздника приехал: Григ<орий> Алекс<андрович> <Потемкин> пожалован Римским Князем и прусским орденом. Во вторник, сказывают, будет здесь на Театре Опера *Армида*, соч: здешняго Кол<ь>тел<л>ина⁷⁸.

Впрочем, препоручив себя в неотменную вашу родительскую милость, с нижайшею моею преданностью по гроб мой остаюсь, Милостивой Государь мой батюшко, ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Апреля 7 дня

С<анкт->П<етер>бург

Матушка Сестрица! дай бог, чтоб ты веселиохонька была и покакивала: я пишу без <чины?> для того, что дело праздничное. Из за Сенаторского стола, *presque assommé de trentre mêtis, les uns plus exquis, que les autres; cela fait, que l'on est je ne sais quoi. Faites, ma chere, que notre cher pere ne s'ennye pas, ni vous non plus. An<na> Andreevna <Muravyeva> m'a prié de vous conseiller, que vous tachiez de ne pas oublier votre Clavecin. Adieu. Ne m'oubliez pas ma chere! Nic. Alex. <Lvov> m'oblige infiniment: son amitié est ce qui me flatte le plus du monde. Vous savez s'il est aimable, et avec quelle ardeur il m'introduit chez M. Fed.⁷⁹. Adieu. Je verrai *Armide* ou non du moins, Nic. Alex. <Lvov> m'a fait présent de l'original italien <нрзб> opéra: je l'ai lu plus d'une fois et c'est un opéra des meilleurs. Да не скучай; а то я не буду*

⁷⁸ Марко Кольтеллини (1724–1777) — итальянский тенор, либреттист и издатель. С 1772 г. служил в Императорском театре в Санкт-Петербурге. Речь о сочинении: [Армида]. Переводчиком был И.А. Дмитриевский.

⁷⁹ Возможно, речь идет о М.Ф. Соймонове.

писать. *Заиру* я к тебе пришлю: *Алзира* есть у тебя: сделай, душинка, реестр книшкам, какая бы ты иметь хотела. Мармонтель есть у тебя: читай его. Étudier-le, pour l'élégance de la langue: elle est vous nécessaire: c'est peu de l'entendre, il faut s'y connoître et avec de la délicatesse. Vous savez bien plus que moi, que cette lecture, ne servira moins à former dans la langue que dans le goût de la société. C'est un avenyle qui vous guide; cependant, vous vous souviendrez de ceu.

Un fort quelque fois ouvre, un conseil salutaire. Adieu. Татьяна Петровна поклон с полупоклоном. <нрзб> батюшко сударь! завтра будет, ко мне от Каретникова⁸⁰ прикащик; а Юдиных⁸¹, ни самих, ни прикащиков здесь нет.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 48–49).

<25>

<11.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

С истинной моею радостью имел я щастие получить ваше последнее письмо, вчера, то есть в Фомино воскресенье, при котором также и Афанасья Матвеевича <Брянчанинова> приписку, которую изволили ко мне переслать. Это все послужило мне к великому обрадованию. Сергей Александрович <Хотяинцев>, которому я сказывал от вас почтение, просил засвидетельствовать оное же вам и от себя. Нынешний день у нас день ротоизчисления и измерения: вразумительнее сказать, по утру нынче происходила у нас ранжировка; а в 4 часа после обеда выдадут ружья. А завтра, естли не обманемся, зачнется ученье, и можно ли? что я не увижу оперы *Армады*, нашего петербургского стихотворца Г. Колтелиния. Николай Александрович <Львов> подарил мне ее италианский подлинник, и я бы очень искушаем был ее посмотреть, хотя только для того, что скольконибудь разумею. Но чего хочется, того не сбудется: и великое

⁸⁰ Возможно, А. Каретников — московский купец

⁸¹ Возможно, речь о петербургских купцах Юдиных.

утешение есть <?> у лакея потереться около дверей партерных. До этих пор можно разсудить из письма моего, что я не неприятель порядку и, зачав с оперы, кончу грязью. Уж это, конечно, так, что надобно ввернуть словцо другое о моем росте: извольте себе представить, не должно ли радоваться, когда кто успел до двух аршин, пяти вершков и семи осмых, так, как я? Этого ни топором не выскоблишь, для того только, что Головков наш записал. Оставив все эти скучные подробности, уведомляю вас, что Каретникова переписанной на другия шесть месяцев вексель вручен уже мне его прикащиком, которой обещался, по моей просьбе, прислать ко мне своего хозяина по приезде немедленно. А ежели он и замешкается, то я просил между тем прикащика подумать о скоплении 150 рублей. К Юдиным давно их здесь нет; а только жена старшего брата. Для того посылал я Ваньку нынче по утру и для того посылаю еще и после обеда. Деньги, извольте надеяться, что безопасны, лежат у меня в целости. Что ж касается до того, кто как принял из господ ваши письма, об этом уведомлял я вас письмом, прежде этого писанным. Надобно сказать вообще, что все отзывались очень хорошо, но никто лучше и благосклоннее Михайла Федоровича <Соймонова>, у которого я вчера и обедал. Он выздоравливает, и начинает проезжаться; однако не одет. Майоры оба ответствовали весьма благосклонно; а Федор Яковлевич <Олсуфьев> и отменно. Я признаюсь, что по моему роду жизни, иное в службе, то есть такой, как наша, кажется, и дико; но что делать, привыкать надобно, и никто в другаго не родился. Впрочем, я жив, здоров и весел и скажу щастлив, естли вы прикажете, естли милостей ваших от меня не отымите. Я хотел писать; но никак теперь четыре бьет; я вручаю себя в ваше вспоминование и прошу родительского благословения.

Ваш покорный сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Апреля 11 дня

С<анкт->Петербург

Сестрица! il est quatre heures: votre montre va-t-il bien: la mi-
enne retarde mais:

l'heure à present m'appelle au conseil, qui j'assemble

Le Cid. Scene 1. Acte 1⁸².

ваш très humble brat ММ

Вот сударыня! каково, и сложивши грамотку развернешь: би-
ло-то не четыре; а било три; так я и домой прибежал и теперь
прочел Волтерову *Пандору*⁸³. А прочетши, к вам еще напишу:
а налив ведро, слово молвила: *Уж ты и пр.* Отпиши сударыня
ко мне грамотку с чужой дольной стороны: да обстоятельную,
об чем я вас давно прошу! Что вы делаете, какая мысли, какая
разсуждения составляют вашу мораль. Каково вы наторели, си-
речь dans les manieres de la société, quels sont vos amusements, et
avec quelle disposition et quel gout, vous les digerez, pour ainsi, dire.
Добро, добро вить я заврюсь. Прощай же сестрица.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 50–51).

<26>

<18.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы и благополучны? Отдален будучи столь
далеко, мысли мои должны иногда беспокоиться. Вчерась пись-
ма от вас я не получил, и нынче не несут ко мне. Боже сохра-
ни, естли вы и не здоровы или иначе как нибудь опечалены.
О себе доношу, что я слава богу, жив и здоров. У нас в роте уче-
нье ружьем во всю Фомину неделю уже продолжалось. Сергей
Александрович <Хотяинцев> приказал мне приватно учиться
у Завороткова; что я и делаю. А куда меня определяют, того я

⁸² «Сид» (1636) — трагедия П. Корнеля.

⁸³ «Пандора» (1740) — опера Вольтера.

не знаю; плутоножных⁸⁴ кажется довольно, разве, что переменился, а в шеренгу я не поставлен, и не без оснований подумать можно, что я буду во все лето волонтером, присматриваться к строю. Нева наша прошла здесь 14 числа в 10 часу вечера. А 15 в шестом часу случилось наше несчастье, что великая княгиня <Наталя Алексеевна>, как вы уж может быть и слышали, представилась в родах⁸⁵. Того ж дня или, лучше сказать, и часа, Государыня с Павлом Петровичем изволили отъехать в Сарское село. И нынче в Школе видел я Манифест от 16 числа о смерти великой Княгини. Вчерась в обедни и поминали. Федор Яковлевич <Олсуфьев> приказал вчерась засвидетельствовать вам свое почтение; так как и Михайло Федорович Соймонов, у которого я вчерась ужинал. Должно признаться, что нынешнее мое упражнение с ружьем отвлекает меня несколько от моих надобностей так, что в прошедший четверг не успел и к вам писать. О муке своей сказывали мы и в лавках, и в лабазнях; но оттуда продают по 3 50 к. или около; а от нас хотят взять по 2 руб. по 50 коп. Наконец посылал я проводывать о бревнах: за четыре саженьные пятивершковые просят по тридцати копеек за бревно; за шести-вершковые тойже длины по 40 к. Они хотят принять от нас и муку естли угодно нам; принимая куль за 3 рубли ровно.

Я теперь принимаюсь писать в другой раз; затем, что после обеда был в школе, где я учился ружьем и наконец учил маршировать, хотя и сам не мастер, одного чухонского недоросля, аршина в три, Г. фон Фиттенгофа. Тут то я получил ваше письмо: простите мне батюшка, что я уж было и жаловался о не получении. Я очень несчастлив, что остался виноват я. Ваши милостивые наставления в оном драгоценны; и я думаю, что они тронут и не меня. Мне осталось просить бога, что он мне дал сил здаться их достойными. Берегу ли я ваши письма? Без сомнения.

⁸⁴ Плутоножный — отн. к плутонгу; плутонг — соответствующее взводу низшее подразделение в строю и в боевом порядке русской пехоты в XVIII в., введенное Петром I [Плутонг].

⁸⁵ Великая Княгиня Наталья Алексеевна, урожденная принцесса Августа Вильгельмина Луиза Гессен-Дармштадтская (1755–1776) — первая жена великого князя Павла Петровича; 15 апреля 1776 г. умерла при родах.

И когда вы изволите собирать мои несвязные письма, мало достойные той чести, как по причине их содержания, так и меня самого; можно ли чтоб я был так дерзок и безчувствен, чтобы не сохранять ваших. Единое средство, которое еще удостоивает меня ваших разговоров, уж и тем одним драгоценных, а наставлениями своими и свидетельствами милости уж и ни с чем не сравнительных я радуюсь, что вы здоровы и естли веселы, то я и во всем доволен. Сохрани, великий боже! чтобы когда мое письмо, застало вас, иначе как я желаю. О всем, что вы изволите спрашивать сим письмом, отвечал я прежде. Наконец прося ревностнейше бога, о вашем здравии и благополучии, навеки препоручаю себя в ваши отеческия милости и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко

ваш покорный сын и слуга Михайло Муравьев.

1776. Април<я> 18 д<ня>

С<анкт>-Петербург

Теперь-то, грамоту пишу к тебе, как видишь,

О ты, которая писулек ненавидишь!

Ты, ты сударыня от коей Аполлон,

Разстроенных клавир давно внимает тон;

Ну! видишь, я пишу, а у тебя Клавирь,

сиры,

Играй брат! а не то... так будь уж без Заиры.

А без Заиры друг, вить что и говорить?..

Но что за странный блеск я зрю из-под забора?

Силанс Мессью! вить я меж чистых Муз собора,

И вижу целое явление, из Азора,

За Клавикордами, о! чудо! Терпсихора,

(А Терпсихора кто? тебе сестрица быть)

Да где же Аполлон? <нрзб> бачка,

Негг Handke, антанде, василий-остров мачка,

Ну! ну! коль ето так Заире быть твоей;

При речи сей,

Уж то-то братцы, вся орда захопотала,

И Муз собор ревел: калинушку ломала.

Вот, сестрица, чтобы говорить с тобой немножко здравее, вот путалица⁸⁶ служиваго, для того чтобы занять бумагу и избежать вашего нарицания, будто я к вам писать не имею. Я загадываю, когда я пишу: это ваши слова. А вы отгадываете, когда пишете. Так мы и квиты: вы начинаете ко мне, *votre lettre*... позвольте мне оказать пробу моего остроумия, и весьма холодно пошутить над этим. Не так ли Вольтер к Сумар<око-ву> пишет: *Votre lettre et vos ouvrages*⁸⁷... Так вы отдаете честь моей скромности, что поверите мне, будто я покраснелся, когда увидел *Votre lettre*, думая, что последует, конечно, *vos ouvrages*, что, к стыду моему, не последовало. Я боюсь, чтоб вам не показалось, будто я наказывать бумагу умею безвинно: но я не тиран, для того что я ваш препрениж.<айший> слуга, *mais un frere qui vous aime*.

М. Mouravieff.

Татьяне Петровне поклон, пусть сама его разберет, а не увидит, сама виновата.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 52–53).

<27>

<21.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Любезное ваше письмо от 14 ч.<исла> сего месяца получил я исправно вчера и теперь на него отвечаю. Нынешний день праздник, однако праздник печальный. Я недавно пришел от Михайла Федоровича <Соймонова>, где я обедал: тут я видел объявление о переносе тела великия Княгини, что сделалось вчера, как сказывают, ночью. Траур будут носить

⁸⁶ Видимо, от *пута*, *путала* — кто путается в речах, запутано говорит; путлика [Даль, 3, с. 1422].

⁸⁷ Муравьев имел в виду письмо Вольтера к А.П. Сумарокову от 26 февраля 1769 г.: “Monsieur, votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le goût sont de tout pays”. О нем см.: [Люблинский, с. 40, 180, 195].

обыкновенной, а не глубокой, и то до пяти классов, в котором числе военные камзол и нижнее платье черные, на рукав флер и темляк трауерной. Государыня и с великим Князем <Павлом Петровичем> изволят жить в Сарском селе: и будут при погребении, того не известно, иные думают, что нет. Несчастное сие приключение огорчает все вообще своим влиянием. Многие из знатных господ приехали сюда из деревень или из Москвы, где они жили, для того только, чтоб быть при случае ожидаемого радости; и нечаянно зделались свидетелями горести. Выпуск монастырских девиц, долженствовавший быть великим украшением сего праздника, на время отложен, и нечаятельно, чтоб был уже так великолепно отправлен, как намеревались. Мне сказывал Игн<атий> Ант<онович> Тейлс, что у них положено было завтрашней день обедать и быть на бале у Кн<язя> Григ<ория> Григ<орьевича> Орлова, на другой день у Кн<язя> Григ<ория> Алекс<андровича> Потемкина, на третий день, то есть в воскресенье, ехать во дворе для благодарения Государыни. Но все уж не так пошло. Выпуск кадетов подобным образом: однако ж другие говорят, что Ив<ан> Ив<анович> Бецкой хочет произвести его в будущий четверг, то есть спустя неделю. Нет ничего утешнее, сказывают, как видеть прискорбие кадет третьего возраста, которым должно бы было нынешний самый день надеть мундиры.

Наш Петр Макарыч Мармылев привез сына записать в корпус и для него-то ходил к Тейлсу. Не ведаю, каким побытом Гералдия не известна о Мармылевых; и Тейлсу кажется, будто он уже наскучил своими безпрестанными рассказами о дальней езде, убытках и пр., чем он думает ускорить выпуск. У нас в полку, не смотря на сие несчастье, была нынче большая перемена унтер-офицерская. Да сказывают, что Государыня изволила вспомнить и о докладах Офицерских и будто они скоро выдут. В роте нашей продолжается экзерциция, и я ни вись какая штуки выметаю: естли б я себя не похвалил, так было бы накладно. Едак точно хвалю я себя в италянском языке как ни пришло, ломаю как попало: не далеко, вчерашний ве-

чер пришедши из Школы, Тасса в руки и ну читать, покуда целую книгу промахал. Что мне теперь не по нутру, так то, что в Академическую библиотеку сходить некогда. Нынче я, батюшко, и в немецких книгах великой резака: вчера заснул с Геллертом⁸⁸. Это уж великое достоинство! Сколько видал я таких в своей школе зимою, которые за Арифметиками спали. Однако здесь пора бы перестать хвастать, чтоб зачать дело, так я его и зачинаю. На нынешней неделе, в начале, ездил я к Десятильникову⁸⁹ и отдал ему протестовать вексель на Юдиных. Он, кажется, что имеет всякую добрую склонность служить вам, и сказывал, что он еще при отъезде вашем писал к ним о том и в многия другия обстоятельства. Они многократно хотели ехать сюда, однако путь их откладывался: наконец писали они, что в десять дней привезут сюда деньги к своему поверенному. Между тем вексель протестуется, и в субботу велел он присылать за ним. Я ж с моей стороны, прося бога, о неоцененном вашем здравии, заключаю себя, в неотменную вашу отеческую милость и остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшко!

ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев.

1776 года

Апреля 21 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! теперь напишу я к тебе очень мало, затем, что в последнем письме написал много, много для того, что все вздор. А теперь я не в духе вздорить. Затем что ищу *Заиры* и сыскать не могу. И для того желаю, о Государыня,

чтоб бурные чада Еоловы разогнали скорые,
хладные льды Бальтийския,

⁸⁸ Х.Ф. Геллерт (1715–1769) — немецкий писатель и философ.

⁸⁹ Речь идет либо о В. Десятильникове, петербургском купце и фабриканте, либо о А.В. Десятильникове, также петербургском купце.

чтоб принесли скоряй Зефиры дыхания,
От Англии к Неве летающая знания,
Потом, чтоб прежде всех приплывши корабли,
Бумаги воза два, к Вейтбрехту⁹⁰ привезли.

Я хорошохоныко поживаю; и чуть было не позабыл уведомить, что вчера корову с рук сжили. Семнатцать рублей взяли. Представь, прежде масленицы молока в рот взять нельзя, сено предорогое, а она же не стельна. За всем тем, как выше поминается, публичную ей продажу в мясном ряду учинили.

Хотели здесь играть Армиду и Алцесту;
Да кашель у певич,
Тимоша; говорят, вспрыгнул да брякнул ниц,
А мы, сударыня, горюй се, как по песту⁹¹.

Мое почтение Алексею Миничу <Муравьеву>, ежели он у вас. Восемьдесят две сажени поклонов большой руки, первого номеру⁹² Татьяне Петровне и пр. и пр. и пр.

и по обычном отпуске: челом бую
Уведомляя вас, что слышал соловьев,
Покорной ваш слуга Михайло Муравьев.
Ето уж так разумно, что из рук вон,
l'esprit qu'on veut avoir, chasse celui qu'on a.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 56–57).

⁹⁰ И.Я. Вейтбрехт (1744–1803) — немецкий и российский издатель, с 1765 г. — управляющий делами книжного магазина при Российской академии наук, с 1768 г. — владелец собственной типографии и книжной лавки на Невском проспекте, с 1775 г. — поставщик двора его императорского величества.

⁹¹ Пест — моровая язва, чума [Пест].

⁹² Данное слово залито сургучом, чтение предположительное.

<28>

<25.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Нынешняя почта не обрадовала еще меня: так я пишу к вам в половину весел. Дай бог! чтоб это происходило от лени почтаря. Я так привык всякое воскресенье ждать ваших писем, что теперя будто и не так что-то. Естли это от того, что ваше время может быть занято, так я еще не был несчастлив. А естли вы не здоровы... Но, может быть, не заменяете ли вы того письма в щет, которое я после прошедшаго воскресенья получил. Так я виноват. И очень виноват, что безперестанным повторением, может быть, и скучу. Мои письма, либо одинаково начинаются, либо кончаются одинаково. Нет, я думаю, такой нелепости, которой бы они не заделали. Однако вы их простите, вы, в котором даровал мне бог лучшаго отца в свете. Никто меня так не любил и не будет любить, как вы. Вы всех меня более знаете; вы принимали участие, когда я был робенок, в робяческих подробностях: когда я был ученик, вы такое принимали старание, будто вам было отвечать, а не мне. Слезы должны покатиться, когда представятся мне переводы, писанные вашею рукою. И когда это вспомню, так ничего более не ощущаю, как только негодование на себя, для чего я не лучше. Бог справедлив, и ежели не мной, так, конечно, другим чем наградит вас. Дай бог! чтоб сестра вам послужила утешением. Я не имею никакого достоинства, кроме сердца простаго и которое может любить, и, естли б я и похвалиться им мог, оно ваше. Вы имели то снисхождение, что я видел в вас отца, только по нежности. Никогда строгость не имела участия в ваших повелениях. Вы имели снисхождение, любя <нрзб> принимать веселой вид, когда горестное состояние сокрушало ваше сердце. Вы старались утешать нас. Милость ваша была столь велика, что всегда слушали мое болтанье, как нечто разумное. Самые мои глупыя упрямства поставляли вы за дело. Вы изволите знать,

что я не лгал. Может быть, письмо мое не связно и смешно; однако ощущения истинны. Не отрекитесь, по крайней мере, от этого и уверьтесь, что я вас прямо люблю. Я хотел бы здесь говорить за себя и тронуть вашу нежность: но душа моя нема. Ея умиления остаются внутри ея.

Вчера был я в Невском Монастыре у руки великой Княгини <Наталии Алексеевны>. Она лежит там в большей зале, увитой кругом черным. Кругом потолка увешены черные фестоны. Парадная постеля, золотая парчевая такая же сверх балдахин. У ног иеромонаха читает Евангелие. Офицер гвардии стоит на первой ступени у ручки, положенной на подушке. Ступени увиты малиновым бархатом. Генерал порутчики дежурят. Завтре будет погребенье.

Вексель Юдиных еще у Нотариуса.

Впрочем, прося бога о вашем драгоценном здравии, прошу родительского благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Апреля 25 дня

С<анкт->Петербург

<нрзб> Здравствуй, каково ты поживаешь? А я живу здорово. Будь весела: мне очень к стати тебя увещевать. А propos

Vous ne soupirez plus, pour ces lieux, si celebres,
Où l'on ne voit, n'entend, que des pompes funèbres.
Ne m'envierez vous plus, qu'étant à Petersbourg,
J'entendrai resonner les cloches à l'entour?
Et puis demandez-moi, comme quoi je me porte;
A-t-on le cerveau sain pour rimer de la forte?
<нрзб>

Ну! писал довольно: хоть и все вздор.

Le secret d'ennye, n'a pas toujours, qui veut

А ты, о Государыня, прощай

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 54–55).

<29>

<28.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Во вторник на нынешней неделе, то есть третьяго дня, приехал сюда присланной вами Дементий. Новой знак вашего милостиваго попечения о мне, за которое довольно вознаградить вас не умею. Признаюсь, что я был этим удивлен. Лишь только иду из школы, люди моих товарищей уведомляют меня на двор, что приехал ко мне человек из дому. Я только что мог дойти до крыльца и остановился. Какой человек? зачем приехал? вот были первые мои мысли. Мне бы можно было добежать до избы и решить свое любопытство вместо того, как стал на место, так и стою. Я был в тех мыслях, что это Лукашка. Между тем, мальчишка отворяет дверь, которая в отсутствие мое замыкается; я его не спрашиваю: он мне не рассказывает. Наконец род задумчивости, в котором я был, видно так был велик, что Гараска вокруг меня спрашивает: *конечно вы очень устали?* С другой стороны вслушался я в голос и в радости закричал: *не уж то это Демка?* а он еще только шел по двору, где с задняго крыльца не видно. Вот что делает разлука? Сколько я буду так щастлив, чтоб подать причину к такому же свиданью в Твери? однако уж и теперь стал я, кажется, ближе к вам, что и из вашей земли имею выходца. Сперва я должен был питаться воображениями; а теперь, когда захочу, имею полныя повествования. Нет ничего, что я не был у вас, уж я знаю, на которое крыльцо к вам входят: я могу распорядить расположение горниц, расскажу, как перегородено, и вдали, как будто мечтаются уже, палаты в девичей. Это шутка: однако чувствительнейшая моя благодарность ничего не потеряет от своей истинны. Нет ничего приятнее, как видеть, что помнят. Мы обязываемся бла-

годарностью нашим знакомым за одно пустое напоминание. Мы радуемся сердечно, когда получаем письма от друзей. Кольми паче, когда я ощущаю благодеяния нежнейшего родителя. Если бы простительно было и при них еще роптать; так это только в разсуждение малаго наблюдения собственных выгод. Я охотно бы хотел убавить вам от своих людей; а вы, между тем, убавляете их у себя. Правда, что Демка поможет мне здесь в стройке, однако лучше бы было мне терпеть нужду в чемнибудь, нежели вам.

Барку у нас разломали, и мы теперь ее перевозили. Демка говорит, что лесу на все будет мало, а барки дороги. Так не лучше ли купить сруб? однако мы еще ко всему применимся. На сих днях приходил один подрядчик и торговал у нас головы наших кокор⁹³: десяток давал наконец по 180 к. И его бы помогло нам: но он с тех пор не бывал. Вексель Юдиных уже протестован, и с протестом у меня, к Сеньке посылал я Демку и велел ему притти к себе: он уж чешет хорошо. А харчевые деньги как бы, кажется, не взять? Впрочем, это еще не ушло, и на будущей почте, может быть, обстоятельнее уведомлю. Сейчас чрез Федора Михайловича <Колокольцева> получил я письмо к вам от Петра Антоновича <Костливцева>; но как оно только содержит поздравление с новым годом, так я и не разсудил его к вам присылать. У нас в роте учатся, и я туда же. Капитан <С.А. Хотяинцев> хочет, чтоб я приватно выучился, и после бы видно остался. Дни у нас с три такая хорошая погода, что лучше нельзя.

Впрочем, засвидетельствовав, вам милостивой Государь мой батюшка, искреннейшее мое почтение, прошу продолжить навсегда ваши отеческия милости и остаюсь на век

Милостивой Государь мой батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Апреля 28 дня
С<анкт>-Петербург

⁹³ Кокор — бревно или брус с корневищем [Даль, т. 2, с. 340].

Ca venez à votre tour, сестрица! le debut est déjà fait et c'est déjà beaucoup; половина дел начало. Si je vous dis a present, un petit mot d'adieu, la lettre est faite. Da capo.

* * *

Первые три недели кавалеры носить должны черные суконные кафтаны с стамедною⁹⁴ подкладкою и четырьмя тем же сукном обшитыми пуговицами и петлями, а имянно: по одной вверху и по три у самого пояса, обшлага и карманы без пуговиц, манжеты батистовые или кисейные с широким рубцом, шпаги и пряжки черные или вороненые, чулки гарусные. А дамам носить русское платье или из гладкого черного сукна, на голове уборы черные, манжеты камортуковые с широким рубцом, пудриться никому не запрещается⁹⁵.

Ну! сударыня! воля твоя, переписывать скучно⁹⁶. А и весь то он будет три месяца. Глубокого 3 недели, 3 недели полегче, 6 недель и гораздо полегче. Да я думаю, уж вы теперь и знаете. Однако ослушаться было нельзя.

Наконец там много говорено: а кончится вот чем: Сие учреждение касается до первых пяти классов обоего пола персон. Впрочем, всем, кто б какого звания ни был, кроме военнослужащих, во время онога траура в обыкновенном черном платье ходить дозволяется⁹⁷.

Когда пройдут 3 недели; так мушны 5-ти классов носят суконные кафтаны с стамедною подкладкою, с шелковыми или гарусными пуговицами и петлями до поясу. Манжеты кисейные с бахромой, шпаги и пряжки синие, чулки черные шелковые. Когда эти три недели пройдут, так в последние 6 недель мушны носят шелковые подкладки. Первые 3 недели черные

⁹⁴ Стамед или стамет — грубая шерстяная ткань [Стамет].

⁹⁵ Это выписка из [Объявление].

⁹⁶ Следующая фраза зачеркнута: «Это траур вить для придворных».

⁹⁷ Выписка из указ. издания; см. примеч. № 95.

шелков<ые> чулки, пряжки шпаги обыкновенные, а в последние 3 недели чулки белые, кафтаны шелковые, а камзолы парчовые серебрян<ые>: буде кто хочет.

А о дамах вздумалось мне написать потому, что все принадлежит до пяти классных дам, а полковницы шестаго класса, а я тринадцатого. Ваш покорный брат М. Муравьев.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 58–59).

<30>

<5.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Вчера получил я ваше исполненное милости письмо: оно меня обрадовало, оно мне подало более, нежели радость. В них я нахожу неизменные ваши милые разговоры, всегда с собой влекущие ту же нежность, то же благоразумие, толь украшающие человечество. Сердце ваше не изчерпается: одно письмо кажется наполнено его чувствами, другое за ним следует, толь же утешающее, такую же кротостию текущее и тогда наставляющее, когда кажется, что беседует. Не отвратитесь, батюшка, от этих строк: не всякия похвалы возмущают смирение. А эти вам принадлежат затем, что и я вам принадлежу. Не только чтоб я стыдился воздать толь умеренныя; я прочел бы себе за добродетель самое их излишество. Но могут ли они быть во мне излишны? Бога, государя и отца, никому не можно возхвалить довольно. Сколь же более такого отца, как вы, которой сам снисходит до дружества, из благоразумия извиняет и более имеет попечение о сыне, нежели он сам о себе. Я заговорился: да полно, вы знаете, что это мой обычай. Я ходил нынче в физическую лекцию; однако ей не было для того, что наш Крафт, как сказывают, повредил себе руку и лице. Так я посидел у С.И. Антонова, которой и с женой вам кланяется. Крафт также в прошедший раз приказал вам кланяться. Он говорил тогда об огне и тут делали термометр: Сергей Герасимович Домашнев подарил мне Таблицу сравнения главнейших

термометров; я к нему хожу, и он довольно ласков. Простите мне, батюшка, что я не успел перебрать ваших старых писем: но будущую почту неотменно вас уведомлю. Мы сказывали о Картах и приходили кое-кто; один дает восемь, другой десять, более пятнадцати рублей никто еще не давал. Как изволите приказать? Завтре наконец <?> перевозимся мы с баркою; теперь днище возим. Приходили и подрядчики для строения: да просят дорого, уж полно и строится ли: в первом слове 60 руб. после 55. Как изволите приказать.

Я писал бы, да боюсь опоздать на почту. Желаю здоровья и благополучия вам и сестрице и бог мое желанье знает. Прося вашего благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшко!

ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Майя 5 чис<ла>

С<анкт->Петербург

Сестрица! вы жалуетесь, что я пишу мало; и чтоб вас удольствовать, нынешний раз пишу меньше всех. Поздравляю с рождением в запас будущую почту, не то будет: а что?

Il n'en sort souvent
Que du vent.

А чтоб вас поцыганить: вы ко мне из *Федры*⁹⁸. Я к вам из ней же:

Увидела его, уже стыдилась зря
И ах! бледнела вдруг, стыдом еще горя.
Возстал мятеж в моей душе оторопленной,
Не стали очи зреть, язык в устах был пленной

⁹⁸ «Федра» — трагедия Ж. Расина, премьера состоялась в 1677 г.

Почувствовала жар и вкупе трепет я,
 Познала мать любви, познала зной ея.
 Не избежимый код семье котору гонит и пр.
 (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 60–61).

<31>

<8.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!

Это письмо писал я еще в прошедший четверг, да по нещастию послано было поздно; и для того прошедшую почту и писем не было от меня; в чем покорно прошу меня простить. Я все, слава богу, жив и здоров. Хожу всякой день в школу свою, что, я думаю, недолго продолжаться еще будет. Барку свою мы почти перевезли. Сен<ь>ка убирал меня вчера, то есть 1 мая: убирает он хорошо. Да только сшить шиньону, локонов говорит, что не умеет, и для того дал я ему времени на неделю. Хорошо бы естли б сестрица прислала образец волос, есть ли надобен ей шиньон, локоны, так он бы вместо ученья их и зделал. Впрочем, я перегожу эту неделю, а после к вам и пошлю. Я хотел бы и много писать, да время итти в свою школу, куда хотя меня и не обязывают ходить, однако, как уж другие ходят, так кажется и мне надобно. Я желаю всегдашняго продолжения вашего драгоценнаго здравия и, прося родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
 ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Мая 8 ч<исла>

С<анкт>-Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 62 об.).

<32>

<9.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Желаю от сердца моего вам здравствовать; я жив и здоров. Поздравляю усерднейше с рождением сестрицы, которое уж не застанет письмо сие. В благополучии желаю вам его препроводить, а я приготовляюсь с лучшею радостью его дожидаться и праздновать один. У нас уж поговаривают, будто и театр скоро будет: однако Государыня еще в Сарском селе. Челобитну нашел я в бумагах только ту, которою Петр Петрович подал о разделе с матушкою и тетушкой Елисаветой Петровной, вообще, впрочем, поищу я еще. Нынче часа три разбирал я, однако еще не очень вникнул. Вы изволили писать ко мне в прошедшем письме о вояжированье; не позволите ли мне попроситься в курьеры иностранной коллегии. А это делается через Остермана⁹⁹: он берет без всякого разбора, только бы просьба шла из хороших рук. Естли вам это угодно, так бы я посоветовался с капитаном <С.А. Хотьянцевым>. Госп<одина> майора Шица¹⁰⁰ видел я, покорно благодарствую за записочку. У Мих<аила> Фед<оровича> Соймонова теперь печаль: Настасья Федоровна <Муравьева> при смерти и не надеется, чтоб она прожила нынешнюю ночь. Дай Господи, чтоб только вы и сестрица совершенно были здоровы. Это моя радость и утешение, и, естли он на меня не прогневается, так вас сохранит. Я препоручаю себя навеки в вашу отеческую милость и остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

⁹⁹ И.А. Остерман (1725–1811) — русский государственный деятель, с 1775 г. — второй член Коллегии иностранных дел и вице-канцлер.

¹⁰⁰ Возможно, И.И. Шиц (ум. 1828) — русский офицер, герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор.

Мая 9 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! здравствуй в новой год! будь здорова, веселись и вспомни меня, когда будешь весела, а помни всегда; так не будешь скучна. Consolez-vous, consolez notre cher pere. On est content, quand on est sage. Nicol. Alex. <Львов> нынче именинник. Я только что от него. Видишь, матушка, что я слова своего не очень господин. Писать обещал горы: вышла мышь.

<нрзб>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 63–63 об.).

<33>

<16.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы и здорова ли сестрица? Я от вас ету почту не получил писем. Дай бог! чтоб вы были здоровы всегда и чтоб я был всегда достоин сей вести. Сколько я щастлив, естли письма мои вами ожидаются! Признаюсь, что я прошедшую почту сам писать не успел; но это было рождение сестрицыно. Каким образом изволили вы его проводить? весело ли было у вас? Мы кое как праздновали. Вчера был я у советницы Анны Петровны¹⁰¹ с братом и с Никитой Романовичем <Рожешниковым>. Она меня недели две просила, и я счел за надобное посетить ее. Вся ее нужда в том, чтоб уведомиться об вас и чтоб взял я у ней письмо к вам. Это еще отложено на будущий понедельник. Она очень желает знать о сестрице. Я, помнится, и об отъезде Елис<аветы> Христофор<овны> к вам не писал: она нарочно заходила ко мне проститься и вам свой поклон отписать просила. Она это время служила у Федора Михайловича Колокольцова. В доме Михайла Федоровича <Соймонова> совершилось наконец это несчастье,

¹⁰¹ Видимо, А.П. Шеншина (в замужестве Охотникова) — жена Я.А. Охотникова.

что в понедельник на ночь Настасья Федоровна <Муравьева> скончалась и в пятницу погребена в Невском. Мих<аил> Федор<ович> на три месяца взял увольнение и будет жить на Мызе; он любил покойницу очень, как вы изволите сами знать, и будучи еще сам не очень здоров этим весьма трогается. Никому не дано прожить века без печали: но естлиб это было в моей воле, я бы желал от сердца лучшего счастья толь доброму человеку. Ник<ита> Ром<анович> <Рожешников> думает, что через этот отпуск и их выпуск умедлится, чего еще, однако, угадать невозможно. От Петра Антоновича <Костливцева> получил я письмо на ваше имя через Василья Яковлевича <Чичагова>; но как оно содержит одно только обычное, то я не разсудил его посылать. Он еще не знает, что вы в Твери, и спрашивает у вас, получали ли вы провиант из Адмиралтейства, которой будто Прасковья Матвеевна, отъезжаячи, вам поручила принимать. О Юдине посылал я еще справливаться, и Нотариус уверяет, что он перевел сюда 1500 рублей, в котором числе и уплата по нашему векселю включена. Он обещался сам в скорости приехать ко мне с подробным известием, однако еще не был. Я нынче посылаю еще к нему. Что касается до строенья, мы еще строиться не зачали: так дорого, как изволили сами видеть из моего письма, за работу только просят 60 рублей. Барка наша уж давно перевезена; однако ее на все не станет. А под Невским Демка всправлялся, там тес очень дорог: сотня пять рублей с полтиной. А драни¹⁰² тысяча 3 рубли с полтиной. Демка думает, что из барки, и с подмогою старого, все бани не выдет; а лесу пригонного еще нет; следовательно, и прицениваться нельзя. О каретах что изволите приказать? последний раз давали нам 15 рублей за обе. Нынче и почти только теперь был у меня Жуков и просил меня вам засвидетельствовать свое почтение. О себе доношу, что я, слава богу, жив и здоров и желаю только знать о вашем здравии.

¹⁰² «Дрань — колотые сосновые дощечки в сажень длины, для кровель; они прочнее и дешевле теса <...>» [Даль, т. 1, стлб. 1220].

Впрочем, прося вас нижайше, не лишить меня вашей драгоценной милости, остаюсь по гроб мой
 Милостивой Государь батюшко!
 ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Мая 16 д<ня>

С<анкт->Петербург

Ну, матушка сестрица! прости мне, что я зачал с лошадиного слова. Вить ты знаешь каков я не уклюж. Напиши матушка, строчку, здорова ли ты: да не так через чур прытко, мне по тише, обстоятельно, подробно, что ты делала. А мне писать некогда, как ты хочешь. Здравствуй. 16–17 Figure mystique. Hieroglyphe, ce que vous voulez. Mais prenez vous à coeur, mon interet; faites que je puisse voyager un peu, comme ça un mois en Allemagne et c'est assez pour moi, je reviendrai, chez vous vous raconter mille choses, que j'ai vu, <нрзб> les choses que je n'ai pas vu, cela s'entend. Je lis a present, les auteurs Allemands, Guesner¹⁰³, un auteur admirable. Que je voudrois, que vous liriez aussi. Adieu.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 65–66).

<34>

<19.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Ваше любезное и сладчайшими знаками милости наполненное письмо от 11 сего месяца получил я исправно. Естли я в глазах ваших остаюсь тот же, каковым воображала меня ваши снисходительная нежность, так мое удовольствие совершенно. Я с несказанною радостью приму на себя те достоинства, которых я в себе не примечаю, но которые вам угодно видеть во мне. Потому что первое мое достоинство быть вам угодну. Мое бытие

¹⁰³ Видимо, С. Гесснер (1730–1788) — швейцарский поэт, автор знаменитых идиллий.

оживляется этим тщеславием: всегдашнее воспоминание вашего отсутствия, оно приводит мне всегда ваши последние слова, ваш отъезд, и когда я это вздумаю — я вижу с негодованием на себя, сколько мне остается заслужить милости столь редких и столь истинную нежность. — Я нынешний день с восьми часов не был дома, только что успел заехать отобедать. Петр Макар<ович> Мармылев уехал в деревню по своим нуждам и просил меня представить сына своего в приеме в Корпус. Для того прохлопотал я нынче об этом. По утру, хоть и прождали до первого часу, однако не успели и для того ездили в другую во втором часу туда же и наконец по долгих церемониях приняли по счастью. Очень много хороших мальчиков не принимали: между прочими проводили одного унтер-офицера нашего полку. Семен Степанович Неелов¹⁰⁴ также отдал своего сына. За кареты, как и прежде, так и самый нынешний день, <нрзб> дают 15 рубл., как будто сговорившись. Они покупают в лом: так карета дядюшкина еще более стоит, потому что более имеет железа. Вчера купили мы корову за 4 рубля с четвертью. Нам показалось, что на молоко более издержим по мелочи, нежели вдруг: это ж и столу моему зделает подмогу. О Юдине нотариус говорит, что деньги присланы, однако все хочет поговорить с купцом, к кому прислано, и не говорит, все завтра велит приходить. Из этого не выльется ничего более, как приступить к делу; что я думаю и зачать завтра! В физике проходят у нас о Электрической силе; столь основательно, как и приятно. Из библиотеки Академ<ии> продолжаю я брать книги, как и прежде. Если можно, батюшка, так извольте подумать, о том, что я прежде к вам писал, не могу ль я до августа месяца, от иностранной коллегии куданибудь съездить. Впрочем, все предаю на вашу волю. О Татьяне Петровне справка к вам прежде посла-

¹⁰⁴ С.С. Неелов (1714–1781) — генерал-майор, инженер, занимался, в частности, межеванием земель в Новгородской губернии, постройкой морских гаваней и крепостей в Кронштадте. У Неелова было два сына — Павел (1767–1818) и Петр (р. 1770), о ком из них далее говорит Муравьев, неясно.

на. Наконец, перепоручая себя в ваши родительския милости,
с истинною любовию, остаюсь навек

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Мая 19 дня

С<анкт->Петербург

То-то хорошо, сестрица! в доброй час, погоняй, не стой: нет ничего лучше, как ездить, а особливо в гости, а пуще к кому хочешь. У меня и бог знает когда лежит и в переплете *principes du Clavecin par Marpourg*¹⁰⁵, скажи как переслать? а я весьма важную особу отправляя днесь avec toute l'autorité, dont je suis capable. Не знаю где я слыхал, что à peu pres <нрзб> едак:

Ecrivez amplement, si vous savez le faire
Si non; hâtes-vous de vous faire,

И мы так зделаем: но наш поклон заране,

Об ручку домовне,
Татьяне
Петровне

Список с Патента.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Никиту Муравьева, которой нам, Статским Советником служил, за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность в наши действительныя статския Советники, в ранг сухопутного Генерал Майора 1768 года Генваря 29 дня всемилостивейше пожалован и проч.

дан Апр<еля> 10 дня 1774 года

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 67–68).

¹⁰⁵ [Marpurg].

<35>

<23.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Простите мне, что я нынче мало напишу: я этому виною. У нас праздник: так я позазевался. Я, слава богу, жив и здоров и желаю одних ваших писем. Вчерась продали мы карету дядюшкину за семь рублей с полтиной. Деньги взял Захар Матвеевич <Муравьев>. Дело Юдина я не знаю, как пойдет: нотариус делал нам надежду, однако, кажется, напрасно. Когда бы присланы были деньги, не долг ли бы велел комиссионеру самому меня сыскать? Последнее его слово есть то: делайте, что хотите. Стряпчий Марк-а Федоровича <Полторацкого> справлялся об нем. Здесь их никого нет: а они в Москве с вином. Дом на пять лет в наймах, и он советует просить в Москве, а здесь будет медленно. Хорошо бы было, по его мнению, попросить Графа Толстова¹⁰⁶. Федор Яковлевич Олсуфьев спрашивал нынче об вас и приказал кланяться. С сим письмом присылаю я письмо от Советницы Анны Петровны. У меня еще есть одно от неизвестного к Татьяне Петровне, но его на будущей почте пришлю. Я нынче не получал ваших писем, и я сомневаюсь, здоровы ли вы.

Зделайте милость и для вашего родительского обо мне попечения, не для меня, любите меня и позвольте мне всегда с нижайшею моею преданностью истинно быть

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Мая 23 дня

С<анкт->Петербург

¹⁰⁶ В.И. Толстой (ум. 1785) — граф, до 1771 г. — московский обер-полицмейстер [Письма, с. 208].

Ma chere! Excusez, je ne vous écrivez, que ce que je suis votre fidèle frère etc... mais m'aimez vous etes vous en bonne sante? vous ne m'écrivez pas; du moins je n'ai pas reçu de vos nouvelles. Adieu... Прости сударыня! что я письмо Татьяны Петровны вкорнал только для того, чтоб привести в свой формат. А оно было d'une grosse à faire peur, avec une signature de plus épaisse avec une inscription, que... mais je ne suis pas болтун. Assurez des respects, ma très aimable nièce. Car comment voudriez-vous; que j'achève <нрзб> (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 69–69 об.).

<36>

<26.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Вчера получил ваше любезное письмо от 19 <числа> сего месяца. Из него вижу я, что долго не получу ваших писем; это меня оскорбляет. Не буду более уведомлен о вашем здоровье и буду кажется еще далее отлучен. Обо мне не извольте беспокоится: я, слава богу, жив и здоров. Наша рота вышла на Парадное место, а моя должность есть насматриваться. Наконец имею вас уведомить, что с вчерашняго числа зачал я строиться. Весь план нашей перестройки состоит только в том, что изба перенесется на улицу в линию; что может годиться из старого, то тут положится, прочее из барошнаго лесу. Кухня к ней подвинется; место, которое останется между кухней и конюшней, займется погребом. Крышка на всех службах перекроется, что можно из старого, что ж не достанет, то и прикупится. Сарай починится. За это все, каково они ни есть, подрядили мы 30 рублей и куль муки. Вчерашний день употреблен был на ломку; нынче заложено основание. Ал<ексей> Вас<ильевич> Казначеев, по милости своей, ссудил ломом и лопаткой. Таким образом думаем, что с неделю места, в етом прохлопочем. Что ж касается до векселя Юдиных; то это опять наше нещастие. Все советует лучше просить в Москве; отсюда из Магистрата хотя и пошлют туда, однако, как место подчиненное, понуждать не может. Не худо бы,

когда б хоть Лукашка это мог сделать, нотариус обнадеживает; авось либо сами будут сюда, недавно де были деньги пересланы для zapлаты долгу; так может быть и на этот пришет. Он уверяет, что к ним об этом часто пишет; но ответу нет. И сам удивляется: да как и не дивиться едакому поступку?

Я не знаю, застанет ли вас это письмо в Твери. Я бы стал писать и не в Тверь, да не знаю куда. Писем разных для раздачи, между которыми и к Наместнику <Сиверсу>, я еще не получил; но для того нынче посылаю Ваньку справиться на Ямскую почту об них и к Якову Ефимовичу <Сиверсу> на двор об приезде его. В городе у нас ничего не слышно, потому что я ничего не слышу.

Впрочем, принося мое нижайшее благодарение за ваши ко мне отеческия милости, прошу вашего родительскаго благословения и остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Мая 26 дня
С<анкт->Петербург

Матушка, душенка сестрица! видишь, как я ласков. Я хочу нынче писать к вам благоразумно. Vous partez; je pars aussi, mais на Парадное место. A propos de *mais* vous y excellent; je veux dire ce, mais avec des points etc p. ex. comme-ca (je copie d'après votre original) qu'y¹⁰⁷ manque quelque chose (теперь remarquez) mais ... ну и так etc. Or a ce propos, il est bon que vous sachiez que Virgile; a été un grand maitre en cette figure, qu'on appelle ... Eclipse omission, reticence etc. C'est ainsi, qu'il introduit Neptune, qui gronde les vents pour d'avoir osé douleur les flots, dans la tempête qu'essaye Enée. Liv. I. u. 3 g. Voulez-vous que je cite le latin?

¹⁰⁷ Под этим словом Муравьев добавил: «у вместо *ib*».

Malheureux! qui vous fit espérer cette audace?
 Croyez-vous donc troubler et la terre et les cieux,
 Et soulevez les flots, malgré moi, soys mes yeux.
 Il faut donc, que je vous... mais doutons la tempête.

Пardonnez ce galimathias au frer humble rimeur которому пора,
 на парадное место, чтобы капитан не закричал:

То я вас... только дай мне волны успокоить

Вот, сударыня, как я нынче благоразумно и для того не дивитесь, что я нарочно подтверждаю, что это благоразумно. *Jamais cette precaution n'était mieux de saison*

Запросы

I. Поймете ли этот вздор?

II. Поминут ли меня?

III. Играете ли на клавирах?

IV. Читаете ли Мармонтеля?

V. Всегда ли веселы?

VI. Кланяетесь ли Татьяне Петровне, к которой здесь и письмо, от братца или от сестрицы, а может быть и от сватьи, купно прилагаю. Но при конце письма публично заявляю, что с именами усердно поздравляю.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 71–72).

<37>

<конец мая 1776 г.>¹⁰⁸

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Вчераś получил я ваше любезное письмо; от 8 сего месяца, вы изволите писать, чтоб я старался здесь по Юдинскому век-

¹⁰⁸ Датируется приблизительно концом мая 1776 г., в письме упоминается «патент», который ранее приводился в <34>, следовательно, письмо было написано не ранее 19 мая 1776 г.

селю; но я и при подаче векселя в Магистрат просил, чтоб приступили к взысканию. Секретарь ответствовал, что не можно, потому что он в Москве. Итак, я по прежнему вашему приказанию прилагаю при сем Промеморию в Московской Магистрат. Вы ее хотели послать, к Анисиму Титовичу¹⁰⁹. Ето бы, кажется, могло иметь свой успех. Ник<ита> Борис<ович> Пучков¹¹⁰ в Магистрат не ездит. А запрещение на имение Юдина послано в Юстиц Контору. Сеньку намерились было мы нынешний день отправить, подводы готовы, час положон; да не знаю, как то разошлось. Так теперь уж он будет завтра в четвертом часу, вместе с Курбатовым, человеком, которой едет в Москву. С ямщика и задаток взят: сговорились за три рубли и осмину овса. Я в прежнем письме писал, что вексель от Попова и Конева¹¹¹ принес ко мне Докучаев¹¹², и я ему выдал прежний. Новой написан в 465, 84 к., на двенадцать месяцев. Они уже зачли 7 рублей, которые даны Лукашке. Вы изволите писать, чтоб прислал список с Патента, мне очень дивно, что вы не изволили прежде получить¹¹³. Как скоро вы изволили отписать ко мне в первой раз, так я на первой же почте списал. Однако и здесь сообщаю.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Никиту Муравьева, которой нам, Статским Советником служил, за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность в Наши действительныя статския Советники, в ранг сухопутнаго генерал майора 1768 года генваря 29 дня всемилостивейше пожаловали и учредили; проч.

Мне кажется, что тут списывать не нужно.

Дан в Санкт Петербурге Апреля 10 дня 1774 года.

Что касается, до цыдулки, присланной из *Энциклопедии*, то я написал перевод ее на другой стороне.

¹⁰⁹ А.Т. Князев (1722–1798) — русский геральдист и генеалог.

¹¹⁰ Н.Б. Пучков — петербургский купец.

¹¹¹ См.: Письма, с. 281, 288.

¹¹² Возможно, М.Р. Докучаев — петербургский купец [Письма, с. 366].

¹¹³ См. письмо <34>.

Простите мне батюшка! мне теперь писать некогда потому, что надобно Пашпорт готовить Венъке. Я препоручаю себя родительской вашей милости и на век остаюсь

ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Зах<ару> Матвеевичу <Муравьеву> теперь известно от генерал аудитора, что он будет к Петрову дню офицером; только, что он не знает, где денег взять: а денег нет ничего.

Сестрица, я бы право писал, да по <тону?> моего письма заключить удобно, что, право, мне писать теперя не способно.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 73–73 об.).

<38>

<6.6.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Вчерашний день получил я ваше любезное письмо от 31 числа прошедшаго месяца. Радуюсь, что вы, слава богу, здоровы и веселы были. Я никак еще не считал вас возвратившихся. О себе доношу, что я, по божьей милости, жив и здоров. Перестройка приходит почти к концу: крышка покрыта, и нынешний день становят забор. Она стояла чего-нибудь: за одни печки просят у нас 5 рубл. с лишком, и это не в первом слове, для того, что запросили семи. Тес один стоил 660 к., короры все перевели, одни головы остались. Письма к Наместнику <Сиверсу> и прочим я уже тому неделю все разнес, так как прежде о том писал. Я думаю, что письма мои доходят, так вы уже изволите знать ответ его. А имянно, что теперь скоро нельзя, а разве со временем. Что касается до вояжированья, это дурачество было, на котором было дни с два, чуть что не спятил. Просить сурьёзно я не вижу довольно пути. Что касается до Юдинскаго векселя, так я нынешний день виноват, что пропустил. Я думаю, что надобно челобитная, и для того посылал за стряпчим М.Ф. Полтарацкого,

а он не прежде пришел, как только теперя, и рассказал мне, что тут только судом выиграть стоит, а Президент, сказывают, был болен и теперь еще не выезжает, да и совсем хочет далее от Магистрату¹¹⁴. Дай бог! чтоб это дело мог я свершить благополучно. В начале августа прикажите мне к себе приехать? А Сеньку, естли изволите, так в начале будущей недели пошлю. Он делал ток, я еще не знаю какая-то, которая он к себе <нрзб> из <нрзб>. Восьмое желание в том, чтоб вы были здоровы и благополучны: я уверен, что милости ваши родительския всегда на мне останутся. Я прошу, чтоб быть скорей у вас.

Впрочем, прося вашего родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 6 дня

С<анкт->Петербург

Ma chere soeur! c'est votre place ordinaire ici. Dequoi, voudriez-vous, que je vous ecrive? dites-dons. Je vous satisferai. Est-ce des promenades? Hier j'ai fait quinze tours complets dans le jardin d'été, parmi des legions des anges noirs. Y voudriez-vous être? Bon, est ce la peine de demander? Voulez-vous entendre parler des Comedies. Pardonnez: il n'y en a pas, si non au carousel et au theatre allemand. Par malheur je n'ai pas visité ni l'un, ni l'autre. Faut-il que je vous parle des demoiselles de l'Academie? Ah! мадам Ла Фон¹¹⁵ приказала нам любить наших родных. En voila tout ce que je sais. Voulez-vous, que je vous fasse voir la Theorie de l'Electricité? Oh!

¹¹⁴ По-видимому, речь о Главном магистрате; его президентом в 1776 г. был Н.Б. Самойлов (1718–1791), позднее сенатор и обер-прокурор Сената; был женат на сестре Г.А. Потемкина.

¹¹⁵ Видимо, С.И. де Лафон (1717–1797) — начальница Смольного института благородных девиц (1764–1797), статс-дама императорского двора.

<нрзб>! j'en ai des nouvelles, et des plus nouvelles. Quel sujet à briller pour moi: vous entendrez des choses. Oh! prerarez-vous: l'équilibre de l'Aether le feu élémentaire, le tonnerre, l'éclair, le célèbre Euler¹¹⁶: tout enfin c'est beaucoup: c'est pourquoi.

Prens la foudre. Louis est va comme Lion, par pitié pour vous, je ne ferai pas tant de traces. Je dirai, je dirai seulement, que par respect... je me sais etc.

La Mollesse a ces mots sent sa langue glacer. Ежели не обманываюсь, так завтряншего числа, отправится в Тверь Курьером, брат его светлости <нрзб> с Берлинским музыкантом Марпур<г>ом¹¹⁷; так я думаю с ними писать.

Татьяне Петровне una grandissima riverenza <нрзб> <нрзб>.

Ahi! fra pagana gente,

Il giovinetto errante or si ritrova¹¹⁸.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 74–75).

<39>

<7.6.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Я прошедшую почту не успел к вам писать, а между тем, получил много писем от вас. Я очень удивляюсь, что Сенька еще не приехал; человек Семена Савича <Муравьева>, едучи сюда, повстречался с ним за Новгородом. Я не знаю, ведаете ль вы теперь о том, что я дал 11 рублей с лишком Захару Матвеевичу <Муравьеву>, и покажется ль вам сие. Мне очень было известно, сколько мы недостаточны, но его сущая нужда принудила меня к этой смелости. По крайней мере, я обещаюсь до возвращения моего достать сии деньги. Прошедшее воскресенье был я у на-

¹¹⁶ Л. Эйлер (1707–1783) — известный физик и математик, с 1766 г. — академик Российской академии наук.

¹¹⁷ См. письмо <34>.

¹¹⁸ Цитата из восьмой песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо [Tasso, 287].

местника <Сиверса>, он спрашивал о вашем здоровье и сказывал еще тогда, что в Твери траура не побоялись, и был 28 маскорад в Магистратском доме. Помнится, после того, как я пошел, он обратился ко мне и просил вас и сестрице засвидетельствовать свое почтение. Письма, которые изволили прислать для подачи майору <Ф.Я. Олсуфьеву> и капитану <С.Я. Хотяинцеву>, я еще не отдавал и думаю, естли позволите, подать их за несколько времени перед моим отъездом. Сколько благодарю я вас, батюшка, за ваше милостивое попечение обо мне. Это будущее путешествие в Москву сделало меня вне себя от радости. За целую неделю перед этим вселилось в меня сие самое желание. Мне очень хочется увидеть Василия Ивановича <Майкова>, и будто уж вы знаете мое желание, вы сами изволите писать, чтоб я туда ехал. Дай бог! чтоб вы были здоровы и так же милостивы ко мне; я с моей стороны здоров и весел, для чего я здесь ничего не выдал. На это я бессловен: видно, что обленился, однако кажется, что сделаю, но так как вы изволите знать, то то, то другое, так и ничего не видно. Также и чтение мне мешает. А особливо, чтоб самому чтонибудь писать, конечно, надобно знание, однако больше чтонибудь природное. Без этого все письмо будет труд, да и такой, который в глаза метаться будет. Нынче по случаю зашел я в Академию художеств, и там невзначайно увиделся с Вейдемейером¹¹⁹, которой, семь лет не видавшись, сам узнал меня, что чересчур меня удивило. Мне казалось, что кто меня знал в Москве, тому никак узнать меня теперь не можно, однако этому вижу противное. Тут пристал к нам один из воспитанников, которой водил нас по Академии и просил нас к себе наверх. И там где нас не водил! Все их жилища, залы, где кушают, кухни, хлебные. Во все такой особенной порядок, которого не можно лучше желать. В кухне проведенная нарочно вода. Где живут они, особенные уборные, где умываться, где пудриться. Тут и хлебом нас потчевали. В академии наук продолжают лекции физические, и нынче проходят диоптрику. Однако зав-

¹¹⁹ Иоганн Георг (Иван Егорович) Ведемейер (1730–1797) — преподаватель.

тра будет последняя диоптрическая лекция, после которой две недели будет праздник, в которое время сделаются гидростатические машины, которые необходимы в будущих лекциях. И это происходит уже в Кунсткамере в особливо приготовленном покое. Здесь также продолжаются и комедии, и театр слабым светом освещается. Вексель Юдинский у меня, а нотариус только надежду подает, когда только не пошлю, говорит, что вот скоро придет; уж и послали было, да на почту поздно принесли, и эдакие бредни. Теперь только пришел от него Ванька, обещает еще сходить к какому-то их корреспонденту. Впрочем желая ревностнейше вашего драгоценного здоровья, прошу вашего родительского благословения и остаюсь на век

Милостивой государь батюшка
ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 7 дня

С<анкт->Петербург

Сестрица! Я к тебе не пишу ничего. Извини, мне некогда. Я еду в воксгалл <так!>... <нрзб>. Это все равно что на Парнас.

Тверской воксгалл далек, а лондонской подавно,

А на Парнас не взлезть.

Вот то-то славно.

Не лучше ль дома сесть?

Сестрица, каково? А! Право вить не худо?

Когда не на стихи, на рифму хоть взгляни,

Затем вить и стихи, что с рифмами они,

Пусть так или не так, пожалуй не дразни

вить весь и дни...

Ба! что ж, здесь рифмы нет. Вот это чудо! Все рифмы, да рифмы! Зачем, братец, не пишешь без рифм? Mademoiselle! eh pour-

quoi s'il vous plait, voulez-vous, qu'etant sans raison, je joue aussi sans rime?

Votre intime

Sophonime

Татьяны Петровны письма я разослал. Un poklon s'il vous plait.

Теперь пришел подпрапорщик Полторацкой с тросточкой, которая ему в проценты досталась.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 76–77).

<40>

<8.6.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

В начале сей недели имел я удовольствие получить от вас два письма, по оным старался я делать исполнение. Юдинский вексель с протестом подал судьям в магистрате, которые потом отдали секретарю. Он спросил мое желание и приказал повытчику исполнять по нем. Таким образом написали содержание моей просьбы на протесте, как изволите сами увидеть, а именно чтобы представить доношением московскому магистрату о взыскании денег и процентов с Юдиных. Между тем послал в Юстиц-коллегию о запрещении писать крепости на его имя. Я дал на гербовую бумагу, и мне обещали, что нынешнюю почту поспеет. Однако я льстил напрасно, что пошлю нынче к вас все это, ибо, как я нынче по утру пришел туда, то сказали мне, что определение на столе еще лежит, повытчик уверял меня, что нынче подпишут и для того приказал мне приходить завтра. Ну! естли это только по обычаю! Однако я полагаюсь на себя, что верно будущую почту к вам перешлю. Я очень сожалею, что в делах этих я не так проворен, как хотел бы и как бы должно, чтоб помочь сколько нибудь всему этому. Что касается до строения, оно уже кончилось, и теперь кладут очаг. Во что оно стало действительно сказать не могу, для того что еще и теперь мелочи кое ка-

кие делаются, напр<имер> переправка стекол, петли к ставням и пр., а и валовой суммой уж кажется рублей за сорок. Погреб теперь новый, в две стены веден и не очень мал. Между стеной и наверху земля, напогребница и над ним в чердаке с дверями чулан. Перегородка, которая была в горнице большая, перенесена в избу. Одно несчастие наше то, что в избе на улицу окошек нет, об этом писал я прежде, что на улице прямо спуститься было нельзя, и так подвинулись мы, уступя лишь столько, чтоб забор мог занестись. Сияет во весь проспект, из Семеновского полка, не обманываясь, указать можно нашу пристройку. Вчерась капитан наш <С.Я. Хотиянцев> был на карауле. В Инженерном корпусе опять надеются, что выпуск будет к Петрову дню. А я думаю, ежели не обманываюсь, что за 31 число июля недолго здесь задержусь. Дай бог! чтобы мог я и вы бы изволили так приказать! Как радостно полечу я! Я уж боюсь, чтобы не позабыть к вам прежде писать об этом, и для того начинаю из задолго. На сколько времени мне проситься прикажете? Мне кажется, только бы позволили, чем дольше, тем лучше, впрочем, все учредит ваше соизволение.

Моя всегдашняя мысль есть только то, чтоб вы были здоровы и веселы. Мое щастие через чур соединено с этим. Как я весело жил при вас в Вологде! Если б это время возвратилось для меня в Твери! Оно возвратится, естли только вы не отнимите от меня дражайшей вашей милости. И можете ль вы, батюшка, переместиться для меня столько? Я весь вручаюсь в ваше соизволение и прошу усерднейше вашего родительского благословения
ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 8 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Прости мне, что я тебе солгал. Однако не вздумай, что я всегда лгу. Я бы и теперь послал к тебе *Хорева*¹²⁰ и все что хочешь, да совесть удержала, понеже на немецкой почте:

Нельзя его послать без особливой силы,
Которой все и вся подвластно на земли,
А под землей ее, вещают, полны жилы.
да только не мои
Так погоди теперь поколь из этих краев,
Вить должно бы сказать, поколь из сих краев,
Но ежели б ломать не можно было слов,
Так где взяла ты Рифмачев?

Ну! словом, как отсель поедem к вам часом. Прости матушка, будь весела и здорова и батюшку забавляй, а я, o fratello tuo, o amico, ma sего amico sempre tuo Михайло Муравьев.

Татьяне Петровне мое почтение. Я очень сожалею ее горести. Я не ожидал этого, чтоб <нрзб> Ивановну видеть и впервые и впоследствии.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 78–79).

<41>

<20.06.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы, батюшка, и веселы ли? Как бы я хотел слышать ваш ответ на это! Этого-то и не слышу. Я должен ждать шесть дней, чтоб узнать о вашем состоянии в это мгновение. Часто впадает мне на ум странное сравнение, оно будет здесь очень не уместа учено, однако я разболтаюсь хоть только для того, чтоб только разутешить. Крафт, исчисляя путь, которым притекает к нам свет от самой ближней неподвижной звезды, который совершается в шесть лет, присовокупил положение, что естли бы намерился творец уничтожить все

¹²⁰ «Хорев» — трагедия А.П. Сумарокова, написанная в 1747 г.

звезды в одно мгновение, то несмотря на то шесть лет после уничтожения все бы видели мы их на небесах, как прежде, и астрономы бы продолжали делать наблюдения их движений, столь же стройных и порядочных, как и всегда, затем что луч изображающий их нашим глазам во всяком своем мгновении соответствует другому мгновению за шесть лет.

После эдакого прекрасного начала должно ждать колеса с уксусом. Однако постойте, батюшка, вот я не престану врать. Мои письма, наполнены будучи известиями с головы до ног, так сухи, что мне самому несносны. Мне хотелось бы, чтоб они были не так скучны, да то беда, что не умею. Я очень уверен, что вы не спросите на мне этого.

Изволили ли вы получить промеморию из здешнего магистрата, в Москву, по Юдинскому векселю? Я ее к вам послал на прошедшей почте. Еремеев хочет заплатить на срок: хоть бы уж это сбылось! Федор Михайлович <Колокольцев> просил меня отписать свой поклон и извинить, что он давно к вам не писал, для того что ему не досуг, по причине отъезда Великого Князя <Павла Петровича> принужден он был часто ездить в Сарское Село. Государыня изволит там еще жить, и говорят, что не будет в Петергофе; по крайней мере, от Гвардии команд не отправлено, да и наряду не слышно. В пятницу прошедшую отправил я Сеньку к вам в Тверь с обозом вяземских мужиков и вместе с Курбатовым человека. Я ему дал полтину на дорогу, да для извозника рубль, ежели попросит вперед. А подряжен извозник за три рубля. Пристройка моя окончалась, и мы уже переселились. Ульяне было очень не хотелось, чтобы и постояльцев наших люди туда же переселились; извольте представить, у них шесть человек, да кабы люди домовые! а то все такие, что привыкли скитаться по полкам. А обыкновенное их житье, чтобы все как ни попало, чистоты не спрашивай, да и притом же не свое. Пятьдесят рублей или более издержали на строенье, да и откажись от него. Вообще сказать, мне очень велик дом, и я не знаю, как будет им жить, когда я уеду; ежели они останутся тут

хозяевами, так зачем же покупали и работали? У бар самих зимою вместо нужника были сени, за дверью. Им это отнюдь не дико, а нашим людям, которые привыкли домом жить, через чур странно. Поваришко их суший скот, хвалился, когда еще строили, что все будет по прежнему и утки будут плавать в кухне. Так мы было и заартачились, я кухню запер на замок, однако в избу нельзя было не пустить. <нрзб> приступили ко мне, что Сергей Александрович <Хотяинцев> бранится, зачем у них загромощено, затем что по причине перестройки они варили кушанье, так как мы в горнице. Я с ним отнюдь не бранюсь; досажется кроме этого и не за что. Однако все, как свое. Простите мне батюшка, что я вам докучаю эдакими дурачествами, но вы мне приказали писать чистосердечну. Я с нетерпением желаю к вам. Дай бог, чтоб я еще мог вас увидеть здоровых и благополучных. Ваши неоцененные милости составляют мое щастие и желание. Не отнимите их от меня, я буду вечно щастлив. Благословите меня еще и так навеки, а я умру

вашим нижайшим слугою и сыном

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 20 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Куда как я виноват против тебя! Когда все мои письма вместе сложишь, так из всех выйдет ни одного. Всегда хочу тебе писать целое послание, стану писать: смешная мысль родится. Ну! Сударыня, верь честному слову, напишу к тебе письмо, что, ой ли полно. А когда?

Стократно только тем наш щастлив горькой век,
Что будущего знать не может человек.

Нет ничего обыкновеннее, как эти рифмы на *человек* — *век*, однако не прогневайся, за денежку немного. А продолжение не-

сомненно вперед будет. Извинение мое принесет вам *Хорев*, которому я приказал кланяться Тат<яне> Петровне.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 80–81).

<42>

<27.06.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

На прошедшей неделе получил я ваше последнее письмо, а завтра ожидаю нового для того, что вчера не было. По приказанию вашему, чтоб съездить к наместнику <Сиверсу> я еще сделать не успел, а завтра, думаю, что поедет в Петергоф для того, что Государыня изволит взять не здесь, как мы думали Петров день, а в Петергофе, и команды гвардейские под командой нашего Федора Яковлевича <Олсуфьева> третьего дня пошли туда. Государь Великий Князь <Павел Петрович> изволил никак приехать в Ригу 24 числа. На нынешней неделе объявили выпуск, уже подписанной Фельд-цейгмейстером <Г.Г. Орловым> в кадетском корпусе. Захар Матвеевич <Муравьев> приведен был почти в отчаяние, на все свои письма не получил он никакого ответа от батюшки. Деньги его давно изошли, а Иван Матвеевич <Муравьев> месяца два тому назад как уехал в отпуск. Одним словом, совет и помощь остался ему я один. Легко изволите рассудить, что я очень мало в этом знаю, а он, может быть, и меня меньше. Сколько ни говорили, наконец намерились идти кое-куда по купцам, которых хоть имена я сколько нибудь знаю. Пошли наперед к Солодникову: Семен Абрамыч уехал в Тулу; Мих. Семеныч живет в Москве, тут остался только меньшой брат Емельян, и тот по несчастью дома не случился. Оттуда к Докучаеву; это был праздник и, по несчастью, случись у него именины. Первой вопрос его был нам: лезя ль поцаловаться? И по долгим обниманиям, прослушав чудную мораль о Ивановской церкви, что в улице Рошенье на Вологде. Как скоро приступили к вопросу о деньгах, так совсем другое и все старанье, что мы прилагали, было безпут-

но. От него ездил я к Михайле Прокофьевичу Яковлеву, его просил. Он обещал, однако денег не тут-то было, для того что он их сам ищет. Он сказывал мне, что вышли учреждения новых губерний или наместничеств¹²¹. В Новгородскую пожалован, вы изволите может быть уже знать, ето генерал майор Кличка¹²². Другие губернии суть Калужская, Тульская и Белгородская. Наконец, что касается до нашего займу, так я оттуда обратился к Федору Михайловичу Колокольцеву. Мне стоило только сказать. Жалею, говорит он, что ста рублей у меня нет; я стал его просить, чтоб хоть уже и меньше, он тотчас взял записную книжку и из нее ассигнации, которые у него были, дал мне одну в пятьдесят. *Вот, сказал он, все что у меня в доме есть, это даю я, одолжен дружбою вашего батюшки и вашей*, это произнесено было с видом толь истинной чувствительности, что моя благодарность была больше немим разговором или усилением говорить, нежели настоящими речами. К тому ж, провожая меня, присоединил он одни ласки и чистосердечные уверения к вам, так что это меня поразило. Федор Михайлович <Колокольцев> прямо честный человек и ваш истинный друг. На эти деньги купил Захар Матвеевич <Муравьев> сукно, <нрзб>, пуговицы, плис и весь приклад к мундиру, за шитье полотна на рубахи, шпагу, шляпу, темляк, галстук для того, что, как вы сами знать изволите, у него, кроме мундира, ничего надеть нет, а носить его всегда также убыточно; притом же чулки, прочее белье, надобно где нибудь нанять покой, человека, кто убирал, нет у него. Словом, все его богатство он один. По несчастью же, он сверх компле<к>та теперь остался должен, хотя и первым по Канонерскому полку, в который он написан. Для того просил он у меня двадцати пяти рублей. Простите мне, батюшка, я виноват в этом, что осмелился без вашего при-

¹²¹ [Учреждения].

¹²² Ф.Н. Кличка (ок. 1730 – 1786 г.) — русский военный и государственный деятель, участник Семилетней и русско-турецкой войн, с 1775 г. — генерал-майор, с 1777 г. — правитель Новгородской губернии.

казания отдать ему оные. Мы обо полагаемся на вашу к нам обеим <так!> родительскую милость. Он просит вас, чтобы вы изволили отписать к батюшке его, чтоб он вам прислал их и сюда бы те 30 руб., которые должен он Федору Михайловичу <Колокольцеву>. Ни он, ни я не знали, что больше делать. Никита Романович <Рожешников> также завтра ожидает своего счастья; у них был вчерашний день экзамен при предстательстве Семена Васильевича Нарышкина, и он их расхвалил так, что меры нет, обнадежил их в офицерстве, жалел, что никому неизвестно, сколь они хорошо знают. Все ваши приказания думаю я исполнить прежде, нежели уйдет другая почта после этой. Сенька, другая неделя назад, как в дороге, и я щитаю его в нынешний день у вас.

Впрочем прося нижайше прощения в моей смелости и желая здоровья ваших драгоценнейших лет, отдаюсь на ваше милостивое соизволение и остаюсь по гроб мой

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 27 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица, естли бог меня избавит и я смогу осмелиться подумать, что он мой голос услышит, то ты здорова и весела. *Que je peure plûtôt que j'entants le contraire de cel.* У нас здесь <нрзб> Дмитревский, играл ревнивого¹²³. Вчера в гостином ряду виделся я с Анной Петр<овной> Советницей. Она спрашивала: *разве писем я не получал?* Я говорил, что сестрица вас благодарит, кланяется; дошло ль à ргоров к тебе письмо Иоганны Петровны? А она на это — *я думала, что сестрица будет ко мне*

¹²³ Видимо, речь о роли в пьесе Ж. Кампистрона «Ревнивый, из заблуждения выведенный» (1764).

писать. — Сударыня, она была в деревне недавно, как приехали, она конечно отпишется.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 82–83).

<43>

<30.06.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас письмо на почте и также другое с суздальским купцом <А.И.> Вихревым, причем кисты и замочки вы изволите писать, что мне купить на 300 рубл. Расходы очень много, а я осмелился отдать Захару Матвеевичу <Муравьеву> 25 руб., еще не получивши этих писем, следовательно, и не зная точно вашего мнения, что касается до этого. Я нижайше прошу прощения. Он издержался уже из этих денег 13 р. 20 к., остальные 11 р. 80 к. у меня, и я узнавши ваше приказание их удержал. Захар Матв<еевич> <Муравьев> получил письмо от батюшки, которое письмо вместе и к Ивану Матвеевичу <Муравьеву>; об нем ни слова, из чего мы наивероятнейше заключили, что он еще выпуску не знает. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> писал дядюшке и прежде раз пять, да, видно, письма не доходят. Итак, он просил вас, батюшка, чрез сие покорнейше, чтоб изволили принять на себя труд отписать повернее с его батюшки. Нынче их Михайло Иванович Мордвинов из Петергофа приехал и с ним их выпуск, подписанной со всем: так как уж им и объявлено, Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> не в канонерской, а в бомбардирской написан, однако сверх комплекту, хотя и первой. Одедите, милостивой государь батюшка, для нас обоих ваше отеческое снисхождение и простите нам нашу смелость. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> ходил к знакомому купцу Шуляйкину и говорил с ним о Юдине. Этот купец делает нам надежду <нрзб>. Нынче было приказывал к себе приходить, чтобы получить наставление, как в этом поступить; однако его мы дома не застали, так пойдем завтра поутру. Кису я

отнес к Сергею Александровичу <Хотяинцеву>, он вас очень благодарит и, как вы изволите знать, как он забавен, так легко представите, что происходило с кисой. Она у него в спальне висит на стене. При сем прилагается к вам от него, к вам письмо, которое он прислал ко мне нынче поутру. Обедал я нынешний день у Федора Михайловича <Колокольцева>, где и Никита Сергеевич с Надеждою Александровною обедал. Он кланяться приказывает, как вам, так и сестрице; а Марья Ивановна благодарит за замочек. Вчерась, то есть в Петров день, был в Петергофе только бал и пожалован Мусин Пушкин¹²⁴, что чрезвычайным послом в Англию, в камергеры. От Петра Антоновича <Костливцева> получил я письмо, он жалеет, что не имеет никакого об вас известия, просит продать свои вещи, что у Кургановского, и пишет, что он живет благополучно, кроме что имеет дело с вздорным комендантом, который там всеми ненавидим. У нас тут готовят, какие то морские эволюции за Кронштадтом двадцатью линейными кораблями и одним фрегатом, представляющие Чесмесское сражение. Это будет очень скоро и проговаривают, что 1 или 2 июля. Государыня будет присутствовать. У наместника <Сиверса> я еще не был, а поеду в это воскресенье; след<овательно> и буду поступать по вашему последнему приказанию. У нас также доклад, сказывают, выходит, состоящий человеках в 20 или более, так я попаду в восьмидесятые. Что вы изволите писать, что есть ли могу сыскать человека, кому бы поверил взыскание с векселем и сам бы поехал, так уж этому быть теперь не можно. И я останусь, покуда окончу все. Я нижайше прошу прислать письма к майору <Олсуфьеву> и к капитану <Хотяинцеву>, когда приблизится время к отпуску. Впрочем, желая непрерывно продолжающегося вашего здоровья и прося вашего родительского благословения пребуду навсегда

Милостивой Государь батюшко!

¹²⁴ А.С. Мусин-Пушкин (1730–1817) — русский государственный деятель и дипломат, с 1765 г. — посланник в Великобритании.

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Июня 30 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Здравствуй! Dites-moi, que j'écris la lettre, la plus gueuse, à la plus digne soeur, à la plus ennuyeuse, dont Twer a vu déjà maint et maint entrechat vites, que je n'écris que par le droit d'achat, je dirai que dans l'ancre envain je m'évertue, que ma plume écrivait et qu'enfin elle s'est tue. Сочтите мой Галиматиас <так!> за чтонибудь, а то худо будет. Что вы его не разумеете, ето не чудо и писец его не разумеет, да то жаль, что в последнем полустишии одна стопа de plus.

Verum ubi multa nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis

Horat. Art. Poet¹²⁵.

Следовательно, и так далее, вы должны удивляться <нрзб> этому Галиматиас, на которой к вам пришлю на будущей почте ученой комментарий. Ainsi soit-il. Поклон мой, сестрица, скажи ты Татьяне Петровне. Я рассудил не учтив поклон будет ей когда не гексаметром.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 84–85).

<44>

<2.7.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Наконец уже и то время близко, что письма мои будут не-
надобные, и я думаю собраться к вам. На нынешней неделе

¹²⁵ Перевод Ф.А. Петровского: «Если поэма полна красотою обильной и блестящей, // То извинительны ей те пятна, которых небрежность // Или бессилье природы людской не умели избежать <...>» [Гораций, с. 350].

приступим к покупкам и надеюсь, что это долго не задержит. Прошу покорно отписать, как вы изволите расположить в рассуждении дома: остаться ли в нем человеку или нет, когда найдем постояльца, и кому? При том же у нас теперь дорожная коляска: так как изволите приказать, мне ли в ней приехать или ее здесь продать. Только я думаю, что продать убыточно. Здесь все покупают в лом: карета Прасковьи Матвеевны осталась на наших руках. Не знаем, как и быть, сперва давали десять рублей, а теперь восемь. Вы это изволите знать, что Петр Антонович <Костливец> подтвержден капитаном над портом в Таганроге, и, как мне показалось, в газетах между вновь поставленными бригадирами поставлен. Вчерась был я в Летнем саду, где и Монастырские девицы были, также воспитанники из Академии художеств, великое множество людей было и наша егерская музыка. Оттуда пошел я вместе с Вейдемейером, у которого я и ужинал и встретились с Котти¹²⁶. Он здесь и через две недели отправиться через Тверь в Ярополец. Он был в Москве, в Воспитательном доме цензором и опять в какие-то нещастия попал. Иван Ив<анович> Князев пожалован инженерным капитаном и отправляется в Выборг. Вот мои новости. Завтре ожидаю известий от вас. Дай бог! чтобы вы были веселы и здоровы: все мое удовольствие будет и действительнее и живее, когда я в этом уверен буду. Впрочем, предавая себя навеки в ваши милости, прошу покорнейше вашего отеческого благословения и остаюсь

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Июля 2 дня
С<анкт>-Петербург

¹²⁶ И. Котти — итальянский чиновник, работавший в Воспитательном доме, из которого был уволен в 1775 г. [Фруменкова, с. 158].

Матушка Сестрица! Вот какой краюшек остался et je vous le consacre. Si vous ne m'écoutez pas une douceur dans la lettre de demain, посмотрите, что будет. Я вам и целой лист напишу. Прошедшую пятницу была petite pièce из Belise Мармонтелевой¹²⁷. У нас своя капуста, бобы, огурцы. Татьяне Петровне кроме поклона ничего.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 86).

<45>

<11.7.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Мне кажется или, по крайней мере, хочется вообразить, что вы теперь или в деревне, или из деревни приезжаете. У нас теперь такие жары, что о деревне и не хотя вспомнишь. Ежели вам угодно удостоить хотя маленьким взором меня, то вам представится моя маленькая горница, заставленная четырьмя маленькими столами и толиким же числом стульев, на которых весьма порядочно разбросаны тетради и книги. Разумеется, порядок по моему: другие говорят, будто не очень порядочно. Я должен благодарить Ваньку, что он вздумал утвердить на вилках занавеску у моего окошка. Теперь только окончил я великое упражнение: весь ум мой углублен был в то, чего я не знаю. Паралаксис солнца был моим предметом; одно слово *Паралаксис* довольно, чтобы дать себе ученый вид. Только то беда, что я сам чувствую, что он мне очень и очень не принадлежит. Все мои воображаемые труды терпят беспрестанной прилив и отлив: минуту метафизик, другую конечно алгебраист, а на верно прежде наступлений третей, рифмы заступят место сравнений. Это немножко чрезчур, однако что-то на правду очень похожее. Дядюшка Лев Андреевич <Батюшков> в прошедший четверг

¹²⁷ Видимо, речь идет о произведении Ф. Мармонта Le Scrupule, входящее в Contes Moraux [Marmontel, p. 57–86].

изволил сюда приехать и требовал у меня кареты, я ее и достал было, однако он ее не употреблял. Я просил его также, чтобы он изволил стать у меня, он и согласился, но прежде хотел видиться с Иваном Семеновичем¹²⁸, поехал туда и видно остановился у него. Вчерась обедал я у Ханыкова, а нынче поутру было маленькое дело, так и некогда было к нему съездить. Он проговаривал мне, что долго не отдает долгу по своим недосугам. А Николай Львович <Батюшков> в деревне и все еще болен. Выпуск Захара Матвеевича <Муравьева> немножко продлится, но нынче пишет он ко мне, что завтра наверно обещают. У них на этих днях случилось маленькое несчастье. Один кадет, из назначенных к выпуску, Трубников, утонул. Он и других четверо переезжали в бурю с Петербургского на Крестовой остров; челнок перебросило, прочие схватились за борт, а он пошел на дно. Это было причиною маленького замешательства в корпусе, но теперь уж утихло. Никита Романович <Рожешников> также с часу на час ожидает Эксамены, определения, рассуждения коллегии все было, день назначен, и члены собрались. Г. Фоминцев, которой и прежде не давал было своего согласия, остановился также не зная на чем, однако и естли не самой нынешний день, то нынешнюю неделю верно решится. Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> приносит свою нижайшую благодарность за ваш совет и нынче писал к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву>; он просит и вас, батюшка, если можно, подкрепить его просьбу. Впрочем, у нас все хорошо и для меня ничего нет нового, затем что я живу и без дела, и без любопытства. Великого Князя <Павла Петровича> ожидают вскорости, и ямщиков погнали на станции, однако не известно для чего. Князь Григ<орий> Алекс<андрович> <Потемкин> живет теперь в Новгороде и поедет в Ладогу для инспекторского смотру. В Кронштате, рассказывают, сожгли старые

¹²⁸ И.С. Караулов (1739–1812) — тверской помещик, зять Л.А. Батюшкова, был женат на А.Л. Батюшковой (1758–1819) (см.: [Письма, с. 375]).

корабли. В городе комедии и великолепные балеты: один предлинной новой дансер Г. Лефевр¹²⁹ выступает как журавль. В академии прошли диоптрику, и в сентябре месяце будут торжествовать пятидесятилетний праздник и надеются увидеть у себя Государыню для того, что она уж изволила и суммы определить на торжество. В Академию художеств приехал недавно из Италии их бывший пенсионер, некто Архипов, и привез большой барельеф из белого мрамора своей работы, представляющий принятие веры велик<ой> княгини Ольги. Как я нынче заговорился! Вы мне это простите, батюшка! Сколько бы я был утешен, когда б я мог безопасно мог положиться, что в сие самое мгновение вы мне сохраняете прежние милости! По крайней мере я этого прошу всегда у бога и еще ласкаться не перестаю. Я навеки себя заключаю в ваши родительские милости и остаюсь

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Июля 11 дня

С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Знаешь ли для чего я так много писал к батюшке? Ето только для того, чтоб из учтивости, не написать к вам ничего... Нет, сестрица! лучше етого не думай, а думай лучше, que je vous aime, Dieu! cette amitié ferait mon bonheur!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 87–88).

¹²⁹ Д. Лефевр (ум. 1812) — французский артист и балетмейстер; начал выступать в Петербурге и преподавать в пансионе Гибеля в 1775 г.

<46>

<14.7.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Ваше милостивое писание от 6 июля имел щастие получить исправно и несказанно благодарю за новые знаки вашего благословения. О себе доношу, что я, слава богу, здоров. Вчерашний день, то есть 13 числа Никита Романович <Рожешников> пожалован шихт-мейстером, еще двенадцать человек из их кадетов с ним, и все учителя получили чины. Захар Матвеевич <Муравьев> сделан шихт-юнкером. К дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву> большому мы писали прошедшую почту, но ответу еще некогда было получить. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> рассказывает, что им велят хотя сверх комплектным в лагере стоять. Он приносит вам свою нижайшую благодарность, мы оба ничем не можем оправданы быть против милостей ваших. Ник<олай> Романович <Рожешников> льститесь быть послан за море, четверых уже объявлено, что пошлют, а шестеро объявили желания. Они все чрезчур обязаны своему вице президенту <С.В. Нарышкину>, которой с величайшей горячностью старается за них, как за себя. Матрена Дмитриевна <Бастидон> и Катерина Яковлевна <Бастидон> охотно берутся за покупки и приискание всего, что требуется. При сем прилагается от них письмо, также письмо от Прасковьи Глебовны <Головцына> и вексель Юдинской. У Марка Федоровича <Полторацкого> здесь одна старинная четырехместная карета и визави другая, за которую просит 130 руб. Четвероместной и цены нет за тем, что разве кто в лом купит. Впрочем, прося вашего родительского благословения, желая вам навсегда здоровья и благополучия, остаюсь на век

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Июля 14 дня

С<анкт>-Петербург

О сестрица! Сестрица! Позволено ль есть <?> игратья добрыми людьми? Осыпать похвалами мое красноречие, сравнять с Цицероном и заставить наконец раскраснеться самой величайшей слабости. Я признаюсь, читая ваши строки, trop уверен du contraire, on est tenté de se croire, je ne sais que des airs de pruderie s'y mêlent, comme d'eux mêmes on projette sérieusement la défense pour ne pas возгордиться, enfin on est à peu près comme une femme que l'on loue sur la beauté, on se défend, on rougit, mais pourquoi? C'est pour être plus-louée. Я вру, я не помню, чтоб за красноглаголанье вмести́л я в письмо свое, а что касается до того, так это истинная правда и ни слова лжи нет, да поместим, не отвяжись. Oh! la friponne! Ma vengeance est dans ma main. La lettre à Cath. Jac. <Бастидон> est-ce que je ne l'ai pas lu bon? Je serais un bien et la lettre encore de Cath. Jac., entre nous... St!.. Ce n'ai pas moi, Mlle! c'est Zachar Matv. <Муравьев> qui l'a decachtée malgré moi.. Et moi... et moi... je n'ai rien fait... si non, que, mot à mot... pour vous dire la verité un peu... oui comme ça... peut être toute entière... eh bien que-ce que cela fait? s'il vous le faut: oui, Mlle, je l'ai pas. Voila de l'éloquence, Mlle, et, de celle ci, que parlé, au coeur, j'en ai été touché. J'y connais un eu il m'a ravi. Вспомни ту прекрас... Voulez-vous que je baise cela? Il y a encore un sur la fin de la lettre et j'y glose malignement et cependant je ne sais ce que... да я позабыл, отпиши, матушка, какой <нрзб>, какого цвета? вить и атласы разные. Есть в 3 р., в 3 50, в 2 р., в 1.80. А у Матрены Дмитриевны <Бастидон>, что и обращение послан, 10.5 к. Прощай же матушка. Je baise votre petite main.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 89–89 об.).

<47>

<21.7.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Прошедшую почту я не успел к вам писать, замешкавши немножко поздно у Федора Михайловича <Колокольцева>. А между тем, имел удовольствие все ваши письма получить исправно,

и в последнем ассигнацию в 25 рублей. Вексель Юдинской послал я, кажется, довольно верно на немецкой почте в четверг. Все, что вы изволите приказывать, в точности будет мной исправлено. Лев Андреевич <Батюшков>, которой поехал отсюда в прошедший вторник, просит извинения, что он к вам за недосугами особливо писать не успел: его люди теперь по делу в Твери, так он их вам поручает и во всем на вас надеется. Прежде отъезду своего, за день, изволил он быть у меня и привез мне долгу 84 рубля, с включением денег за чай. Что, как я думаю, приведет меня в лучшее состояние исправить покупки. Си<те>ц, конечно, и в скорости куплю. Прежде сего, вместе с векселем отправлено письмо от Катерины Яковлевны <Бастидон>, которое я уж теперь у вас считаю: она хочет знать, в какую цену и какого цвету должен быть атлас. Вексель Еремеева, конечно, не выходит из моего попечения, и заплата Кургановскому, думаю, что меня не задержит. Теперь остается приискивание серег и перстня. Матрена Дмитриевна <Бастидон> за это берется: следовательно, и это авось либо зделаем. Захар Матвеевич <Муравьев> и Никита Романович <Рожешников> приносят свое почтение. Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитревской хвалил мою трагедию. Самолюбие везде находит место, хотя б было и не у места, но ежели вы всегда тот же милостивый и снисходительный родитель мой, как несомненно ласкаюсь; так думаю, что простите во мне этому. Между тем, я принуждаю себя поработывать сколько нибудь над переводом Тускуланских вопросов¹³⁰. Вот мои упражнения. Физических лекций теперь на время нет. Что ж касается до печатки, о которой вы хотите знать, где она: это правда, не знаю, как-то, по несчастью, едучи верхом к Василию Евдокимовичу <Адоурову>, потерялся, хоть после и искали, но не нашли. Здесь у нас стояли жары и громы были, которые после себя следы оставили. Последний зажег морские бойни, которые и сгорели. Впрочем, препоручаю

¹³⁰ «Тускуланские беседы» (45 г. до н. э.) — философский трактат Цицерона.

себя в вашу неотменную родительскую милость и с нижайшим
моим почтением прошу вашего благословения,

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Июля 21 дня

С<анкт->Петербург

Ma chere soeur! la nuit d'hier, il y eut une éclipse de lune. Voila de nos nouvelles! Здравствуй. J'ai déjà oubliée comment est-ce que vous parlez avec moi; j'essaye quelque fois de parler moi-même avec vous, et, par malheur, je ne sais trop comment je parle moi-même avec vous. Parlez je vous prie. Je suis ici, de très longs jours à n'entendre personne: cela n'est pas consolant; ayez la bonté de m'envoyer un peu de vos discours mais tous frais, du sortir de la bouche, afin que je ce puisse entendre. Mais la chose a ne point mentir ne peut se nicher, que dans une cervelle tournée. Et voulez vous que j'en aie une toute saine? не па пассив! же лие конесанс; да какой конесанс? Форт этруат. Rassudi sebi, matoushka se-striza, rasboltalsia. Kogda nibud so mnoi, da po bolsche: ia pravo posabil, kak ti govorisch, chot povesht! No u na to tebe... Proshay.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 90–91).

<48>

<Между 21 июля и 4 августа 1776 г.>¹³¹

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Я виноват, что прошедшую почту не успел к вам писать. Сим доношу вам, что, я слава богу, здоров. У нас нынче первой день

¹³¹ Датировка письма приближительна: так как Муравьев упомянул назначение З.М. Муравьева: «Вы уже изволите знать, что Захар Матвеевич <Муравьев> пожалован» — можно высказать предположение, что данный текст был написан после 14 июля 1776 г. (см. письмо <46>: «Захар Матвеевич <Муравьев> сделан шихт-юнкером»). Еще один аргумент в пользу такой датировки: в этом и следующем письме, датированном Муравьевым, упоминается некий Еремеев; поэтому можно утверждать, что письмо было написано после 21 июля, но до 4 августа.

посту, так я кушаю ботвинью с домашними огурцами. Еремеев обещал мне быть нынче ко мне, однако еще нет. Я его просил всячески, чтоб он меня не задержал и поскорей бы собрал деньги. Это ему не очень приятно было, однако он уверял, что он, конечно, исправится и просил не беспокоиться: он чувствует милость вашу, что изволили поверить без порук и, конечно, не делается не благодарным. Я сам думаю, что он человек очень смирной: у него здесь два дома, однако завтра что свет у меня пойдет к нему человек. Я очень чувствую справедливость гнева, которой я заслуживаю и боюсь извиниться: от одной милости вашей ожидаю прощения моей дерзости. Вы уже изволите знать, что Захар Матвеевич <Муравьев> пожалован: он меня уговорил, что батюшка его не замедлит отдать сии деньги. Вчерась получил я с почты письмо на ваше имя от Анисия Титовича <Князева>, которое при сем посылаю. Сахар на Поповой фабрике, по осми рублей пуд: в нынешнюю среду приказали приходить. К двадцатому числу ожидают сюда великаго князя <Павла Петровича> и через три дни после великую княжну: чего уж я может быть и не дождусь. Государыня изволила отправиться в Сарское село. У нас в полку ожидают скоро Князя Николая Васильевича <Репнина>, что делает маленькую тревогу. Завтре ожидаю я ваших писем и ежели успею, стану еще к вам писать по Ямской почте. Впрочем, прошу отеческаго прощения, моей глупости, в которой чистосердечно признаюсь. Мое сокрушение, будет безмерно, когда вы отвергнете мою прозбу.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 92).

<49>

<4.8.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Что я должен заключить из вашего молчания? здоровы ли вы, батюшка? Я нынешнюю неделю не имею от вас писем. Или я буду обманут в моей надежде, что вы на меня не гневаетесь? Я равно опасаюсь и того, и другаго и боюсь, своим напоминанием

более наскучить. Мне бы уж время было в путь собираться, когда б не останавливал меня своими медлениями, Еремеев. Всякой день человек к нему ходит и всякой день обещается быть. Сей самой час ждал я его: теперя дождь идет, и, по нещастью, это послужит извинением. Иногда худая погода, в другой раз гости останавливают его; что принудит по неволе протестовать вексель. Вчерашний день Матрена Дмитриевна <Бастидон>, по своей милости, ездила со мной на гостиной двор, где мы кое-что изкупили, как, я думаю, из письма ее изволите увидеть: а имянно ситцу, хотя и изволили писать 30 аршин, взяли мы 39 1/2, ценою по 70 к.; что зделает 27 60 к. Ежели будет лишек и хозяин не возьмет, так Матрена Дмитриевна <Бастидон> думает, что и вы можете его взять или на шлафор себе, или сестрице на домашнее платье. Атласу голубаго, такого, как и образчик был присылан, взято 16 аршин по 1 руб. 5 к., что зделает 16 руб: 80 к: бархату, сестрица не пишет на что, какого и сколько, взято косматаго два аршина с половиной по белой земле с голубыми клеточками, по 180 к, что зделает 4 р. 50 к. Матрена Дмитриевна <Бастидон> просит, чтобы вперед означать обстоятельно, ежели что купить надобно, на какую потребу, сколько, какого цвету, или что подобное. Например, вы изволили писать о батисте, так Матрена Дмитриевна <Бастидон> говорит, что есть разныя батисты, на манжеты ли, на наволочки ли или простыни: почему и разныя цены в лавках просят за батист, последняя и крайняя цена 8 1/2 за штуку; так мы было и взяли на уговоре; но у Матрены Дмитриевны <Бастидон> случились принесенныя к ней две штуки батисту той же меры, немножко чем поплотняе, которыя она уступала; так мне разсудилось взять их, потому что они по 7 руб: штука. Она же достала камертуху¹³² штуку, за 8 1/2, которую я уже и взял. В лавках сахар, последняя цена по 8 р. 20 к.; в заводе по 8 р. ровно. Итак, шестнадцать пуд зделает 128 рублей: А у меня всех денег за издержанными, как выше написано, на ситц, атлас, бархат, батист и камертух всего на 71 р. 40 к.;

¹³² Камертух — тонкое голландское полотно [Камертух].

останется 228 р. 60 к., за моих мелких 33 руб., всего 261 р. 60 к. на мелкие фрукты, как то миндаль, чернослив.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 94–94 об.).

<50>

<8.8.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Вчерашний день имел я удовольствие получить от вас два письма вместе, из коих одно писано из деревни Прасковьи Федоровны; я не могу довольно изъяснить радости, которую получение оных во мне произвело. Я в них признаю возвращение тех лестных милостей, к которым я приобькнул. То выгодное мнение обо мне, которое, идучи от вас, делается мне самому священным законом и увещанием более, нежели похвалою. Когда бы я всегда ее заслужить мог от вас: тщеславие мое не имело бы чего больше желать. Это правда, Дмитриевский ободряет меня продолжать мою Трагедию; он обнадеживает, что ее представят. С величайшей радостью теперь вижу я, что это вам не непротивно, и труды свою усугублю. Что касается до полуситцу, то я ошибся, назвав его ситцом, он полуси<те>ц, как изволите увидеть, однако так хороший, что подходит к ситцу. Матрена Дмитриевна <Бастидон>, кажется, торговалась, однако за 60 к. не могли сторговать, а дали по 70 к. Еремеев все медлит, однако вексель нынче отдам для протесту. Нотариус недоволен тем, что мы отдали в Магистрат Юдинской вексель, что будто деньги он и без того уже пересылал.

Впрочем, желая вашего драгоценного здоровья, прошу меня вашими отеческими милостями не оставить, и пребываю на век

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 8 дня

С<анкт->Петербург

Прасковья Глебовна <Головцына> ради бога просит ответствовать на ее прозбу к вам. У них в Торжке все земли отходят: она в жалостном состоянии.

Матушка сестрица! Когда бы ты все так весела была, как была и как я теперь. Зделай милость, будь. J'étois le matin aujourd'hui chez Mr. Dmitr:<evskiy> il m'a preté, les operas de Metastaze¹³³, et je lis avec la plus grande satisfaction, comme vous pouvez, vous <нрзб> <нрзб>. Faites-moi ce devoir, ma chère, d'écrire à moi et Avd<otia> Alexandr<ovna> <Львова> ce que je sens de reconnaissance, pour la complaisance, dont elle m'a honorée, et que... Vous ne vous imaginez pas. Mais, ma chère, si vous ne savez, dont et plus que elle... Mais n'oubliez pas.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 96–96 об.).

<51>

<11.8.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

На нынешней получил я по Ямской почте еще от вас письмо, в котором включено было письмо Татьяны Петровны к Василью Лаврентьевичу; но его в городе нет, а он уехал в деревню. Вексель на Еремеева протестован; он был вчерась у меня и, как видно, в великих хлопотах и не знает, как собрать; просит всевозможно, чтобы подождать хотя в одной тысяче; однако я отказал. Не знаю, долго ли меня продержит; но, верно, надеяться нельзя, чтоб скоро. Захар Матвеевич <Муравьев> просит, чтобы вместе со мной ехать и хочет нанять отсюда до Суздали тамошних мужиков. Как изволите приказать? Дядюшка Матвей Артемонович <Муравьев> изволил писать, будто с суздальским поверенным Пчелкиным послал он 25 рублов, однако этого Пчелкина

¹³³ П. Метастазіо (1698–1782) — итальянский драматург и либреттист.

здесь и не бывало. У Анны Андреевны <Муравьевой> дочь¹³⁴ при смерти больна и не знаю, жива ли уже. Каляску свою зачинаю чинить; за нее дают десять рублей. Теперь не знаю, как распорядить свои повозки: много будет кое-чего, следовательно, и подвод не мало. Не изволите ли вы в Твери с какиминибудь знакомыми купцами поговорить, которые бы приказали при своем обозе отсюда взять у меня сахар и прочие покупки? Чтобы тем хоть людей меньше употребить. Прасковья Глебовна <Головцына> просит напомнить о своем деле: у них все земли отмежеваны прочь и отходят к монастырским; они к вам нарочно человека послали. Государь великий князь <Павел Петрович> к 16 числу никак сюда будет; а свадьба будто инкогнито сделана будет¹³⁵. Завтре зачнутся физические лекции. Впрочем, желая усерднейше вашего драгоценного здоровья, прошу родительского благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 11 дня

Санкт-Петербур<ург>

Sur quel ton, ma chere soeur! dois-je vous haranguer? Ежели ты весела; ну так ты весела: cela fait peu d'honneur à ma penetration... И впрямь: поправляюсь. Когда один раз собьешься с толку; так уж... однако, мне самому, так к себе благосклонну быть... Разумеешь ли хоть слово сестрица? Я ручаюсь, что нет. Вчерась

¹³⁴ Речь о Варваре Николаевне Муравьевой, дочери Н.Е. Муравьева и Анны Андреевны Волковой (в первом браке Муравьевой). В <52> говорится о том, что она здорова.

¹³⁵ Речь о венчании Павла Петровича и Марии Федоровны, которое состоялось 26 сентября 1776 г.

читал я Le Siege de Calais, une fameuse tragedie de Mr. Belloy¹³⁶, а нынче перебираю Метастазия, которого завтра мне надобно отнестъ! Que des nouvelles intéressants. Pardonnez, je n'en fais d'autres, si non, que comme vous voyez j'écris sans rime et sans raison. Réjouissez vous en et riez. Adieu, je vous aime, ma chère, et je vole pour vous aimer plus encore s'il est possible. Du moins j'attends tout de vous... Paisible et vous admirant, je mefigure placé dans un coin, et ma chère soeur près de moi habillant à qui mieux, mieux... Это уж непростительно так долго врать: и дело говорить не надобно больно много. Я думаю, что Алексея Минича <Муравьева> теперь в деревне нет: естли вы к нему в Торжок пишете, прошу засвидетельствовать мою чувствительную благодарность...

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 98–98 об.).

<52>

<16.08.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Нынешний день получил я ваше от 10 числа пущенное письмо, за которое приношу мою нижайшую благодарность. Простите мне, батюшка, что я вам скучал о письмах, не знаяши вашего отсутствия из Твери: я уже давно известен, что вы изволили ездить, и имел величайшее удовольствие получить все ваши письма. Напрасно изволите сомневаться, чтоб ваши письма еще не застали меня здесь: Еремеев меня держит, то он, то Нотариус, оба делают обещания, но что касается до векселя, то он уже протестован. Я нарочно буду к вам писать, когда буду в готовности и положу намерение выехать. Штаны лосинные не достанешь, я думаю, меньше рубля: Гараске куплены у меня, не большие и по рублю. По осмотру заказать старых калетов <?>, как вы изволите писать. Здесь у нас были дожди и грязно: каков

¹³⁶ Речь идет о трагедии [Belloy]. Беллуа (1727–1775) был не только драматургом, но и актером, много путешествовал, несколько лет прожил в Санкт-Петербурге.

то будет сентябрь. Никита Романович <Рожешников> приносит свое почтение, ему еще не известно ни определение на Заводе, ни посылка за море; но в скором времени все решится. Я слышал нынче, однако не могу уверить заподлинно, что великий Князь <Павел Петрович> третьяго дня приехал в Сарское село. Нынче, как думаю, будет театр. Анна Андреевна <Муравьева> свидетельствует свой поклон: Варвара Никол<аевна> <Муравьева> не больна. Эту неделю Ванька у меня занемог лихорадкой через день и не знаю, как то скоро его минует. Вчера подлекарь дал траву для питья и порошки, видно, с ревенем, которые в нем производят рвоту. Захар Матвеевич <Муравьев> кланяется: он теперь здесь. Впрочем, желая здравия вашего навсегда, прошу родительского благословения и остаюсь на веки

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 16 дня

Санкт-Петербур<ург>

Сестрица! как бы я хотел писать к тебе с *началом*: не знаю, что такое бедственное приводит меня в робость, поставить это название à la tête de ma <нрзб>. A propos, Mr. Zachar <Матвеевич Муравьев> a interrompu mon occupation, il veut absolument lire votre lettre: il sait très bien jouer le ballet de Bacchus et d'Adrienne¹³⁷, que l'on donne, il y a déjà un sens immémorial. Et voila ce qu'il voulait, que vous sachiez. Il rit a present. Ecrivez, dit-il, que je lui appersera (pendant que j'écris il fait des éclats de rire) le Ballet Chinois¹³⁸. En recompense de ma fidelité, il me donne a présent le très glorieux nom: o, que vous êtes fou. Cela s'entends en Russe. Ou

¹³⁷ Очевидно, имеется в виду балет «Ариадна и Тезей», поставленный в 1776 г. в Санкт-Петербурге известным итальянским балетмейстером и композитором Гаспаро Анджолини (1731–1803).

¹³⁸ Возможно, балет Анджолини «Китайский сирота» (1774).

pardonnez, что я впу. Que je voudrais voir tout mes vo¹³⁹ <...> accomplis! Je ne bâtirais point de maison à Tver, qu' <...> vous, si vous me le permettez. Et comment puis je exprimer <?>, cette impression de joie, si douce, que vos lettres me ta <...> goûter: quels remerciements, ma chère! Mais ils feraient ta <...> blis <?>. Je sens, que mes expressions, perdraient beaucoup auprez des vôtres. Remerciez donc, a vous même, pour avoir fait lu consolations d'un frère, qui vous aime. Votre gout <?> trop délicat, ne accommodera peut être de <...>: mais vous voyez vous même, si je réussis à... Enfin vous avez trop de complaisance, a me faire reussis. Votre conseil, ma chère, quelle bonté pour moi! Allons, que je voudrais vous parler: je ne sais, si vous ferriez mieux d'être mon frère. Je vous souhaite toujours pour soeur. Adieu me tiendrez-vous parole d'être finiere, de m'ai mer de...

Mais le coeur de ma soeur ne fauroit pas mentir
Vous m'aimez, je vous aime: Adieu. Je vais sortir

Татьяне Петровне по петербургски не кланяйтесь
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 100–100 об.).

<53>

<18.8.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Я, слава богу, здоров; что ж до отправления, то я еще не могу сказать почти ничего. Еремеев и вчера у меня был: но это не утешно. Всякой раз свое изнеможение, прозбы, откладыва-
нья. Наконец просил меня сказать, кому должны, и как я ска-
зал, что Чекрыгину; то он хотел с ним повидаться и перевести
на себя наш долг с вычетом процентов, за <нрзб> месяцы, а дру-
гую тысячу хотел привести нынче, однако солгал. Нынешний
день еще просил Нотариус хотя немного подождать. После это-

¹³⁹ Прочтению мешает загиб страницы, далее подобные места в этом письме отмечаем угловыми скобками с многоточием.

го уж нечего ждать. Полотна голландского две штуки изволила приискать Матрена Дмитриевна <Бастидон>: у ней было два сорта полотен, за один 95 руб: за две штуки; другого, за такие же две штуки 75 р., которое мы и предпочли первому, потому что она его еще и поплотняе, а то только немножко побелее. Марья Ивановна¹⁴⁰ его очень хвалит и сама хочет взять такова тоже. Что касается до валлендорфского; так его во всех рядах нет. Есть, да только ненастоящее валлендорфское, а швабское, и то худое. Так Матр<ена> Дмитриевна <Бастидон> просит вашего согласия, не лучше ли уже, если изволите, другие две штуки этого же галанского <так!> купить, нежели для сбережения, не более как пяти рублей, купить худое швабское. Правду сказать, денег у меня уж на то не станет. Впрочем, прося вашего родительского благословения остаюсь на веки

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 18 дня

Санкт-Петербур<ург>

Ma chère soeur! vous ne regardez pas les adresses de vos lettres; dans celle de Катерина Яковл.<евна> <Бастидон> il y avait: Кат. Петров:¹⁴¹ Adieu ma chere: dites suis-je toujours votre ami? Dieu! si je lui suis!¹⁴²

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 102).

¹⁴⁰ Неустановленное лицо; также см.: [Письма, с. 290].

¹⁴¹ Неустановленное лицо.

¹⁴² Приписка Н. Рожешникова: «Причем и я милостивый государь Никита Артемонович имею честь свидетельствовать мое почтение, также и благодарить за милость, какую изволили сделать сберечь тои денги, они мне очень пригодились. Слуга Никита Рожешников».

<54>

<22.8.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Доношу о себе, что я, слава богу, кое-как поживаю, во ожидании, когда меня отпустит Еремеев. Завтре, кажется, не будет мочи более терпеть: подам в Магистрат вексель, когда до того доводит. Нынче посланному человеку ответствен, что нынче будет с известием; а естли не успеет, конечно, завтре с деньгами приедет; показывал денег ему ассигнациями триста рублей, да медными с чetyреста, и товару проданного на достальную сумму. Не знаю, что выйдет. Ко Чекрыгину он ездил: тот говорит, что деньги не его, а Кургановского, которому уже и вексель давно выдан. У нас сказывают, что подполковник <Репнин> приехал, однако в полк еще не вступил. Сергей Александрович <Хотяинцев> болен. <Великая> Княгиня еще не приехала и слышно, будто зубами не здорова, что ее в дороге удерживает. В городе театр зачался: а когда Государыня изволит приехать, не известно. Матрена Дмитриевна <Бастидон> призывала ювелира, чтобы посоветоваться о бриллиантах. Он ей сказал, что достать их теперь нельзя, потому что все, которые были в городе, забраны во дворец. Она заказала ему сделать новые с договором, что когда вам не покажутся, взять ему обратно, присланные из Твери. При сем посылается от Катерины Яковлевны <Бастидон> письмо. Молю бога, чтоб он вам даровал всегда продолжающееся здоровье и удовольствие; чтоб я имел щастие увидеть опять в вас милостивого и дражайшего родителя. Предаю себя с простосердечнейшим послушанием в ваши милостивые повеления и остаюсь на век

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 22 дня

Санкт-Петербур<б>

Матушка сестрица! Demain on joue l'honnête criminel¹⁴³, demain *Mlle* j'entends de vos nouvelles mais qu'elles soient ce qu'elles ont été, naïves enjouées charmants. Ah! Si bous manquez pour cette fois! Aujourd'hui avec Nic.<ita> Rom.<anovich> <Rozheshnikov> nous étions tous deux dans la Bibliothèque, d'où nous avons eu le plaisir de voir une Conférence des nos Académiciens. Demain ce n'est pas cela: vous voyez bien, quelle différence d'entendre parler Euler ou Dmitr.<evskiy>... Où vais-je m'engager? Je parle avec ma chère soeur, et de quoi? Non c'est perdre le tems, je n'en ai assez que pour dire, combien je vous aime. Adieu.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 103–103 об.).

<55>¹⁴⁴

<27.08.1776>

Милостивой Государь дядюшка!

Матвей Артамонович!

Любезное ваше письмо от батюшки в свое время имел я честь получить исправно и за милостивую ко мне доверенность вашу приношу мою нижайшую благодарность. Ничто не может быть лестнее для меня того благоволения, которое льстил-ся я в вас приметить. За долг мой почитаю и впредь по силам моим оное заслуживать. Позвольте мне теперь испросить вашего внимания на донесение порученного мне дела. Сейчас пожаловал, был у меня Г. Пчелкин, которого я, хотя уже и давно преж сим, однако без пользы искал. Он мне показывал ваше письмо, а по желанию его посылаю я к нему теперь человека за ассигнацией. По отъезде батюшкином, осталось у меня денег Захара Матвеевича <Муравьева> 5 р. 37 к. которые от декабря

¹⁴³ C.G.F. de Falbaire de Quingey *L'honnête criminel*. Yverdon, 1767 г. — драма, популярная в последней трети века; сначала была запрещена к постановке в Париже, но после большого успеха в Европе и положительного отзыва о ней Вольтера была замечена при французском дворе.

¹⁴⁴ Печатаем для полноты в этой подборке письмо Муравьева к дяде М.А. Муравьеву ст., потому что оно связано с теми денежными вопросами, которые обсуждались в письмах поэта к отцу.

прошедшего года, февраля по 28 число нынешняго издержаны; на что я имею собственноручную Захара Матвеевича <Муравьева> записку. С тех пор писал он к вам, милостивой Государь дядюшко! но по дальнему разстоянию писем ни денег от вас не мог получить. По претерпению многих нужд, принужден он был обратиться ко мне, и с тех пор держаны были мои деньги. Разходы необходимы: денег было взять не откуда. И хотя белье у нас мылось; однако вы изволите легко представить, сколько мелочей еще осталось; из кафтана вырос, должно было кое-как переправлять, починивать, в фортификационном классе чертили книги Мане<в>ров, надобно была бумага, переплет и мало ли чего? наконец слуге, которой за ним ходит, пришлось заплатить вдруг 15 рубл. за то, что прежде не брал. Где было взять? Я сколько ни старался как можно меньше держать денег, самая невозможность приневолила нас, и вы изволите сами рассудить, захотел ли бы я свои деньги напрасно тратить и так долгое время их лишаться? Не один раз случалось, что в худой обуви выйти было нельзя. Всем моим держанным деньгам есть у меня подробная роспись, коих в последнее число июня вышло 19 руб. с копейками. Наконец уже неоднократно Захару Матвеевичу <Муравьеву> принуждено было лишаться и тех 12 копеек, которые вы сами изволили ему положить на неделю. В июне последних дней и немножко прежде сделалось назначение к выпуску. Надобно было обмундироваться: чем? этого не было. Многократно и прежде, и после, и по почте, и чрез другие случаи писал он к вам. Надобно сказать, что выпуск все откладывали по сентябрь, а вышел в июле. Он ждал ваших писем, но им скоро и притти было не можно. Выпуск уже наступал: в чем ехать к фельдцейхмейстеру¹⁴⁵, в полк явиться? Нечего сказать: он отчаивался. Я был тот, который его ободрил, я принудил его искать денег, сам ходил с ним по три целые дни. Куда не ходили? К купцам, к знакомым, иного не заставляли,

¹⁴⁵ Возможно, речь идет о Г.Г. Орлове, фаворите Екатерины II, который с 1765 г. был генерал-фельдцейхмейстером Российской империи.

иной прямо отказывал; лучше сказать, никого не было, на кого бы понадеяться. Я осмелился просить у Федора Михайловича Колокольцева, который Захара Матвеевича <Муравьева> и не знает. Он по своей честности, милости и дружбы для батюшки, он дал мне 50 руб., дал бы больше, когда бы было. Из этого должно было все сделать. Вы знаете, сколько надобно, не имевши ничего, выйти офицеру. Ему должно было, покуда аттестатов не дано было из Корпуса, стоять на Петербургской стороне, потом, как в полк явился на Литейной, человека у него нет. Наконец, могу ль я припомнить все надобности? Моих денег сверх 50 рублей заемных издержал он 19 рублей. Где было занимать? К Федору Михайловичу <Колокольцеву> стыдно было еще с тем же итти. Я уже, я осмелился ему дать сии деньги и без позволения батюшкина затем, что описываться было долго, а он между тем терпел нужду. Я просил Захара Матвеевича <Муравьева>, чтоб он утруждал вас и сам старался бы о заплате Федору Михайловичу <Колокольцеву>. По нещастью, я остался теперь один должен и из батюшкиных денег принужден был заплатить 50 руб. Вы знаете наше богатство: дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву ст.> должны мы 2000, здесь отдаем купцу 1000, и я бессловен перед батюшкой в сих деньгах, что я издержал на Захара Матвеевича <Муравьева>. Мне было должно закупить здесь кое-что и взять с собою в Тверь, затем что я скоро еду в отпуск: но батюшка полагался, что у меня эти деньги целы, а их нет. И для того полученные от Г. Пчелкина 25 рублей осмеливаюсь я взять себе и зачесть в издержанные 88 рубл. моих на Захара Матвеевича <Муравьева>, которых щет сам Захар Матвеевич <Муравьев>, думаю, что скоро, к вам привезет. Я жалею, что он теперь сам подписать не может, затем что он на Литейной, и я поспешаю письмо сие отослать к Г. Пчелкину. Однако завтре пошлю я к нему с известием, и он, конечно, с сим случаем сам писать не преминет. Нижайше прошу, милостивой государь дядюшко! естли можно, поскорее переслать к батюшке деньги, издержанные Захаром Матвеевичем <Муравьевым> в Тверь. Я, препоручая

себя в вашу драгоценную милость и прося бога о продолжении
вашего здоровья, за щастие почитаю пребывать навсегда

Милостивой Государь дядюшка!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 27 дня

Санкт-Петерб<ург>

(Письма М.Н. Муравьева к отцу Н.А. с приписками к сестре
Ф.Н. 1776. Ноябрь-декабрь // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л.
19–20).

<56>

<31.8.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Нынешний день имел я щастие получить ваше милостивое
письмо от 24 авг.<уста>, за что и приношу мою нижайшую бла-
годарность. Я должен прилагать старание сам для себя, чтобы
поскорее с Еремеевым разделаться и ехать в Тверь. На сих днях
получил я от суздальского поверенного Пчелкина присланные
дядюшкой <М.А. Муравьевым мл.> 25 рубл., которые я и за-
чел в долг Захара Матвеевича <Муравьева>¹⁴⁶. Анна Андреевна
<Муравьева>, у которой я вчера обедал, приказывает свой по-
клон: также и Катерина Даниловна. Варваре Николаевне <Мура-
вьевой> уж гораздо полегче, и она за столом была. Наша Вели-
кая Княжна <Мария Федоровна> сказывают, что скоро изволит
быть и будто великий Князь <Павел Петрович> вчера ей на-
встречу поехал. По известиям тех, в провождении которых она
едет, будем мы иметь в ней княжну особых достоинств. Очень
хороша собой, снисходительна, умна: расспрашивает, что угод-
но государыне, что она отменно жалует и как ей предстать перед
нее, учится по ру<с>ски, и когда курьер придет, первое, что-

¹⁴⁶ См. об этом подробнее <55>.

бы спросить по руски: *все ль в добром здоровье?* Потом зачнет по французски, извиняясь, что она столько говорит, сколько знает. Нынешний день, говорили, что Церемонии в Александровском монастыре не будет: не знаю точно, была ли. Что касается до меня, уже 25 числа в приказе было отдано, что я отпущен августа по первое 1777. Мне стоило только слово Петру Алексеевичу <Голицыну>: он столько милостив, должно признаться, что его снисходительность заслуживает всякую благодарность. К Наместнику <Сиверсу> я давно собираюсь; но, по нещастью, все еще не удавалось: на нынешней неделе конечно съезжу. К Вагину я не редко посылаю, и он обещает выискивать ездовых; думаю, что не замедлю через это. Впрочем, принося мою нижайшую благодарность за ваше милостивое попечение и прося его продолжать ко мне во всю мою жизнь, ласкаюсь вашим родительским благословением и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Авг<уста> 31 дня

Санкт-Петербур<ург>

О! чистая душа, которой нравлюсь я, сестра моя и днесь соперница моя! должник твой, пред тобой стыдиться начинаю, что песни для тебя достойной я не знаю. Затем о Muses, днесь вселился на Парнас — Я здесь его ищу, а он в Твери у вас. Прости, ma chere, ces petites rimes prosaïques. C'est votre Muse qui m'a piqué: essaye peut être, de me surer avec elle, j'ai perdu. Voila ce que l'on gagne avec vous. Je vous felicite, ma chere, je m'en felicite d'autant plus. Les vers sont les interprètes du coeur, des sentiments: ils ne déshonorent pas une âme noble, qui peint quelques transports heure. Votre gout me promet beau coup: un coeur sensible n'est point un ennemi de la poesie. Je connais le votre pour tel. Vous oserais-je demander une gratification: voyer quel imper c'est ma chere! de... faites-moi cette bonté, traduises-moi une petite scene une tirade d'Al-

zire, par ex: Acte IV. Sc. IX, dix ou douze vers, pas plus, par ex. Esclave d'un barbare ce qui l'amore le parle. Je ne vous le demande qu'à condition, de ne pu vous gêner. Et nos pas mot à mot. Une imitation, vos propres sentiments: faites moi cette bonte. Je vous suis très obligé pour les chansons, que vous m'avez envoyer. Il fallait, que je vous entendre chanter. Allons, cela ne tardera pas. Adieu ma chere.

à Tatiana Petrovna

Mademoiselle!

Quels remerciements ne vous dois-je point pour la bonté de vous souvenir de votre <нрзб> parle. Je voudrais écrire вот столько то, сажени три, да некогда: прощайте. И впрямь строчки то дороги.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 105–106).

<57>

<5.9.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Прошедшую почту не успел я писать к вам: в тот день возвратился я поздно от Анны Андреевны <Муравьевой> и остальное время дня принужден был прохлопотать с Еремеевым: он и нотариус приезжали меня уговаривать, чтобы я принял четыреста пятьдесят рублей, а по остальным бы не тревожил его на неделе через Магистрат. Мне казалось это несносно, чтоб, уже подавши в Магистрат, давать термины; я отказал им, наконец еще долго хлопотавши хотел подумать и прислать к нему. Между тем, я позвал к себе Николая, стряпчего Марка Федоровича <Полторацкого>, чтобы посоветоваться об этом: он меня обнадежил, что лучшее — денег сколько есть принять, а по делу по обещанию с неделю не ходить. Я уверился и послал на другой день по утру к Еремееву с вестью о том, чтобы принес деньги. Еремеев сказал: *вот тотчас приеду* и до сих пор не бывал. Я не знаю, что делать: я уже довольно ждал и все впрок. Нынешний день хотел справиться в магистрате по делу и просить, чтобы не медлили в течении, однако Иван Андреевич Харламов ко мне зашел и во все время просидел. Он принят управителем от Князя

Г.А. Потемкина и едет на два месяца в Польшу для учреждения деревень его там. Семьсот рублей с лишком жалованья по чину, квартера, дрова и пр., четыре лошади. Он просит вас, батюшка, приложить старание свое по делу его в Твери и прилагает при сем письмо. Государыня, как говорят, изволит быть завтрашний день в город. А великая княжна <Мария Федоровна> еще в начале прошедшей недели приехать изволила в Сарское село. Сентябрь начался у нас довольно светлыми днями, однако уж все непостоянными, да и иначе и быть не можно. Напротив того, почти в весь август месяц дождь лило. К 15 сентября готовится городок на Выборгской стороне, гораздо прежнего больший. Он давно построен, и были уже примерные взяты в присутствии князя. Захар Матвеевич <Муравьев> при нем, он просился в отпуск, но прежде 15 числа не позволяют. На сих днях приехал наш подполковник <Репнин> и стал на дворе у Панина: отказал полковой караул и просил Петра Алексеевича <Голицына>, чтоб господа офицеры покуда не трудились к нему быть, для того что ему нет времени их принять. Слышно, что он в Сарском селе. Никита Романович <Рожешников> приносит свое почтение: он живет теперь со мною, а в скором времени может быть и откомандируется. Их четверг поедут наперед в Олонец, и, пробывши четыре месяца там, отправятся в Екатеринбург, оттуда в Нерчинск. Возвратясь, поедут на море на два года и будут странствовать по Саксонским и венгерским заводам. Впрочем, моля искреннейше бога о вашем для нас драгоценном здравии и прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Сентября 5 дня

Санкт-Петербур<ург>

Сколько я несчастлив, что не могу вас поздравить изустно с днем вашего рождения! Так хотя уже письмом сим нижайше

мое приношу поздравление. Желаю вам здоровья, благополучия и удовольствия к новому году, и бог свидетель моих желаний. Милость ваша есть то, чем я наиболее льщусь после сего. Я уверен, что в четверг и я буду у вас между <...>¹⁴⁷ хотя впоминовением присутствен.

Матушка сестрица! давно я хочу к тебе писать, вот <...> *Votre clavessin comment se porte-t-il? L'autre <...> Md. Mouravieff j'ai entendu jouer vos pièces par Mademoiselle: c'est Handke, qui lui donne des leçons. J'étais ravi de les entendre; il y a voit a peu près huit mois. Si je comte bien, que je n'en ai pas entendu guère. Elle ne peut pas comme vous, ma chere, et cependant on s'extasie quand elle joue. Que seroit-ce, si l'on vous entendai <...>. C'est affreux, si vous ne jouez plus. Non, je vous <...>. On m'a promis aujourd'hui la musique de <...> души... On ne m'a pas tenu parole. Aussi tôt que je l'aurai je vous l'enverrai. Ma chere soeur si vous m'aimez, vous ne m'enverrai pas le plaisir de vous entendre jouer vos pièces, aussi bien, comme vous l'avez voué. Vous jouerez, n'est-ce pas? Mais peut-être, êtes-vous déjà plus avancée, que je ne crovois. Dans peu, vous receviez, et peut-être vous recevez déjà, une mienne lettre avec un dessin poétique: il est terrible, l'accepterez-vous? Voila!.. nous vous verrons. Adieu ma chere. Vous n'êtes pas cruelle... сердца женщин чувствительны... c'est Andrée, qui parlait, vendredi passé (vous ressouviendrez vous du pauvre Andrée... вот сударыня денги, которые я собрал тяжкою моею работою на етом берегу). Or vous n'êtes donc pas cruelle. Donc, vous m'aimez. A tibi, carissima Tatiana Petrovna, salutem et benedictimem patrualem largior: письмо есть из деревни, да завтра пошлю.*

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 119–120).

¹⁴⁷ Лист поврежден. Здесь и далее в угловых скобках отмечаем места, которые не удалось прочитать.

<58>

<8.9.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

С каким прискорбием должен я иметь перед собою изображение вашей печали! И в день, в которой должно радоваться, я и уговорить себя, чтобы вы не предавались скуке, я пишу в день вашего рождения. Зачем я не в Твери? Но мое счастье, такое, что оно все случаи, скольконибудь лучшее обещавшее, нарочно перерывает. Поздравляю вас, милостивой государь батюшка! с сим днем, всегда почтенным, всегда любезным. Но поздравляя вас, прошу нижайше, не предавайтесь вашей печали. Мы чувствуем ваши родительские милости: они более, нежели мы требовать можем, более, нежели бы наши попечения могли предвидеть; но со всем тем, они будут несовершенны, ежели вы себя не побережете. Я не могу вас ни разговорить, ни утешить, и мое короткое и неважное писание недостойно заслужить ваше внимание; так, по крайней мере, хотя сестрица с вами, не откажите ей себя скольконибудь развеселить. Одно ваше великодушие уже довольно вас утешить: более трех лет бытия вашего здесь, мне позволено будет сказать, добродетель ваша была вашим утешителем. Сколь спокойно вы их проводили! Самое завистное счастье не могло бы быть лучше препровождено. Нрав ваш — лучшее ваше счастье; и когда я это вспомяну, тихие, нелестные, восхитительные слезы текут из глаз моих. Мне не стыдно то говорить, что чувствую, и похвалы только тогда хулы достойны, когда они ласкательства. Милостивой государь батюшка! вас хвалить почтиаю я себе за добродетель, ежели я какойнибудь способен. Ради бога! не дайте преодолеть себя печалям. Все переменяется, все перетерпевается, лишь только то нет, чего мы терпеть не хотим. Я не смею вам припомнить, что бог все видит и обо всем печется, вы знаете это более меня. Мне осталось только просить вас нижайше, чтобы вы для нас бедных не печалились. Третьего дня, то есть 6 числа <6 сентября 1776> изволила Государыня иметь въезд свой в город. Не доезжая полку, пересаживались в нарочно

вывезенные парадные кареты, которых числом было 13. Народом были все улицы полны: кареты тихим шагом шли и вокруг бежали люди. Прямо в Казанскую. А между тем у театра с самого полудня уставлено было каретами: Великий Князь <Павел Петрович> уж поздно к вечеру изволил провести Великую Княжну <Марию Федоровну> в театр. Представляли русские *Нанину*¹⁴⁸ и петит-пьесу *Говоруна*¹⁴⁹. Большой балет новоприезжего балетмейстера Анжиолини¹⁵⁰ и очень хорошая музыка. Вчера, как сказывают, был бал, а нынче должно бы брать городок, но с самого утра сильной дождь и пасмурная погода. Великая Княжна очень пригожа и пригожее, кажется, Натальи Алексеевны. Еремеев мой меня водит, как больше быть нельзя, теперь только был у меня подьячий, которой завтра пойдет к нему с инструкцией. Я посылал за ним еще Демку. Ванька по утру нынче был у него и дожидаться ответу не мог. Молчит, как бесстыдная статуя, что ему ни говори. И за Николаем, стряпчим, посылал уже я, но он в Кронштадте. К Вагину часто ходит Демка, скоро обещает и говорит уж, что нашел, но будто работы ищут. Завтре пойдут от меня и к Вагину еще, и я попрошу его, не может ли он переслать ситц. Впрочем, нижайше прося вас, батюшка, не отвергать мои просьбы и, желая здравствовать, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Сентября 8 дня

Санкт-Петербур<ург>

¹⁴⁸ «Нанина, или побежденный предрассудок» (1749) — пьеса Вольтера. В 1765 г. ее перевел на русский язык И.Ф. Богданович.

¹⁴⁹ Речь о пьесе Л. Де Буасси «Le Babillard» («Болтун»). В 1765 г. ее «переложил» В.И. Лукин («Пустомеля»).

¹⁵⁰ Г. Анджолини (1731–1803) — итальянский балетмейстер, хореограф и композитор; с 1766 г. — руководитель Императорского театра. См. также примеч. № 137.

Извини, матушка сестрица! что писать к тебе некогда. Ah! l'image de votre douleur m'afflige infiniment: vous êtes très sensible et qui ne l'est pas? mais il ne faut pas succomber au malheur, à l'abbattentent. Toute jeune, que vous êtes, la tristesse usera les forces de votre âme. Une fleur épanouie, ouverte à un vent impétueux, se sanc. et tombe.

К Татьяне Петровне послано от меня письмо братца ее на ямской почте. Не знаю ли, получили ли?

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 109–110).

<59>

<13.9.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Здоровы ли вы батюшка? я еще не получаю вашего письма нынешней недели, но ожидаю сегодня. На прошедшей почте вы изволили упоминать о письме к Наместнику <Сиверсу>, посланном с курьером. Я его не получал и не знаю. С кем вы изволили послать и куда? для того, что я мог бы справиться. Вот уж день, а еще не еду: пашпорт в руках, должен буду ждать, покуда Еремееву угодно. Посылки уже были и по инструкции ходили три раза. В последний и кафтан, в котором выезжает, и парик нашил дома. Рапорт вот уж с пятницы, как не подают: подьячий, которому дана инструкция, великой бездельник, перебрал у меня рубль денег и пришел недоволен тем, с обманами, будто кто то из его знакомых берется поймать Еремеева, живучи возле его близко, только бы я дал ему наперед денег. А мне известно, что подьячий сам живет под Невским и, может, еще вечером дал ему знать убираться, когда ходил к нему с инструкцией. Какое же бесстыдство в просьбах? Даже что получается, за этого своего знакомого обещает дать письмо и заговаривает, что к тому же скоро нам жалованье выдадут. Можно ль открытнее напрашиваться? В другой раз, прежде того, пришел не знаю с какими лясами и обещавши мне горы золотые, мя было еще, говорит, *была нуждица до вас, да грех так и быть; скажу человеку ва-*

шему. Что ж? нуждица в том, чтобы я рубль дал. Я эдакого нахальства и не видывал. Призывал и Николая стряпчего, спрашивался у него и просил, чтобы он ходил по магистрату; говорит, что некогда, дела своего много в Адмиралтействе и инде. Нынче просил я и судей, чтоб публиковать через Полицию и припечатать в газетах, при том же послать к нему еще с командой эскутора обещали, да секретаря, у которого дело наше, нынче в магистрате не было, а завтра праздник, так отложено до четверга. Третьего дня был у нас маскарад, и я с Никитой Романовичем <Рожешниковым> по милости Матрены Дмитриевны <Бастидон> в ее карете ездил. С четыре тысячи билетов выдано было. На канун того брали городок, но Государыня <Екатерина II> не изволила присутствовать, ниже Великий Князь <Павел Петрович>, а только смотрел князь Григорий Григорьевич <Орлов>. На той неделе во вторник был бал при дворе: Государь открыл его с герцогиней Курландской¹⁵¹, которая живет уже в Петербурге, по приказанию Государыни, и великая Княжна с Князем Александром Алексеевичем Вяземский, потом с Иваном Григорьевичем Чернышевым. Как вы изволите провождать время в Твери? не печальтесь, батюшка, и не скучайте, я не знаю, имеете ли вы компанию, но дома сидеть еще пуще скука. Я прошу бога усерднейше, чтоб он сохранил ваше драгоценное здравие. Все желание мое, увидеть вас в добром здоровье и удовольствии: естли ж нельзя так скоро увидеть, хоть услышать. Я прошу вашего родительского благословения и с почтеннейшею преданностию остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Сентября 13 числа
Санкт-Петербур<ург>

¹⁵¹ Е.Б. Бирон (1743–1780) — дочь князя Б.Г. Юсупова и И.М. Зиновьевой, вторая жена курляндского герцога П. Бирона.

Имею честь поздравить вас батюшка с наступающим днем ангела вашего и желаю преп<р>оводить в веселье и удовольствии.

Матушка! Сестрица! что я ето от вас нынче и письма не получаю. Etes-vous en bonne santé? ou peut-être en colere contre moi? Ah! ma chere soeur! que le ciel propice m'en préserve. Vous m'avez assuré, que vous m'aimez, pourrais-je m'avais trompé? Non, je dois plutôt craindre, que vous ne soyez plonges dans la tristesse. Au nom de Dieu! Faites de votre mieux, la consolation de notre cher père: je crains trop pour lui. Demain je vais chez le gouverneur. N'en tirerois je point un mot? J'ai quand je vous verrai? C'est ce que je ne fais pas et un chacun, qui me demande, quand est-ce je pars, je réponds, que me voila tout prêt, mais Dieu sait quand. On a apporté de Mad. de Bastidone une saque pour trois cent roubles. On travaille déjà les pendant, et même à condition, qui s'ils ne vous plairont pas, vous aurez faut droit, de les <нрзб>. Vendredi passé, les acteurs français ont joué le glorieux. Mes compliments à Tatiane Petrovne. Favori, s'il pouvait parler, vous assurerait avec combien de... C'est assez, il faut que ce sait moi qui vous assure, qu'il voudrais un partir pour Twer, s'il est vrai, qu'il est des mes amis. C'est bien dommage, que je ne connais point bijou, pour lui rendre mes respects. Mais, si je m'en crois; j'ai trop parlé des chiens, en écrivant à ma soeur. Vous me pardonnez si je suis digne du pardon: m'en aimeriez vous moins? Je ne le sais pas. Ma chere soeur.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 107–108).

<60>

<15.9.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Имею честь поздравить усерднейше с вашим праздником и желаю преповодить его благополучно и весело; вы изволите писать ко мне, чтоб я, поручивши дело Николаю, под смотрением Федора Михайловича <Колокольцева>, сам ехал

в Тверь. Я прежде уведомлял вас, что Николай занят, однако я еще за ним пошел. Я нынче был в магистрате: секретарь говорит, что я де слышал партикулярно, что Еремеев собирает и занимает деньги, чтобы вам заплатить. Этого, кажется, недовольно, я просил, чтобы послать экзекутора, говорит, что не можно. А судья мне обещал прежде. Нотариус, естли не найдем, кому поручить, обещается сам взять с Еремеева и заплатить наш долг. Сам пятьсот рублей своих хочет покуда дать и остальные перевести. Не знаю, что делать: уверяет, что у него уж полторы тысячи собрано. Я просил его послать и нынче к нему, он обещал. Так я посмотрю еще и съезжу хоть завтра кое к кому к судье. Вагин уж и дома иногда не показывается. Теперь только Демка пришел с биржи: мы сами ищем, с кем послать. Есть извозчики, да из городни, Массальские и прочие соседственные. Вчерашний день было миропомазание величественное, а нынче в вечеру, в 7 часу обручение. По воскресеньям, сказывают, будут маскарады. Вчерась был я у наместника <Сиверса>, спрашивал о вас, скоро ль я поеду, сказывал, что и сам всякой день собирается ехать. Я не успел говорить подробно, затем что были люди, и он с женой собрался во дворец. Михайло Федорович Соймонов едет недели через две в Москву и потом в чужие края. Я еще на неделю здесь остаюсь и ежели увижу, что мои усилия тщетны, так лучше отправлюсь в дорогу. Я слышал здесь весть, основательную или нет, будто подполковник <Репнин> хочет отчислить сто сержантов и их оставить при полку, прочих выпустить в армию в прапорщики. Впрочем желая, милостивой государь батюшко, здоровья и благополучия и прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Сентября 15 дня

Санкт-Петербур<ург>

Матушка сестрица! покорно благодарствую за твое послушание: я его не стоил. Я рад и очень рад, что мои желания находят в тебе столь скорого их исполнителя. Одно меня печалит, что ты не весела, естли хочешь меня уверить, что ты и впрямь меня слушаешься, так ты должна быть весела и утешать батюшку. Я льщусь, что по крайней мере сегодня что нибудь и кто нибудь у вас есть: неужели это не так? Эта мысль делает во мне уныние. Ты меня упрекаешь, что будто я тебя лишь хвалю. Прости, сударыня, *une ame délicate, il est vrai ne sent, que, trop la mesure de la louange et du flâme, mais j'ose avancer, que dans le cas ou nous en sommes, elle ne se paraît assez <нрзб>.* L'essai de votre traduction, ne manque, que par le peu de patience. Les deux vers du commencement, sont d'une tournure exquise. Je voudrais entrer en lue avec vous, mais le temps me caresse et... jusqu'a revoir. Vous verrez beau jeu.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 111–112).

<61>

<18.9.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Наконец отправляю я свой обоз, мы уж устали ждать, покуда Вагин сыщет и приискивали сами. Вчерашний день наняли Клинского уезда крестьянина Ивана Антропова, которой при пивном обозе, идущем в Москву, отправляется на своей паре в двух роспусках. Мы уговорились с ним за семнадцать рублей с четвертью. Отправлено на одном возу бочка с сахаром, где десять пуд его, коробка с книгами, ящик письменной, в нем книги, а наверху две штуки батисту, одна штука камертону и ситц. В перегородке тут, в нижнем ящичке, ключи от серебряного сундука, от сундука большого с книгами, а от него ключ в ящичке камеры обскура в углу под картинами. Ящик же сам обернут в мешок и сзади бочки с сахаром привязан. На другом возу серебряный сундук, от которого ключ, как прежде упомянуто, в письменном сундучке, сундук большой с книгами,

от которого ключ также в письменном сундучке, потом ящик с кофе, миндалем и русским черносливом и еще другой ящичек с французским черносливом. В большом сундуке с книгами поставлен маленькой дощаной ящичек, где масло прованское, каперсы, оливки и баночка анчоусов. Притом же моя кровать, лукашкин ящик, пашпорт извозчиков прилагается при сем письме. А для предосторожности взял я при обозе отставного солдата Афанасья Разторгуева, которой отпущен к своему барину Марку Федоровичу Полторацкому и которой будет подателем сего письма. Ему бы надобно было только до Торжка, Николай нам его представил, и мы обещали, что вы изволите его отправить на его место. Нынешний четверг было при дворе обручение Великой Княжны <Марии Федоровны> и в вечеру бал. Впрочем прося вашего родительского благословения и желая здоровья и благополучия, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Сентября 18 дня

Санкт-Петербур<ург>

Матушка сестрица! Желаю тебя увидеть в добром здоровье поскорее и вот задаток своего приезду. Как то будешь ты разбираться в моих книгах. Ты рассердишься, что не найдешь еще всех книг, которых бы хотела. Прости сударыня, у меня еще их осталось десятков шесть.

Роспись

отправляющегося с клинским крестьянином, извозчиком Иваном Антроповым в город Тверь экипажу действительного Статского советника и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателя, Никиты Артемоновича Муравьева, с отставным солдатом Афанасьем Разторгуевым

1. Сундук большой с книгами,
2. Сундук окованой с домовою посудой,
3. Сундучок с книгами и письменными делами,
4. Бочка с сахаром,
5. Коробка с книгами,
6. Ящик с черносливом и кофеем долгой
7. Еще ящик с черносливом
8. Ящик с платьем,
9. Ящичек маленькой с зеркалом,
10. Железная кровать

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 113–114).

<62>

<20.9.1776 г.>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Нынешний день получил я с величайшим удовольствием ваше милостивое от 14 числа письмо. С начала оного изъясняться изволите, что ваше огорчение вас менее трогает, я это слышу с величайшею радостью, естли прямо так. Но к чему хотеть, чтоб я его не знал или, как вы изволите говорить, что сожалеете, что напрасно ко мне писали? Может ли быть это напрасно и должен ли я не брать живейшего участия во всем том, что вас и, следовательно, нас касается? Мое желание есть, как можно скорее вас увидеть и иметь щастие говорить изустно. Я думаю, что я и не замедлюсь. Письмо к Федору Михайловичу <Колокольцеву> отнесу я завтра, чтобы слышать наперед его отзыв. Он уж и прежде хотел поговорить с секретарем. Естли уж возьмется, так я не знаю, надобно ль будет относить другое письмо к Сергею Александровичу <Хотяинцеву> потому, что они оба равносильны и одинаковы. Сергей Александрович <Хотяинцев> во все время, недели с четыре, был нездоров. Подполковник наш <Репнин> вчера был в школе, а Сергей Александрович <Хотяинцев> не выходил, вместо которого был <Е.Ф.> Кудрявцов. У меня <нрзб> был нотариус

Десятников справить с Еремеева и давал наперед своих денег 500 рублей, которые бы взнестъ в число нашего долга Кургановскому. Я не знаю, не сомнительно ли это, а то можно было и так сделать. Обо всем этом поговорю я с Федором Михайловичем <Колокольцевым>. Бракосочетание великого Князя <Павла Петровича>, как слышно, будет 26 числа, что уже, как думаю, вам известно. Миропомазание было 14 числа, а обручение 15. Никита Романович <Рожешников> на нынешней неделе едет в Олонец, а оттуда в Сибирь и в конце мая месяца будущего года в немецкую землю. Ныне при дворе бал. Николай Александрович <Львов> на сих днях поедет в Париж, Мадрид и Лондон. Впрочем, с усерднейшею моею преданностью прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Сентября 20 дня

Санкт-Петербур<ург>

Обоз с серебром, с книгами, с сахаром, кофеем, черносливом и пр., также ситц, батист, камертух отправил я 17 числа с клинским извозчиком Иваном Антроповым. Для лучшей безопасности взял я отставного солдата, которой отпущен к своему барину Марку Федоровичу Полторацкому, именем Афанасья Разторгуева. Уговоренность у нас было прежде за 17 рубл. С четвертью, но как все положили на возы, таку сказал, что он не поедет, ежели не дадим 18 руб. Мы хотя и торговались, однако цены не сбавили.

Матушка сестрица! ты что-то такое написала, что меня frappe d'effroit. Il faut que je relise votre écriture Je ne prévois rien dans l'avenir, qui me puisse <нрзб>. Voilà quel est mon état! Je ne puis me persuader même que je vous revoie Dieu! est état est affreux. Vous portez vous bien? — Je ne désire rien autant, que de vous revoir

le plus vite, que je puis, et après cela vous me pouvez dire: не печалься, ежели ты меня любишь. Adieu, ma chere! Quand pourrois-je dire: здравствуй. Je vous souhaitez de me voir, ayez soin de votre santé, de cela de notre cher père, de la tranquillité commune. Adieu ma chere

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 117–118).

<63>

<22.11.1776>

Милостивой государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Здоровы ли вы батюшка и веселы ли; а я, слава богу, и здоров и весел и в Москве: я приехал сюда нынешний день по утру, то есть во вторник: а не так, как думали в понедельник. Стал теперь у Петра Семеновича <Муравьева>, которым я чрезчур доволен. Приехал я по утру в шестом часу в исходе и стал в Тверской Ямской на постоялом дворе; там немножко обогрелся, причесался и послал Ваньку на двор, проведать встал Петр Семенович <Муравьев>. Туда ко мне пришел и Ванька долгой, и я со всем домом поднялся. Приехал: Петр Семенович <Муравьев> убирался ехать в собор на панихиде царской и принял меня так ласково, как больше быть нельзя: отвел мне маленькую горницу, где у него кабинет был; не ту где я жил, а ту, что прямо из столовой. Я послал между тем к священнику Божedomскому Ваньку долгаго. Священника дома не было и обедню не служили: через то был я принужден, отложить сие до завтраго. Убрался и пошел в Университет. Нашел его, кое-как. Какие это переулки! самая большая улица Никитская, такими кривулинами: однако все что-то придает величественной и русской, больно русской вид или уж потому то, что Москва. Вошел в Университет, и как то мы с Ванькой попали не туда. Через большую Аудиторию, где бывають собрания, да наверх: тут какой-то профессор читал. Вошел в классы. Мне показалось, хлевы. Вот что зделал Петербург: прежде мне казался Университет примером великолепных зданий, а теперь немножко, но меньше. Учители все незнакомые:

дошел до <Ф.> Гелтергофа; старик меня не узнал, сказался ему, он чуть-чуть помнит, говорит, что старится и забывается, сажал меня и говорил очень с великим удовольствием, хвалил, что будто я хорошо говорю по немецки. Каково ж это от древняго учителя. Оттуда пробрался к профессору Росту в Аудиторию и слушал его лекцию до звонка. Он просил меня, естли хочу продолжать ходить к себе. Он говорил об архитектуре. От него прошел я к Барсову. Тот было меня не узнал, а прочетши письмо, очень ласково принял и говорил очень хорошо. Я им доволен. Посидевши у него с час, да на Астоженку <так>. Там я не застал Федосьи Алекс.¹⁵²: она в деревне. Оттуда к Анисиму Титовичу <Князеву>: его дома не было; так я остался у Арины Афонасьевны¹⁵³, и та, было, не узнала. У ней обедал. А теперь думаю ехать к Василью Ивановичу Майкову. Не знаю, застану ли. Здесь извошки, не как в Петербурге. Естли мало, так для ради Христа просят. Я прошу вас, милостивой государь батюшка не скучать и не печалиться: естли мне все дни будут таковы, как и нынче так я очень весел.

Сестрица матушка, голубушка пожалуй не скучай и веселись, затем, что я весел. Я не знаю разберете ли вы сие письмо: у меня в горнице столика нет, так пишу на постеле.

Татьяна Петровна голубушка будь весела и других весели.

Я прошу бога, чтоб дал вам всем здравие и благополучие, как мне и более и заключаю, прося, батюшка, вашего отеческаго благословения

ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776 года

Нояб<ря> 22 ч<исла>

¹⁵² Федосья Алексеевна — родственница Муравьевых (см.: [Письма, с. 363]).

¹⁵³ Московская знакомая Муравьевых (см.: [Письма, с. 352]).

На место Лунина¹⁵⁴ президентом в вотчинную Коллегию Михайло Михайлович Салтыков¹⁵⁵.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 1–2).

<64>

<24.11.1776>

Милостивой государь мой батюшка!

Никита Артемонович!

Нижайше благодарствую за ваше милостивое писание которое я получил вчерашний день исправно. Я, слава богу, здоров. Делать, еще ничего не делал, а все разъезжаю. Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василью Ивановичу Майкову, которой приказывает вам свое почтение. Он меня принял по прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич Волков¹⁵⁶, которые сбирались тогда в клуб, котораго Василий Иванович Майков директором. Он же заводит концерт. Ночью, так уж, перед утром, я сплю, стучатся, говорят Захар Матвеевич <Муравьев> приехал. Он из Суздали, батюшкою своим <М.А. Муравьевым мл.> для некоторых покупок на неделю места сюда отправлен и с неделю, а может быть, и более здесь проживает. Стать со мною вместе, показалось мне, что будет много требовать от Петра Семеновича <Муравьева>, да и он же от батюшки к одному знакомому адресован, где он и стал. То утро был я на гробе у матушки и служил обедню. Священник приказывает вам свой поклон. Спрашивал, где вы теперь и как живете. Оттуда поехал было я к Петру Алексеичу Протопоп<ов>у за Москву реку; да его дома не застал. От него к Василью Ивановичу <Майкову> обедать: у него застал

¹⁵⁴ М.К. Лунин (1712–1776) — русский государственный деятель, тайный советник, в 1760–1776 гг. — президент Вотчинной коллегии

¹⁵⁵ Приписка на адресе: Иван Петрович будет стоять за Яузой рекой в доме Князя <нрзб>.

¹⁵⁶ А.А. Волков (1739–1806) — военный и государственный деятель, генерал-поручик, сенатор.

Десницкаго и Афонина, профессоров, которых он заставил, одного живущаго с ним офицера, читать перевод своих *Превращений*¹⁵⁷. Весь вчерашний день провели мы в чтении, и я читал после Василью Ивановичу несколько из своей Трагедии и он просил меня еще приехать с нею. По утру нынче это праздник. Я пошел к Владыкину Алексею Алексеевичу¹⁵⁸, у котораго дочь имянинница, а он не здоров. Он был очень рад: вы его изволите знать, так и представить можете его разсуждения. Он советует дом продать, для того, что много земли отходит: а починить дескать кровлю, только стоит, что нибудь сунуть капитану полицейскому. Он всю полицию честит и бог знает как! От него поехал я к <М.М.> Хераскову, котораго приемом я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стишки к нему¹⁵⁹, которые у меня видал, разспрашивал у меня, что я делаю, разговаривал и разсуждал со мною с такою ласкою и кажется откровенностию, что я довольно благодарить не могу. Просил меня к себе отобедать: уж в приезд мой, в самой тот же день, как я приехал, знал через Афонина, которому, видно, сказывал Антон Алексеевич <Барсов>. Обедал я нынче у хозяина. Вот моя история: простите меня, что я не успел испустить блесток. Завтре неотменно. Сестрица будет на меня гневаться, признаться, я не забыл, однако заездился. Купца, нашего соседа призывал, он приходил и рассказывал цены, как блесток, так и канители, но сам покупать, за недостатком времени, отказался. Блестки по 40 коп. золотн. а канители по 37 к. Мату он совсем не знает и не слыхал. Не крученное ли золото? Фольги также он, почему покупается, не знает. Маскерады здесь не начались, а театр закрыт. Нынче <М.М.> Херасков сказывал, что он откроется 11 числа декабря его оперетою, и после предста-

¹⁵⁷ [Овидий].

¹⁵⁸ А.А. Владыкин (1718–1788) — помещик, учился в Шляхетском сухопутном кадетском корпусе (1732–1740), известен по переписке с А.Т. Болотовым.

¹⁵⁹ Возможно, имеется в виду стихотворение Муравьева «На «Чесмесский бой» [Муравьев, 1967, с. 129].

вят *Мстислава*¹⁶⁰ и закроют опять. Я покорно прошу, батюшко, быть веселыми, а я, слава богу, весел, я спешу на почту. Дмитрию Васильевичу свидетельствую почтение. Впрочем, желаю здравия и благополучия вам остаюсь на всегда

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Ноября 24 дня

Москва

Матушка сестрица! будь, пожалуй, весела, когда ты меня любишь. Я думаю, что нынче же буду у Ридигера¹⁶¹ и о твоём переводе уговорюсь с ним¹⁶². Голубушка, ты меня любишь, так, что я тебя еще более люблю. Матушка будь весела и не столько чувствительна или будь. Я не должен тебя учить: *aimez-moi seulement et me corrigez. Je suis toujours un freluquet*, я шалун, а ты уж нет. Матушка прощай. Татьяна Петровна, благодарствую за твое, голубушка, приписание: Шорт здесь. Будь весела. Фавушке, Судьбинскому сыну Таратурушки <?>. Я завтра буду обедать у <В.И.> Майкова, а послезавтра у <М.М.> Хераскова, а блестяшки пожалуйста погодите.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 3–4).

<65>

<28.11.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Нижайше благодарствую за ваше милостивое писание, которое я нынешний день получил от Ивана Петровича Чадаева: я

¹⁶⁰ «Мстислав» — последняя трагедия А.П. Сумарокова, премьера которой состоялась в 1774 г.

¹⁶¹ Видимо, речь идет о Христиане Ридигере, переплетчике и книгопродавце книжной лавки при Московском университете.

¹⁶² О каком переводе идет речь, пока не ясно.

не успел еще с ним видаться, завтра <...>¹⁶³ у него буду. Он живет за Яузой у брата: с ним отправлю я блески и прочее, которое хотел было нынче послать на почте. Нынешний день, обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьяго дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего *Болеслава*¹⁶⁴ и переводных Елегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович <Майков>, в стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Элегии мои ему очень нравятся, и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, которого он не любит. Завтре ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою *Руссиаду* <так!>, эпическую поэму, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенадцать. Он ее четыре года уже делает. А недели через две последует в Петербург. Нашего Петербургскаго повереннаго зовут Григорьем Кирилловичем Травинкиным; он капитан при учрежденной при дворце Коммисии о Коммерции, в должности эсекутора. К Лукашке в Суздаль и Макурово уже я писал: думаю, что Макуровския будут будущее воскресенье: вчерась Ванька долгой и Гараска выходили в Таганку, но наших мужиков не было, а были их соседы, что с ними через поле. Я уже говорил <А.А.> Барсову сначала, что бы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение, и он говорит, что с охотою примут. Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем¹⁶⁵ уже и воспользоваться силою <В.И.> Майкова и <М.М.> Хераскова. Впрочем, и <А.А.> Барсов ко мне очень благосклонен. Я думаю, где напечатать маленькое собрание од и пр. К дядюшке Дмитрию Васильевичу <Камынину> я ездил, и он разпрашивал меня о Тверских обстоятельствах; проговаривал, *не лучше бы*

¹⁶³ Край листа поврежден.

¹⁶⁴ «Болеслав» — неоконченная трагедия М.Н. Муравьева, над которой он работал долгие годы (см.: [Топоров, 2001, 1, с. 29-302].

¹⁶⁵ Край листа надорван: не ясно, есть ли слово в начале строки, видимо, нет.

было Дмитрию Васильевичу поехать в Калугу, а не то де, так уж и я стар, чтобы и в отставку итти. Вот что я от Василья Дмитриевича слышал, я к нему еще заеду с письмами. Михайло Никитич очень ласково со мной поговорил и приказал мне еще перед отъездом побывать, чтобы поговорить о вас. Он готовит фейерверк: при открытии будет Театр и <нрзб>, <нрзб>. Петр Семенович <Муравьев> проговаривал, *не продадите ли вы дому и за сколько. Батюшка*, говорил он, *изволил ко мне писать о том, да я спрашивал у него цены, а он на меня полагался*. Таким де образом я и не мог подробно знать. Когда изволили приказать, батюшка, чтобы я был: я всегда готов. Покорно прошу вас батюшка, чтоб вы не изволили скучать, а естли вам скучно, прикажите, чтобы я был. Впрочем, желаю от сердца моего вам здравия и благополучия, прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Ноября 28 дня
Москва

Матушка, голубушка сестрица! голубушка, je baise ta main, je prens ta lettre, car je mets la plume à <...>¹⁶⁶ sur la table... je la baise, ta lettre. C'est toi qui <...>¹⁶⁷ et je t'aime матушка. Что ж я тебя новенькое напишу? Что я завтра буду буду читать *Руссиаду*; это я писал. Мих<аил> Матвеевич <Херасков> требует, чтобы я сказал свое мнение, как он мне свое, je defere, dit-il, trop <...>¹⁶⁸ jugements des jeunes gens. Я обедал у них с Елисаветой Васильевной¹⁶⁹: c'est sa femme, qui est aussi <нрзб> et on raisonna

¹⁶⁶ Лист надорван

¹⁶⁷ Лист надорван.

¹⁶⁸ Лист надорван.

¹⁶⁹ Е.В. Хераскова (1737–1809) — русская поэтесса, жена М.М. Хераскова.

serieusement à la table, et sur <...>¹⁷⁰ donc? sur *Semire*¹⁷¹. A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur *Semire*, il l'analyse, il fa<ut?> voir les beautés de la Tragédie et quelques défauts. <нрзб> Характер Оскольдов, по Волтерову не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могли спасти жизнь свою унижением перед <нрзб>, лучше хочет умереть нежели пасть перед <...> а после, хочет избавление свое из темницы <...>, подлости, обману и любви сестриной. Я не <...> но купил последнюю Волтерову Трагедию *Les Loix de Minos ou Asterie*. Слабехонька! Она делана в 1773. Я тебе купил блесток № 3 <нрзб> по 110 к. лот¹⁷², еще блесток №2 два лота, потомуж, бить два золотника 60 к. фолги, такой как знаешь, пять листов по 120 к. лист. Мату¹⁷³ 2 золотн.<ика>¹⁷⁴ по 110 к. и канители тож золотн.<ик> Du tard еще не купил, а куплю я тюк сена и овса и дров и <...>. Mais ne vous ennuyez pas. Татьяна Петровне поклон, Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> хочет прискакать в Тверь вас катать. У него лошадей тьма.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 5–6).

<66>

<1.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Как вы изволите жить и весело ли вам? Я с приезде моего получил от вас токмо два письма. Одно по почте, другое с Иваном Петровичем Чаадаевым, котораго вчерашний день я обедал. Захар Матвеевич <Муравьев>, нынешний день, поехал в Суздаль. А я нынче весь день собираюсь и никуда не еду. Тре-

¹⁷⁰ Лист надорван.

¹⁷¹ «Семира» — трагедия А.П. Сумарокова (представлена в 1751 г.).

¹⁷² Лот — вес, составляющий 3 золотника, 12,79725 г.

¹⁷³ Мат — мутная гладь, затих, туск в работе, особой золотой и серебряной [Даль, т. 2, стлб. 799].

¹⁷⁴ Золотник — мера веса.

тягодня в вечеру был у <М.М.> Хераскова и прочел четыре песни его *Руссиады*. Вот моя история. Лукашка еще не бывал, и мужики так же: как изволите приказать, дожидаться ли их или нет? Сестрице я уже все искупил, блески, канитель, мат, фольгу, бить¹⁷⁵, всего на 19 руб. 34 к. Следовательно, для покупки медвежат останется не много. А я сколько справлялся о них, так вот что знаю: самыя малыя, то есть такія, у которых уж ось есть по три и по четыре рубли, но собрать их вдруг негде, а разве порознь и помаленьку. А муравлят¹⁷⁶ таких которые по больше, рублей по пяти или и больше так те тяжеле. Не отменно рублей пятьдесят надобно. Зделайте милость, батюшка, и уведомьте меня о себе: я здесь новаго ничего не знаю и хотел бы поскорее вас увидеть. При сем свидетельствую мое почтение милостивому Государю моему Дмитрию Васильевичу <Камынину>. Сестрицын перевод отдал Ридигеру, которой он взял печатать: ему также хочу я отдать и свое маленькое собрание. Милостивой Государь батюшка, я хотел бы что нибудь такое написать, чтобы засвидетельствовало вам мое нижайшее почтение и любовь, но я столько полагаюсь на вашу милость, что и сомневаться в оной боюсь: не отнимите от меня вашей драгоценной милости. Я не знаю, чем бы я мог вам угодить и нахожу себя не зная что-то не полезным. Напишите мне долг мой. Я с нетерпеливостію ожидаю письма вашего. Для меня Москва пуста. Никаких публичных увеселений здесь нет: по крайней мере, я нигде не слыхал. Клоп здесь есть, да в него впускаются только записные, также и Концерт. Театр откроется 11 числа. Впрочем, прося вашего отеческаго благословения, желаю вам сердцем моим здравия и благополучия, остаюсь на век мой

Милостивой Государь батюшка

Ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

¹⁷⁵ Бить — тонкая расплюснутая золотая или серебряная проволока, употребляемая в золотошвейном производстве.

¹⁷⁶ Муравлять, муравить, муравиться — покрывать муравною, глазурию.

1776 года
Декабря 1 дня
Москва

Это место¹⁷⁷ принадлежит Татьяне Петровне. Здравствуй, матушка. Шорт тебе кланяется: представь, что он едет теперь и трясется на кибитке. Хочет приехать в Тверь изподтишка на бегунах. У него лошадей пропасть: и всякой лошади по имени. Хочет тебя катать по реке. Это он написать приказал, а что вывалит, того писать не приказал. Прощай

Матушка сестрица: я хотел бы с тобою теперь поговорить, а ты не знаю, хочешь ли. Я знаю, что ты меня любишь. Твое чувствительное сердце провожало слезами брата твоего; так конечно оно его и дождется. J'ai donné un Rouble et demi pour une sabotière du rouge. Je ne sai s'il est bon ou non. J'ai oublié le quel est le meilleur celui dans les sabotière, ou dans les pots. Je marchand du moins m'a assuré, que la sabotière est d'y voire qu'il la fait venir de France. Je n'en fais rien. Десертные ножи мне велено купить: какие? вить не серебро, у меня теперь всех денег 11 Roubl. с копейки. Ужасно хочется купить кое какие книшки; да не на что. Ну! сударыня, я читал *Руссиаду*. Сюжет ея, завоевание Казани Иоанном вторым, писано очень хорошо; но я еще ее не дочитал, мы с ним попеременно читали. C'est un homme de grand merite: je lui fais obligé infiniment. Je sais, que vous vous vegenierez, ma chere soeur, quand vous saurez quelque chose, qui me rejouisse... Теперь со мной говорит Ермила, так не удивись, что я колоброжу. Просится домой и рассказывает, как он с бабой шел дорогой, с Полькой, и будто она его принудила за муж себя взять. Я взял у Михайла Матвеевича <Хераскова> одну новую эпическую поему *La Louiseide* какого-то Ле Жено¹⁷⁸. Да какой вздор! <М.М.> Хераск<ов> говорит, что он ее для смеху читает

¹⁷⁷ Рукой Муравьева очерчен прямоугольник.

¹⁷⁸ Клод Младший (Claude Le Jeune, 1528–1600) — французский поэт и композитор.

и второй песни прочесть не мог. Я несколько стихов тебе из ней напишу, чтоб ты посмеялась. Вот как он зачинает:

Je chante un Roi pieux, qui voulant affranchir
 Le sol, que de son sang, un Dieu daigna rougir
 Alla braver, d'un coeur saintement héroïque,
 La rigueur des tyrans et le <!> ciel d'Afrique.
 On trembla sous son bras, son bras porta des fers;
 Le barbare, interdit, respecta ses revers;
 Sa vertu subjuguait les âmes inhumaines,
 Des mortels assez vils, pour le charger de chaînes.
 Descends, guide ma main, saint objet de mes chants!
 Tout don nous vient du ciel, dont tu parcoures les champs.

Dans l'art de s'égorger, quoique ses noirs progrès
 Lui fassent mépriser, l'antique effet des traits;
 Assez d'horreur, pourtant, des batailles navales
 Accompagnoit dès lors les couronnes fatales.
 A travers la noirceur de fumeux tourbillons
 Que la flamme en furie ouvre en rouges sillons,
 Sans doute on n'eut point vu deux vastes forts mobiles,
 De tonnerres d'airain battre leurs flancs débiles¹⁷⁹.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 7–8).

<67>

<2.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!
 Никита Артамонович!

Вот я и еще пишу к вам на этой неделе: я не знаю, не поздно ли письмо это придет следующего моего; но я думаю, что нет. Эти

¹⁷⁹ Строки из поэмы «La Louiseide. Ou, Le Héros Chrétien» [Claude Le Jeune, vol. 1, p. 3, 65].

мужики везут к вам в Тверь девку и встретились на дороге с теми, которым отдано письмо от меня в Макурово для собрания оброка. Вчера или третьяго дня, конечно, уже оно получено. Нынешний день был я у Михайла Никитича Кречетникова. Тут никак проговаривали, что к 14 числу нынешнего месяца поедет в Калугу. Там видел и Василья Васильевича Рогачева, которой мне от вас кланялся. При мне приносили трон, которой еще делают, замки покупают, разчерчивают театр. Николай Сергеевич Титов из Калуги прискакал вчера. У них там соляной магазин преобращается в театр и расположен на пятнатцати саженьях. Мих. Ник. <Кречетников> просил отписать к вам, что будто ему самому неловко отписать, что он чрезмерно сожалеет, не будучи в состоянии вам зделать помочь. Естли бы да не было это в Наместничестве Якова Ефимовича <Сиверса>: так бы еще другое дело. *<нрзб> де батюшкин такой, что мне надобно докладывать Государыне; а Государыня изволит, чтоб мы сносились друг с другом и по общему согласью, а я де и так слышу, что Як<ов> Еф<имович> <Сиверс> на меня негодует, что я так много перевожу к себе. С моей стороны советую, де, батюшке, под каким нибудь предтекстом съездить в Петербург и мимоездом, что уже последнее дело, еще поговорить с Як<овом> Еф<имовичем> <Сиверсом>. А теперь де открываться будет Псковское Наместничество, где виц Губернатора нет еще.* Вот что я упомяну, собственные слова Михайла Никитича <Кречетникова>. Петр Семенович <Муравьев> приносит вам свое почтение. Татьяна Никитишна Нащокина кланяется Дмитрию Васильевичу <Камынину>. Вы, батюшка сударь, здоровы ли и веселы ли: я уж давненько писем от вас не имею: кроме двух, одно по почте, другое с Иваном Петровичем <Чаадаевым>, других не получал.

Впрочем, желая от всего моего сердца здравия и благополучия и прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года
Декаб<ря> 2 Дня
Москва

Матушка Сестрица! Я виноват, блесток не посылаю с мужиком. Я думаю, что он проедет медлительно. Да уж при том я просил Ивана Петровича <Чаадаева>, так показалось не кстати послать с другими. А Иван Петр<ович> <Чаадаев> едет в воскресенье. Будь весела, матушка, и своим весельем делай веселыми других.

Татьяна Петровна, здравствуй. Мы теперь спрашиваем у Гараски, узнала ли его племянница его, которую он называет сестрой, нет ничего, говорит, что и племянница. Почему я знаю? Отвествует Гараска; *как же?* — *да она не говорит, потупивши главу, глазами нос свой зрит.* У Гараски бурого мерина только выпустили на старости в поле, так и сломал медведь. А коняшка, по нашему жеребчик, умер. Пегую лошадь, как продавали, повели с двора, так заплакала. А как брата его в солдаты повели, так игрень¹⁸⁰ три раза чихнул и заметили, что не примут: так и сбылось.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 9–10).

<68>

<4.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Я только что хотел приносить мои жалобы, что вы изволили меня оставить уведомлением, как вдруг получил от вас письмо, которое меня наполнило радости и отдало спокойствие. Как могу я возблагодарить за ваше более нежели отеческое обо мне попечение? С Петром Семеновичем <Муравьевым> о доме говорить не премину. Его теперь дома нет и дома во весь день

¹⁸⁰ Игрений — конская масть; рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана [Даль, т. 2, стлб. 9].

не будет, я поехал по Варварам¹⁸¹. Я думаю и думаю <sic>, что не ошибусь, когда вообразу, что сестрица, по крайней мере, теперь только или поехала к Варваре Алексеевне, или окончила свой туалет. Вот уж первой час в начале, а я еще не еду обедать, а хочется быть у Михайлы Матвеевича <Хераскова>. При сем вы изволите получить мои покупки или, лучше сказать, при них письмо. У тетушки Дмитрия Васильевича <Камынина> я уж был, и к нему привезу письмо. Третьего дня поехали отсюда два Макуровский мужика с девкою: с ними мне покупок послать не вздумалось, за тем что уж просил Ивана Петровича. Сколько чего куплено, вы уж прежде знать изволите. А именно блесток по больше 3-го № куплено, 4 лота, а лот по 110 к., блесток № 8 взято 2 лота, та ж цена, мату золоти́ва 2 лота цена та ж. Канители лот. Также нити золотой 2 золотника 14 к. Серебряной две ж 60 к. да Александре Алексеевне Бахмеевой на рубль целой лот золотой нити. Фольги пять листов по 120 к. лист и того 6 руб. Также сестрице румяны, Татьяне Петровне ножницы. Вот и все. Вчерашний день, паче чаяния моего, по представлению единственно Антона Алексеевича <Барсова>, которым я так доволен как больше быть нельзя, принят я членом вольного российского собрания, где я и заседал. Тут читали некоторые манускрипты и после изъясняли слова в набираемом лексиконе. Профессор Чеботарев, так как секретарь, читал список слов, а прочие их толковали. Между тем Барсов, как безсменный секретарь, делал журнал заседания о моем определении, о прочем бывшем в присутствии. Мне теперь некогда писать, а завтра ж почта. С искреннейшею моею преданностию, прошу вашего родительского благословения, остаюсь на век мой

Милостивой Государь мой батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

¹⁸¹ 4 (17 н. ст.) декабря — день памяти великомученицы Варвары, возможно, с этим связаны помещения Муравьевым знакомых Варвар, среди которые, наверное, была и упомянутая в других письмах В.Н. Муравьева.

1776 года
Декаб<ря> 4 Дня
Москва

Сестрица матушка! Здравствуй. Вот уж я тебя. Эдак меня цыганит! Голубушка, будь весела. Я желал быть тебе сытой или бишь у вас поздно обедают. Видно, что мне хочется есть, что ум мой следует наставлению желудка, и воображение мечтает за пах пищи. И Татьяне Петровне кушать советую, но мне хотя бы и телятину. За Фавушку, пуще всего, телятиной <...>¹⁸² то, чем попало, накормит. И уставьте за зеленым сукном, белой бумаги лист, на стуле спокойно разлегшись... и... бред.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 11–12).

<69>

<8.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Прошедший понедельник я пропустил и не писал к вам, затем что прежде того случилось мне не один раз писать; да я же думал, что и Иван Петрович <Чаадаев>, с которым я отпустил блески и прочее, к тому времени подъедет. Нынешний же день слышу от приехавших из Твери Макуровских крестьян, что он еще не приехал, и разкаяваюсь, что с ними прежде не послал; так бы уж давно и было. Но неужто и теперя не приехал еще Иван Петрович <Чаадаев>? Он еще в воскресенье хотел отправиться в вечеру. Я с ним писал к вам, что я принят в здешнее собрание: так для этого, милостивой государь батюшка, я принимаю смелость по первому вашему позволению еще здесь пробыть несколько. На прошедшей почте послал я к вам письмо от Антона Алексеевича Барсова. Я должен признаться, что я им столько обязан и обласкан, что довольно изъяснить не могу. Его единственно представительство я и в общество принят, и кроме того, всегда

¹⁸² Край рукописи надорван.

меня и книгами ссужает и нынешний самый день, подарил для вас, слово которое он говорил на бракосочетание. По утру сегодня, был я у куратора Ивана Ивановича Мелиссино и у директора Михаила Васильевича Приклонского, которыми я очень доволен. Последний еще при первом случае отзывался, что вас довольно знает. Все наши профессора вам кланяются. Петр Алексеевич¹⁸³ нарочно для меня заезжал к Петру Семеновичу <Муравьеву>. Вчера по утру я у него был, и он мне подарил свой церковный словарь¹⁸⁴, Дополнение к оному¹⁸⁵ и изданный с его примечаниями Катихисис¹⁸⁶. Сумароков в наше собрание только за две недели до меня принят: он при первом заведении его вон выгнан, и долго бранился, а ныне опять просил, и в первое заседание всех переругал. Не случится ль мне его увидеть, в прошедшую субботу не был; у нас собрания по субботам. Теперь мараю кое что для прочтения в нынешнюю субботу. Здесь, тому уже четыре дня, как Макуровские мужики выпросили у меня к себе Гараску с тем, чтобы поставить его сюда, в 18 число, для того, что им скорее не можно. Так я уж покорно прошу, позволить мне остаться до тех пор, чтобы мне еще в двух заседаниях побывать. Покупки постараюсь исправить все: Петр Семенович <Муравьев> свидетельствует свою благодарность и почтение; что касается до денег, так когда я хочу и сколько мне понадобится, говорит, чтобы я брал, а деньги готовы. О доме говорил я с ним прежде получения письма в понедельник, но он что-то и на ту цену не согласен, для того что какое то место порожнее уступить ему хотят, и еще какой-то дом на Дмитровке ему дешевле кажется. Вы изволите писать просто дезертные ножи, так я куплю в деревянных черенках, а с меня уж и просили за дюжину 3 руб. 10 к. Если же не в деревянных, так

¹⁸³ П.А. Алексеев (1731–1801) — протоиерей московского Архангельского собора, лексикограф, член Российской академии.

¹⁸⁴ [Алексеев, 1773].

¹⁸⁵ [Алексеев, 1776].

¹⁸⁶ Возможно, имеется в виду [Алексеев, 1759]; «Сокращенный катехизис» Алексеева опубликован не был, т. к. не прошел духовной цензуры.

покорно прошу отписать поскорее. В это воскресенье будет здесь никак, оперетта. Здесь театр я очень дивлюсь, что не в великой чести. Сделайте милость, батюшка, и будьте веселы, я нижайше вас прошу. Я желаю от всего моего сердца, чтоб вы были здоровы и благополучны. Впрочем, прося вашего родительского благословения, с глубочайшею моею преданностью, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Декаб<ря> 8 Дня

Москва

Матушка Сестрица! Ты на меня разсердишься, что я еще остаюсь. Если ты очень хочешь, так я и приеду. Однако послушай: так то вить еще не куплен, так уж дай время, чтобы купить. А тут пойдут сборы, да переходы, дело торговое. Ты ко мне, сударыня, и не отпишешь, что вы делаете, как у вас что: а маскарады то сказывают же, что хромают. Где Алексей Минич <Муравьев>? и что он делает? Где Александр Федорович <Муравьев>? Дмитрию Васильевичу <Камынину> прошу засвидетельствовать мое почтение. А чтобы вас или развеселить или скучить, прилагаю список со стихов А.П. Сумарокова, ежели у вас их нет, на бракосочетание

Сион Московский озарился
Возводит очи, видит чад,
От всех сторон велики сонмы,
В веселии к себе идущих.
Недавно плакала Россия;
Россия ныне ликовствует;
Воскресла Павлова супруга:
Гласят Московския народы,
И плеском воздух проникают,
А ехо тоже повторяет.
Сион огнями украшенный

Внимает радостны слова
Да здоровствует Екатерина
Со Павлом и его супругой;
Мария прежнюю надежду
России ныне возвратила.
Завидуют Московски реки
Быстротекущей днесь Неве
Глася: ты нову зришь богиню
А мы о ней здесь только слышим;
Но слава много вображает
И похвалу разумножает
Вещая нам о красоте;
Но качества и хвальный те,
Мария нам надежда тверда
Она умна и милосерда¹⁸⁷.
А<лександр> С<умароков>

Пусть это разбирает со сна Татьяна Петровна, которой я все-
домовне кланяюсь.

Надпись

Вчера красавица, севодни ангел света,
Прах чистый, почивай легко Елисавета.
Горда для радостей единого часа,
Ты только зрела их, спеша на небеса.
Не держит смерть тебя в уединенье строгом:
Жила с невинностью; живешь конечно с богом¹⁸⁸.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 13–15).

<70>

<12.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Нижайшую мою приношу благодарность, за милостивое ваше
поздравление и письмо, которое я вчерашний день, по утру еще,

¹⁸⁷ [Сумароков, с. 172].

¹⁸⁸ Данный текст помещен на отдельном листе (л. 14).

получил от Гаврила Федоровича Гурьева¹⁸⁹. Вчерась был еще первой Маскерад в Москве и я был там. В нем виделся с Тверскими бывшими, между прочим и Гаврилой Федоровичем, с Небольсиным¹⁹⁰, Бахметьевым¹⁹¹ и пр. Третьягодня был я в нашем собрании и читал кое-что: Антон Алексеевич <Барсов> расписывал Материю, которая вместиť должно в четвертом томе Трудов общества. Моего тут будет напечатано, переводы и изтолкование несколько Од из Горация, Эпистола о щастье, перевод из Прозаических Клейстовых записок. А может быть, еще маленькой Трактат о различиях слога высокаго, великолепнаго, величественнаго, громкаго и надутого, которой я читал в собрании и которой, ежели печатать, так еще пересмотреть надобно. Вот о каких важностях пишу я к вам, батюшко что может быть вам и читать скучно. Я не знаю здесь ничего новенькаго и достойнаго уведомления. Я был в Университетской библиотеке, откуда и взял Гомерову греческую с Латинским переводом *Иллиаду*, Гезиода и Феокрита. Суббиблиотекарь, мой бывший учитель и нынешний профессор Чеботарев и Секретарь общества, до меня очень ласков и подарил мне *Российскую Географию*¹⁹². Михайло Матвеевич Херасков дни через два едет в Москву. Он на этой неделе ездил в Ростов. Некто Пономарев, которой учился со мною по французски у Котти, нынче Наместником в Троицкой лавре и скоро, может быть, будет Архерей. Как у меня все кстати приходит! как прочел, так удивился, нелепости своего письма. Простите мне, батюшка сударь, это и, ежели я вас смею просить,

¹⁸⁹ Г.Ф. Гурьев (род. ок. 1732) — офицер, с 1770 г. — капитан в отставке, в конце 1770-х гг. — прокурор Калужского губернского магистрата, в начале 1780-х гг. — советник уголовного суда Тульского наместнического правления, надворный советник. Подробнее см.: Гурьев Гавриил Федорович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Гурьев_Гавриил_Федорович (дата обращения: 27.06.2024).

¹⁹⁰ Скорее всего, А.Ф. Небольсин (род. до 1742) — тверской дворянин.

¹⁹¹ Возможно, Г.П. Бахметьев (1739–1797) — сын калужского помещика П.С. Бахметьева; но, может быть, речь идет о Г.И. Бахметьеве (1727 – после 1790), капитане Семеновского полка и помещике.

¹⁹² [Чеботарев].

не скучайте. Естли бы я мог быть в этом прямо уверен, так я бы был спокоен. Впрочем, прося вашего родительского благословения и желая вам здравия и благополучия, остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Декаб<ря> 12 Дня

Москва

Матушка Сестрица! Так ты скучаешь, et c'est ainsi, que cela va chez vous! Mais, on m'a dit, que vous vouliez aller à la compagnie. Est-ce vrai? Я точно в эту субботу или воскресенье выеду. Прости меня матушка, я знаю что тебе скучно. А я еще остаюсь. Отпиши голубушка ко мне, mais sincerement est-ce que vous allez quelque part en visite, ou bien à la M...audité <?>. Дмитрию Васильевичу <Камынину> прошу засвидетельствовать от меня почтение и благодарность за приписание; так как и Ивану Ивановичу. А Татьяне Петровне поклон.

[ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 16–16 об.].

<71>

<18.12.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!

Никита Артамонович!

Желаю вам всякого щастья и удовольствия, а я, слава богу, здоров, так как вам и Алексей Минич <Муравьев> скажет, у которого я теперь письмо сие пишу. Нынешнее утро отвозил я письма ваши к Петру Алексеевичу <Алексееву> и Антону Алексеевичу <Барсову>, которые вам свидетельствуют свою благодарность и почтение. Нынешний день ожидают сюда Платона Архерея¹⁹³. А я в воскресенье, конечно, поеду в Тверь. Дмитрий

¹⁹³ П.Г. Левшин (1737–1812) — митрополит Московский; с 1761 г. — ректор Троицкой лаврской семинарии, с 1763 г. — придворный проповедник и за-

Васильевич <Камынин> пишет ко мне, чтобы я от тетушки его, взял с собою мальчика. Что касается до покупок; так я еще их не исправил, а в эти дни, конечно, исправлю. Впрочем, прося вашего родительского благословения, с нижайшею моею преданностию остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776 года

Декаб<ря> 18 дня

Москва

Сестрица! Здравствуй, я скоро сам к тебе приеду: а шелку, право, еще не купил.

[ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 17].

Список литературы

Исследования

1. Зорин А.Л. «Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

2. Ивинский А.Д. Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 171–191.

3. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // *Avtobiografia: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. 2018. № 7. С. 193–247.

4. Ивинский А.Д. Круг чтения М.Н. Муравьева в 1770–1790 годах (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вольтеровские чтения. Сб. научн. тр. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2019. Т. 5. С. 235–257.

коноучитель великого князя Павла Петровича, с 1766 г. — настоятель Троице-Сергиевой лавры, с 1768 г. — член Святейшего Синода, с 1775 г. — архиепископ Московский и Калужский.

5. *Ивинский А.Д.* Письма М.Н. Муравьева К С.М. и Ф.Н. Луниным 1791 г. (По материалам ОПИ ГИМ) // Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 130–172. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0680-2>

6. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и Д.И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 4. С. 43–54.

7. *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42.

8. *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 5–52.

9. *Куниц Е.В.* М.Н. Муравьев — реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый Хронограф, 2018. 328 с.

10. *Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 328 с.

11. *Паикуров А.Н., Мясников О.В.* М.Н. Муравьев: Вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального ун-та, 2003. 128 с.

12. *Росси Л.* К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // *Slavica Tergestina*. 1994. Вып. 2. С. 91–115.

13. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М.: Языки славянской культуры, 2001. Кн. 1. 912 с.

14. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 3. 684 с.

15. *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1980. № 3. С. 119–126.

16. *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 52–70.

17. *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.

18. *Teteni M.* Письма родным М.Н. Муравьева (1778–1779) и их роль в становлении его литературного творчества // *Russica. In memoriam E. Balczechy.* Budapest: ELTE, 1983. P. 215–231.

Источники

19. *Алексеев П.А.* Речь о достоинстве и пользе катехизиса, которую пред начатием после вакансии учения в Ими. Московском университете говорил онагож Университета катихизатор Московскаго Архангельскаго собора священник Петр Алексиев. Августа 17 дня 1759 года. М.: При Имп. Московском ун-те, 1759. 16 с.

20. *Алексеев П.А.* Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах. М.: При Имп. Московском ун-те, 1773. 396 с.

21. *Алексеев П.А.* Дополнение к Церковному словарю. М.: При Имп. Московском ун-те, 1776. 299 с.

22. Армида. Опера, представленная на придворном императорском театре в Санктпетербурге, сочинения г. Марка Кольтеллини, пиита, находящегося в императорской службе. Музыка г. Антония Сальери. СПб.: Сенатская тип., 1774. 34 с.

23. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни имп. Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи. М.: Сенатская тип., 1775. 215 с.

24. *Виргинский В.С., Либерман М.Я.* Михаил Иванович Сердюков. М.: Наука, 1979. 127 с.

25. Газета Санктпетербургские ведомости XVIII века. Указатели к содержанию: в 4 ч. СПб.: Изд-во БАН, 2019. Ч. 3. 484 с.

26. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусскаго языка: в 4 т. СПб.; М.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1903. Т. 1. 853 с. СПб.; М.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1905. Т. 2. 1017 с. СПб.; М.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1907. Т. 3. 893 с.

27. Журнал о военных действиях российской императорской армии, собран из Санктпетербургских ведомостей: в 3 ч. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1761. Ч. 1. 268 с. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1763. Ч. 2. 270 с. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1763. Ч. 3. 215 с.

28. *Западов В.А.* Муравьев М.Н. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305–313.

29. Камертух // Словарь русского языка XVIII века. URL: https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/20923-камертух,_камордок,_каморток (дата обращения: 07.05.2024).

30. *Квинт Гораций Флакк* Полное собр. соч. М.; Л.: Academia, 1936. 450 с.

31. *Котельников С.К.* Молодой геодет, или первые основания геодезии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1766. 340 с.

32. *Люблинский В.* Наследие Вольтера в СССР // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 29–30. С. 3–200.

33. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1750. 510 с.

34. *Муравьев М.А.* Записки // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 7–81.

35. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л.: Сов. издатель, 1967. 396 с.

36. *Муравьев М.Н.* Письма // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 259–354.

37. Объявления о трауре, по кончине Ея Императорского Высочества Государыни Великия Княгини Натальи Алексеевны, на три месяца, считая с 15 апреля 1776 // Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 34. 26 апреля.

38. Пест // Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/29369-пест> (дата обращения: 06.05.2024)

39. Плутонг // Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/30131-плутонг> (дата обращения: 06.05.2024)

40. Правила издания исторических документов в СССР. М.: Изд-во Главного архивного управления при Совете Министров СССР, 1990. 186 с.

41. Публия Овидия Насона Превращения. СПб.: Сенатская тип., 1775. 254 с.

42. Сокращение первых оснований мафиматики, сочиненное в ползу учащегося юношества Христианом Волфом, профессором мафиматики и философии Гальския академии и членом Санктпетербургския и Берлинския академии. СПб.: При Морском шляхетном кадетском корпусе, 1770–1771. Т. 1–2. 810 с.

43. Стамет // Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/36332-стамед> (дата обращения: 06.05.2024)

44. *Сумароков А.П.* Сион Московский Озарился // *Сумароков А.П.* Полн. собр. всех соч.: в 10 ч. М.: В унив. тип. у Н. Новикова, 1781. Ч. 9. 379 с.

45. *Фруменкова Т.Г.* Опекуны Московского Воспитательного дома в царствование Екатерины II // *Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования.* СПб.: Нестор-История, 2008. 436 с.

46. *Чеботарев Х.* Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при императорском московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное. М.: В унив. тип., 1776. 541 с.

47. *Belloy P.-L.* de Le Siège de Calais. Paris: Chez J. Garrigan, 1765. 67 p.

48. *Le Jeune Claude* La Louiseide Ou Le Heros Chretien. Poeme Epique. Paris: Chez J. Merlin, Libraire, 1773. Vol. 1. 318 p.

49. L'erreur d'un moment ou la Suite de Julie. Comedie en un acte par M. Monvel. Paris: Chez la Veuve Duchesne, Libraire, 1773. 40 p.

50. *Marmontel F.* Contes Moraux. Paris: Chez J. Merlin, Libraire 1766. Vol. I. 345 p.

51. *Marpurg F.W.* Principes du clavecin. Berlin: Haude et Spener, 1756.

52. *Tasso T.* Gerusalemme Liberata. Milan, Paolo Antonio Tosi, 1820. Vol. 1. 304 p.

References

1. *Fomenko, I.Iu.* "Iz prozaicheskogo naslediiia M.N. Murav'eva" ["From the Prose Heritage of M.N. Muravyov"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1980, pp. 119–126. (In Russ.)

2. *Fomenko, I.Iu.* "M.N. Murav'ev i problema individual'nogo stilia" ["Muravyov and the Problem of Individual Style"]. *Na putiakh k roman-tizmu* [Towards Romanticism]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 52–70. (In Russ.)

3. *Ivinskii, A.D.* "Iz epistoliarnogo naslediiia M.N. Murav'eva: pis'ma 1778 goda k ottsu (po materialam OPI GIM)" ["From Mikhail Muravyev's Epistolary Heritage: Letters to Father"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], no. 6, 2018, pp. 171–191. (In Russ.)

4. *Ivinskii, A.D.* “Pis'ma M.N. Murav'eva k S.M. i F.N. Luninym 1791 g. (Po materialam OPI GIM)” [“Mikhail Muravyev's Letters to S.M. and F.N. Lunin in 1791”]. *Dokumental'no-khudozhestvennaia literatura v Rossii XVIII–XIX vv.* [Documentary and Fiction Literature in Russia of the 18–19th Centuries], Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 130–172. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0680-2> (In Russ.)

5. *Ivinskii, A.D.* “Pis'ma M.N. Murav'eva S.M. i F.N. Luninym 1789 g. (po materialam OPI GIM)” [“Mikhail Muravyev's Letters to S.M. and F.N. Lunin in 1789”]. *Avtobiografiia: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*, no. 7, 2018, pp. 193–247. (In Russ.)

6. *Ivinskii, A.D.* “Krug chteniia M.N. Murav'eva v 1770–1790 godakh (po materialam OPI GIM i OR RGB)” [“Mihail Muravyev's Circle of Reading in 1770–1790s (Based on Materials of OPI GIM and OR RGB)”]. *Vol'terovskie chteniia. Sbornik nauchnykh trudov* [Voltaire's Proceedings], vol. 5. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2019, pp. 235–257. (In Russ.)

7. *Ivinskii, A.D.* “M.N. Murav'ev i D.I. Khvostov: problema uspekha pri dvore Ekateriny II” [“Mikhail Muravyev and Dmitry Khvostov: the Problem of Success in the Court of Catherine II”]. *Izvestiia Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka* [Studies in Literature and Language], vol. 82, no. 4, 2023, pp. 43–54. (In Russ.)

8. *Kulakova, L.I.* “M.N. Murav'ev” [“M.N. Muravyov”]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia filologicheskikh nauk* [Philological Series], vol. 4, 1939, pp. 4–42. (In Russ.)

9. *Kulakova, L.I.* “Poeziiia M.N. Murav'eva” [“Poetry of M.N. Muravyev”]. *M.N. Murav'ev. Stikhotvoreniia* [M.N. Muravyev. Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967, pp. 5–52. (In Russ.)

10. *Kunts, E.V.* *M.N. Murav'ev — reformator, popechitel', nastavnik, poet* [Mikhail Muravyev as a Reformer, Trustee, Mentor, Poet]. Moscow, Novyi Khronograf, 2018. 328 p. (In Russ.)

11. *Lazarchuk, R.M.* *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII veka kak iavlenie literatury* [Friendly Writing in the 2nd Half of the 18th Century as a Literary Phenomenon: PhD Thesis Summary]. Leningrad, 1972. 19 p. (In Russ.)

12. *Pashkurov, A.N., Miasnikov O.V.* *M.N. Murav'ev: Voprosy poetiki, mirovozzreniia i tvorchestva* [M.N. Muravyov: Questions of Poetics, Worldview and Work]. Kazan, Kazan (Privolzhsky) Federal University Publ., 2003. 128 p. (In Russ.)

13. Rossi, L. "K voprosu o sootnoshenii epistoliarnoi i khudozhestvennoi prozy v Rossii v poslednei chetverti XVIII veka" ["On the Relationship between Epistolary and Fiction Prose in Russia in the Last Quarter of the 18th Century"]. *Slavica Tergestina*, issue 2, 1994, pp. 91–115. (In Russ.)

14. Sharf, K. Ekaterina II, Germaniia i nemtsy [Catherine II, Germany and Germans]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 536 p. (In Russ.)

15. Teteni, M. "Pis'ma rodnym M.N. Murav'eva (1778–1779) i ikh rol' v stanovlenii ego literaturnogo tvorchestva" ["M.N. Muravyov's Letters to His Family and Their Role in His Development as a Writer"]. *Russica. In memoriam E. Balczky*. Budapest, ELTE Publ., 1983, pp. 215–231. (In Russ.)

16. Toporov, V.N. Iz istorii russkoi literatury [From the History of Russian Literature], vol. 2: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: issledovaniia, materialy, publikatsii. M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [Russian Literature of the 2nd Half of the 18th Century. M.N. Muravyov. Introduction to Creative Heritage], book 3. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2007. 684 p. (In Russ.)

17. Zorin, A.L. Poiavlenie geroia: iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX vv. [The Appearance of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture in the Late 18th and Early 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russ.)